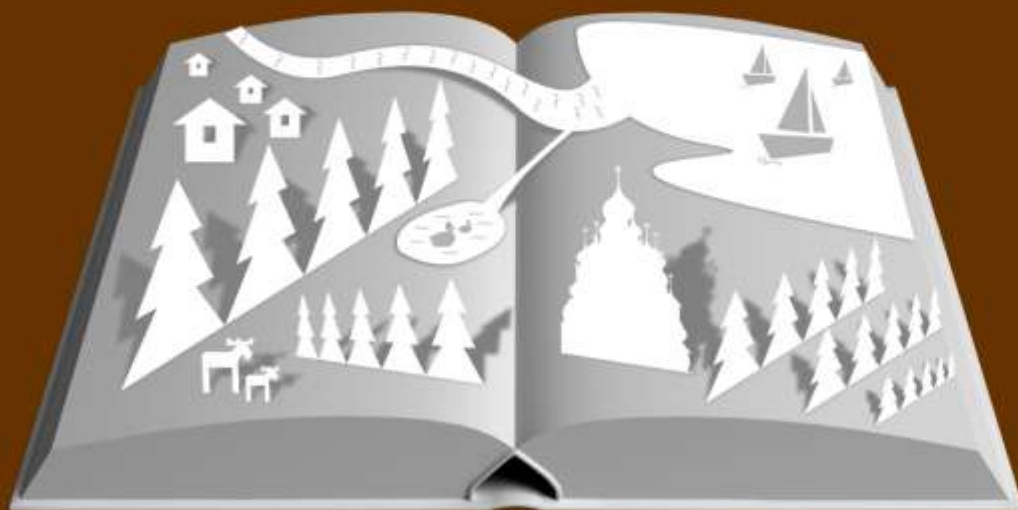

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы V научной конференции
(17–18 февраля 2011 г.)

Содержание

Предисловие	3
Раздел 1. Пленарные доклады	4
Макарова Е. Д. Воспитание любви к родному краю у дошкольников	4
Борисов И. В. Туломозерские железные рудники – уникальный памятник истории горного дела Карелии (1870–1930-е гг.)	8
Раздел 2. Секция «История»	17
Мошина Т. А. Новые страницы биографии преподавателя Олонецкой гимназии К. Ф. Бергштрессера ...	17
Данков М. Ю. Петр Великий и таинственный английский комендор на Олонце	20
Кондратьев В. Г. Из истории дошкольного образования (вторая половина XIX–XX вв.)	30
Калинина Е. А. Сельские школы первой половины XIX века России на страницах «Олонецких губернских ведомостей»	33
Шафранская К. В. Карельские педагоги-краеведы 1920-х гг. По материалам республиканской конференции работников просвещения (Петрозаводск, 1–11 сентября 1924 г.)	35
Швайко В. И. Архивные документы XIX–XX вв. по Кемскому и Сорокскому уездам как историко-лексикологический источник	40
Дианова Е. В. Красный цвет революции и кооперация	42
Титов С. М. Командиры и комиссары Онежской флотилии (1918–1920 гг.)	51
Копанев В. Н. Онежская военная флотилия в годы Великой Отечественной войны	61
Балясникова С. А. Роль Беломорско-Балтийского комбината в становлении северных городов Карелии	69
Зеленская Ю. Н. Деятельность Петрозаводского городского совета в 1930-е гг.	70
Шорохова И. В. Система политического просвещения художественной интеллигенции Карелии в период Хрущевской «оттепели»	72
Дианова К. А. Финляндия глазами краеведов Европейского Севера России в начале XX века	75
Раздел 3. Секция «Культура. Библиотечное дело»	78
Сергеев С. П. Региональный фактор в каталогизации традиционного народного искусства Карелии (по материалам создания каталога «Традиционное народное искусство Карелии»)	78
Новожилова С. В. Коллекция кириллических книг и рукописей В. П. Ершова – часть редкого фонда Научной библиотеки Петрозаводского государственного университета	85
Акбулатова Г. По следам «Осударевой дороги»	88
Смирнова Е. П. История печатных СМИ Карелии в постсоветский период (1990-е годы)	95
Коттина Т. Г., Зверева Е. А. Почетные граждане города Петрозаводска	98
Филатова В. А. «... На той войне незначимой...»	99
Раздел 4. Секция «Филологические аспекты краеведения»	106
Урванцева Н. Г. Сегежская коллекция фольклора Л. В. Денисовой	106
Дьячкова И. Н. Имена числительные в памятниках русского Севера (на примере рукописи летописца Соловецкого)	112
Пюльзю Е. А. Окружающий мир в восприятии севернорусского крестьянина (по лексическим данным)	114

Предисловие

17–18 февраля 2011 г. в помещении Карельского государственного краеведческого музея состоялась пятая научная конференция «Краеведческие чтения».

Участники конференции – научные работники, преподаватели, студенты Петрозаводского государственного университета, Карельской государственной педагогической академии, учителя школ города Петрозаводска, специалисты из Карельского государственного краеведческого музея, Национальной библиотеки Республики Карелия и других учреждений города и республики.

В этом году организаторами конференции выступили Карельский государственный краеведческий музей, Карельский научный центр Российской академии наук, Национальная библиотека Республики Карелия.

Сборник материалов по итогам конференции включает 24 доклада. Тематика докладов и сообщений конференции – краеведческие исследования по истории, культуре, образованию, филологии, краеведению, музейному и библиотечному делу. В соответствии с названиями секций конференции статьи объединены в разделы: «Пленарные доклады», «История», «Культура. Библиотечное дело», «Филологические аспекты краеведения».

Публикации адресованы краеведам, учителям, студентам и всем, кто интересуется историей края.

Раздел 1. Пленарные доклады

Макарова Е. Д., кандидат педагогических наук, зав. отделом дошкольного и начального образования ГОУ РК «Институт повышения квалификации работников образования»

Воспитание любви к родному краю у дошкольников

У Д. С. Лихачева есть замечательные слова: «Будем любить свой народ, свой город, свою природу, свою семью». Они являются своеобразным девизом для педагогов дошкольного образования, открывающих путь юным гражданам в большой мир.

Воспитание патриотизма у дошкольников может быть успешным только в том случае, если педагог сам будет знать историю своего родного края, своей страны. На сегодняшний день практически отсутствуют адаптированные для детей издания по истории и природе родного края, его этнокультурным традициям, особенностям народных промыслов, выдающимся людям, достопримечательностям и т. д. Поэтому, прежде чем знакомить детей с историческим прошлым или современностью, педагогу необходимо самому изучать краеведческий материал и – главное – уметь преподнести его детям доходчиво, понятно, интересно.

Так, одна из проблем, на сегодняшний день, состоит в том, как произвести отбор конкретной информации о родном крае, с которой педагог будет знакомить воспитанников. Кроме того, отобранное содержание следует распределить по объему на конкретные возрастные группы.

Следующая проблема – подбор форм и методов работы по ознакомлению дошкольников с родным краем. Несомненно, в педагогической деятельности используются классические, хорошо зарекомендовавшие себя формы: специально организованные наблюдения, экскурсии, дидактические игры, рассматривание наглядности, чтение и рассказывание, беседы и др. Тем не менее, сегодня с сожалением приходится констатировать, что использование их в практике работы дошкольных образовательных учреждений (далее – ДОУ) порой носит формальный, заорганизованный характер.

Данные обстоятельства и побудили нас организовать деятельность творческой группы педагогов ДОУ для решения вышеизложенных проблем. На наше предложение откликнулись и постепенно влились в работу воспитатели, старшие воспитатели, заместители заведующих по воспитательно-методической работе как г. Петрозаводска, так и районов Республики Карелия.

Работа творческой группы шла по трем основным направлениям:

- повышение общей компетентности самих педагогов в области изучения истории и культуры родного края;
- повышение профессиональной компетентности педагогов в части методики ознакомления детей дошкольного возраста с родным краем;
- координация деятельности и методическое сопровождение педагогов.

Задачи, которые мы ставили перед собой, были следующими:

1. повысить профессиональную компетентность педагогов ДОУ по теме «Родной край»;
2. разработать содержание методических материалов по ознакомлению дошкольников с родным краем;
3. апробировать данные материалы на базе ДОУ – участников творческой группы;
4. оформить методические материалы по ознакомлению дошкольников с родным краем.

Для повышения компетентности педагогов в области ознакомления детей дошкольного возраста с родным краем в течение учебного года организовывались встречи с интересными людьми. Так, например, участники творческой группы бывали на творческих встречах с детскими поэтами и писателями (на базе детских и юношеских библиотек); учились делать народную куклу на мастер-классах (в Карельском Центре народного творчества и в Карельской государственной педагогической академии); бывали в карельских избах, организованных в некоторых ДОУ г. Петрозаводска; знакомились с опытом работы Республиканского детского музейного центра; приобщались к миру карельских сказок и др.

Продуктивное общение с интересными людьми, с одной стороны, позволяло углублять представления о родном крае самим педагогам, с другой, – помогало им проектировать собственную педагогическую деятельность с дошкольниками.

На рабочих встречах участников творческой группы был выработан стратегический план работы, рассчитанный на несколько лет и состоящий из нескольких фаз. Первая фаза работы разделена на ряд этапов:

- подготовительный – где собиралась информация об имеющемся опыте работы ДОУ по проблеме краеведения;
- проектировочный – на котором обсуждались варианты направлений работы, определялся объем работы для участников творческой группы;

- планирующий – в ходе которого анализировался методический, материальный, организационный потенциал участников творческой группы; велось перспективное планирование по выбранному каждым участником направлению;
- реализующий – воплощение плана работы по выбранным направлениям.

В результате проведенного «мозгового штурма» участники творческой группы определили следующие направления краеведческой деятельности с детьми:

- История Карелии,
- Карельские традиции и обычаи,
- Символика Карелии,
- Карелия в играх детей,
- Родной край глазами детей (в изо-деятельности детей, в музыкальной деятельности и др.),
- Карелия в народном творчестве,
- Знаменитые люди Карелии (прошлого и настоящего),
- Природа родного края,
- Краеведческие туристические маршруты,
- Чудеса Карелии.

Границы между представленными направлениями достаточно условны. Практически каждое направление, по содержанию, так или иначе, пересекается с другими, образуя некую «общую землю». Таким образом, участники творческой группы были поставлены в объективные обстоятельства необходимости постоянного делового общения для корректировки работы по своим направлениям.

Для удобства разработки содержания каждого направления краеведческой деятельности нами была разработана общая модель реализации направлений (см. пример на рис. 1). Она позволила педагогам четко структурировать подбираемый материал, лаконично представить перспективы предстоящей деятельности по выбранному ими направлению.

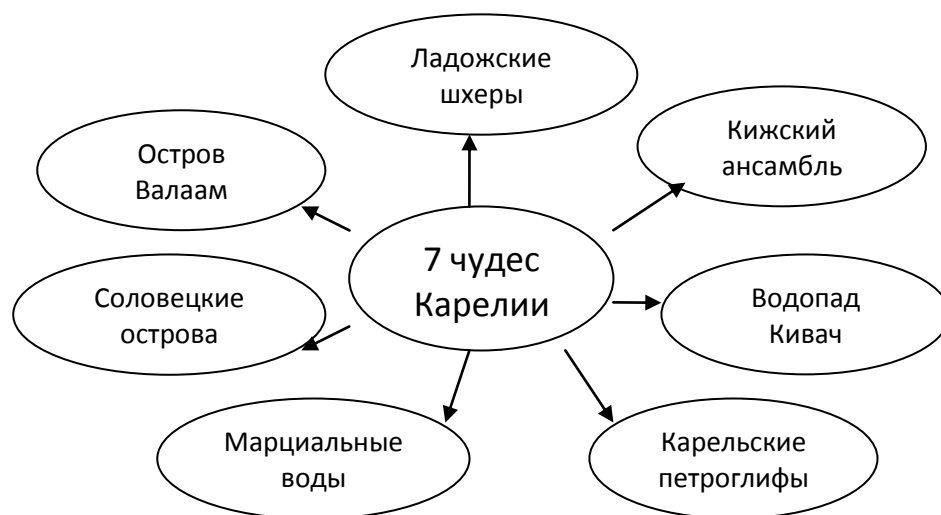

Рис. 1. Модель реализации направлений краеведческой деятельности

Работа с данной моделью помогала педагогам подбирать объекты для изучения, ознакомления с ними детей и взрослых по выбранным направлениям деятельности. Затем они определяли перечень микрообъектов, входящих в выбранные объекты (см. рис. 2). Происходил отбор микрообъектов для изучения взрослыми и детьми с учетом разных возрастных групп.

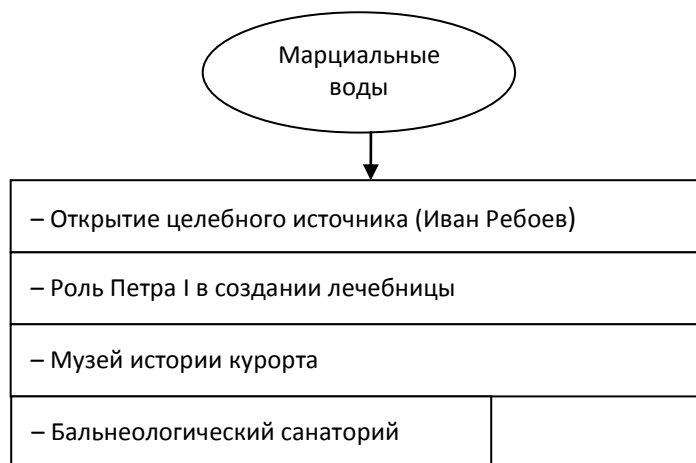

Рис. 2. Содержание работы по ознакомлению с объектом

Затем педагоги формулировали объем знаний, умений, навыков по изучению каждого из микрообъектов. Кроме того, дифференциация материала происходила и применительно к каждой возрастной группе.

После разработки содержания конкретного направления педагоги определяли перечень форм работы в разных видах деятельности ДООУ по реализации каждого направления. Параллельно с этим происходил отбор разных способов организации детей (индивидуальные, парные, подгрупповые, фронтальные).

Задачей руководителя группы было не только координация действий и оказание методической помощи педагогам творческой группы в разработке и реализации плана по выбранному направлению. Нам хотелось изучить опыт работы педагогов Республики Карелия, найти новых участников нашей группы и привлечь к этой работе педагогов из районов Карелии.

В процессе проведения курсов повышения квалификации, на выездных семинарах, в ходе участия в смотрах, конкурсах и фестивалях воспитателей районов республики шел активный поиск заинтересованных в краеведческой проблематике педагогов.

Область краеведения имеет неограниченные возможности для творческого поиска, поэтому педагоги, увлеченные идеей ознакомления дошкольников с родным краем, наряду с традиционными, находили необычные, оригинальные формы и методы работы с детьми. Представим более подробно наиболее интересные из них.

- Введение в жизнь группы детей сказочных, волшебных героев, которые сопровождают процесс знакомства детей с родным краем в течение длительного времени (волшебница Вода, Лешик, Старик-годовик и др.).

- Создание проблемных ситуаций, мотивирующих детей к дальнейшей поисковой краеведческой деятельности. Приведем ряд примеров.

- После чтения потешки о лисе: «... лиса лычко драла, лиса лапки плела...» – ребята заинтересовались необычными для современного лексикона словами. Педагоги рассказали о необычной старинной обуви, показали сырье, из которого плели лапти. Ребята пытались сами плести разные изделия. В дальнейшем воспитатели организовали работу по изучению различных ремесел, бытовавших на территории Карелии.
- К нам в гости приехали иностранные гости. Они ни разу не были у нас и хотят побольше узнать о нашем городе (селе). Что мы можем им показать? В каких интересных уголках нашего населенного пункта побывать? Что мы знаем о нашей малой родине и о чем расскажем гостям?..
- На краю нашего поселка приземлились инопланетяне. Они долго изучали необычное для них строение: рассматривали, прислушивались к странным звукам, доносившимся изнутри, и всему удивлялись... Далее детям предлагается пройти вместе с родителями по заранее разработанным маршрутам (в виде карт) и выявить «необычные» объекты, звуки в разных местах населенного пункта, чтобы потом рассказать о них всем детям.

Таким образом, дети встают перед объективной необходимостью узнать подробнее, точнее об особенностях своей малой родины: местоположении, истории возникновения, интересных исторических фактах, достопримечательностях, особенностях труда и быта жителей и т. д.

- Интерактивные экскурсии с использованием ИК-технологий. Например, «Прогулки по старому Петрозаводску», «Карелия на карте страны», «В краю озер и рек», «О чем рисовали древние художники» и др.

- Оформление тематического уголка о Карелии. Например, «Дом, где мы живем», «Наш край – Карелия», «Что мы знаем о Карелии», «Карельская горница», «Крестьянская изба» и др. Такие тематические уголки создаются во многих ДООУ как г. Петрозаводска, так и районов Карелии. Педагоги по-разному используют возможности этой части предметно-развивающей среды группы детского сада, наполняя ее разнообразным содержанием, периодически сменяя объекты (материалы, пособия, экспонаты, книги) в зависимости от решения конкретных краеведческих задач в каждой возрастной группе.

- Создание макета родной улицы, района, населенного пункта (современные и исторические). Моделирование в трехмерном пространстве даже ближайшего окружения представляет собой достаточно трудную интеллектуальную задачу для дошкольников. Конечно, без помощи взрослых здесь не обойтись.

Первоначально, дети вместе с родителями создавали объемные макеты своих домов и объектов ближайшего окружения; рисовали маршруты от своего дома до детского сада. Затем в ДОУ отдельные элементы собирались в общий макет. В сотворчестве детей и взрослых макеты дополнялись некоторыми историческими объектами, достопримечательностями и пр. Дошкольники изучали по старинным фотографиям, вырезкам из газет особенности культуры и быта людей, живших в их родных местах в прошлом. Такое глубокое, поэтапное погружение в, казалось бы, привычное окружение позволяет детям формировать четкое представление о своей малой родине.

Показателем эффективности проделанной работы может служить тот факт, что дети с удовольствием разыгрывали с помощью макетов как привычные для них сюжеты, так и сюжеты на исторические темы, используя игрушки, предметы-заместители, реальные объекты труда и быта местных жителей. Так, например, дети «ходили друг к другу в гости», «отправляли письмо на почте»; устраивали ярмарки и народные гуляния, разыгрывали встречу рыбаков с уловом и др.

- Приобщение к природным, материальным и духовным богатствам родного края через организацию мини-музеев в группах детского сада. В рамках этой работы дошкольники знакомились с такими понятиями, как «исследователь», «коллекция», «собирачество», «композиция» и др.

Результатом совместной деятельности воспитателей, детей и родителей явилось создание в группах мини-коллекций:

- «Растительный мир Карелии» (гербарии, фотографии о типичных растениях, произрастающих в Карелии);
- «Мир камней» (полезные ископаемые Карелии: образцы различных горных пород и минералов: гранит, кварцит, мрамор, шунгит и др.);
- «История Петрозаводска в открытках и фотографиях» (виды столицы Карелии в прошлом и настоящем);
- «Волшебные игрушки» (сотворчество педагогов, детей и родителей в изготовлении сказочных и фольклорных персонажей из природного материала) и др.

Предметы из коллекций служили не просто образцами для рассматривания в мини-музеях. Они были объектами, с которыми дети имели возможность свободно действовать: рассматривать, сравнивать, перебирать, раскладывать, конструировать, обыгрывать и т. д. Так, например, коллекции использовались на обучающих занятиях, где объекты из коллекций служили наглядным, счетным, раздаточным материалом (занятия по математическому развитию, ознакомлению с природой, развитию речи и др.). Экспонаты коллекций часто включались в опытно-экспериментальную деятельность детей. Например, при проведении опыта «Что плавает? Что тонет?»: тонут ли камни, перья, листья, шишки?..

В процессе сбора детьми разнообразных коллекций и работе с ними педагоги решали задачи воспитания любви к родному краю, формирования познавательной активности, формирования творческой личности, способной воспринимать красоту окружающего мира и сознавать свою ответственность за его сохранение и умножение, а также возможность передачи своего, пусть и небольшого, опыта другим.

- Моделирование как метод подачи и закрепления представлений о родном крае.

Создание моделей облегчает усвоение детьми знаний, особенно связанных с отдаленными от них явлениями и фактами, как в географическом, так и во временном плане. Не секрет, что ориентировка во времени и в пространстве являются самыми сложными сенсорными эталонами при их формировании у дошкольников. Специфика возраста не позволяет детям в полной мере охватить достаточно большие временные или пространственные отрезки.

Использование в работе с детьми разных типов моделей позволяет облегчить восприятие сложной, абстрактной по содержанию информации; опираясь на наглядно-образное мышление, переходить к формированию словесно-логического типа мышления.

Так, моделирование позволяет детям наглядно представить соотношение таких понятий, как «мой город» (село), «мой район», «моя родная Республика Карелия», «Моя страна – Россия». Таким же образом дети выстраивают классификации растительного и животного мира родного края и т. д.

- Включение национального колорита в повседневную жизнь детей. Народные промыслы Карелии, специфика архитектуры, особенности одежды жителей Карелии в прошлом, домашняя утварь, фольклор, музыкальное творчество народов Карелии – все это поддерживает живой интерес детей к прошлому и настоящему нашего края.

Педагоги вместе с детьми проживают определённый период времени, привнося в эту жизнь частичку культуры и быта из жизни народов Карелии (чаепитие у самовара с калитками; народные карельские игры; драматизация праздников, ярмарок, бытовавших на территории Карелии; освоение карельской вышивки, берестоплетения – «Сельские посиделки» и др.).

Представленные пути знакомства детей с родным краем, конечно, не претендуют на всю полноту его описания. Скорее, они составляют своеобразную «карельскую мозаику» возможных вариантов приобщения детей к истории и современности Карелии, изучению ее богатств, воспитанию любви к родному краю.

Продолжающийся уже несколько лет подъем краеведения, опыт, накопленный в этом направлении, общение с коллегами, дает возможность сегодня говорить о том, что краеведческая работа вносит качественно новый аспект в работу с дошкольниками.

*Борисов И. В., зав. экскурсионно-туристическим отделом
Регионального Музея Северного Приладожья
им. Т. А. Хаккарайнена, кандидат географических наук*

Тулумозерские железные рудники – уникальный памятник истории горного дела Карелии (1870–1930-е гг.)

На территории Республики Карелия известно около 1500 исторических выработок различных полезных ископаемых и сотни руинированных горно-заводских сооружений XVIII–XX веков. Более 10 % этих объектов в настоящее время рассматриваются как памятники горно-индустриального наследия, горного дела (имеющие официальный статус памятника или являющиеся потенциальными памятниками) и как уникальные техногенно-природные комплексы. Исторические горные выработки и руинированные горнозаводские сооружения на территории Карелии расположены неравномерно. Наибольшая их концентрация наблюдается в Северном Приладожье (около 550), в районе Туломозера (свыше 190), на западном берегу Онежского озера (до 50), в Кондопожском (свыше 100), Медвежьегорском (около 90), Беломорском (около 100), Лоухском (до 250) районах.

Среди известных горно-индустриальных объектов Карелии особое место занимает уникальный горно-заводской и техногенно-природный комплекс «Тулумозерские железные рудники», расположенный в Пряжинском районе, к северу от озера Туломозера, на площади 3,7 х 16 км. Этот комплекс включает в себя около сотни горных выработок железной руды – гематита, десятки выработок медной руды, «флюсового камня» – доломита и строительного камня – габбро-амфиболита, а также десятки руинированных сооружений чугуноплавильного завода.

Изучением геологии района Туломозера в послевоенные годы занимались геологи Карельского научного центра: Соколов В. А. (1963 г.), Макарихин В. В. (1983 г., 1987 г.), Горьковец В. Я., Раевская М. Б. (1990-е гг.) и др.

Региональный Музей Северного Приладожья (РМСИ) занимается изучением истории и ландшафтов Тулумозерских рудников и заводов с 2000 года. Первые шаги в этом направлении были сделаны в 2003–2004 годах при участии краеведа Грибушина А. И. – автора обширного материала по истории Тулумозерского чугуноплавильного завода, составленного по архивным источникам.

С 2006 года начался полевой этап исследований Тулумозерских рудников и заводов. Партнерами в этой работе выступили спелеологи Комиссии спелеологии и карстоведения Русского географического общества (г. Санкт-Петербург) и Карельской региональной общественной организации спелеологических исследований «Колос» (г. Сортавала). За период с 2006 по 2010 годы автором и партнерами было проведено около 20 экспедиций на Тулумозерские рудники и заводы. Полученные во время экспедиций материалы были опубликованы в ряде журналов и книг, озвучены на научно-краеведческих конференциях в 2008–2010 годах в городах Питкяранта и Сортавала. Собранные в ходе раскопок инструменты горняков, элементы железных дорог и другие уникальные предметы конца XIX века в настоящее время экспонируются в Региональном Музее Северного Приладожья.

На сегодняшний день история Тулумозерских рудников и заводов представляется автору следующим образом.

Железную руду (лимонит) со дна болот и озер добывали в районе озера Туломозера (Тулмозера) местные крестьяне еще в XVII веке. Руда плавилась в сыродутных крестьянских домницах – получались крица и уклад. В первой половине XVIII века тулумозерская железная руда понемногу вывозилась на Петровские (Олонецкие) заводы.

В 1762 году недалеко от д. Гилкажи, на верхнем пороге реки Туломы, олонецкими купцами Иваном Барминым, Иваном Игачевским и Матвеем Чогиным был построен первый Тулумозерский доменный и молотовый завод, проработавший до 1778 года.

Разрешение на строительство предприятия было дано Берг-коллегией 8 июля 1762 года. В том же году на заводе появилась сыродутная фабрика с тремя горнами при водном дутье, которая с 1763 года стала выпускать кричный чугун. Строительство домны было закончено только в 1766 году, и в январе 1767 года она начала действовать.

В 1778 году на заводе значились следующие строения и сооружения: плотина; домна, построенная в 1777 году взамен старой, снесенной половодьем; молотовая фабрика с тремя молотами и четырьмя горнами; дощатая фабрика для производства кровельного железа, с тремя молотами и четырьмя горнами; якорная фабрика с тремя молотами; кузница для изготовления кос и топоров; сыродутная крицовая фабрика; фурмовая.

При заводе имелись пильная и мукомольная мельницы, сараи, жилой дом для заводчиков, казармы для мастеровых и работных людей, бани и часовня.

Годовая производительность домны определялась Берг-коллегией в 40000 пудов чугуна, но фактически она была на порядок ниже – максимум 8511 пудов (1770 г.), минимум 318 пудов (1777 г.).

Тулумозерский завод был единственным в Карелии частным заводом второй половины XVIII века, выпускавший наиболее широкий ассортимент изделий – чугун для балласта, полосовое и кровельное железо, якоря, косы, топоры.

В 1778 году Тулумозерский завод прекратил свою работу. Причинами остановки предприятия, как считает исследователь Васильевская О. И., являются: полное банкротство компаньонов, крайний недостаток рабочей силы в связи с появлением в районе нового лесопильного производства, отсутствие на заводе необходимого количества древесного угля по причине сокращения отвода лесов в условиях развития в районе лесопильных предприятий (3).

По данным исследований 2008 года, на месте первого Тулумозерского доменного и молотового завода у деревни Гилкажи еще заметны следы плотины, земляных сооружений, заросшие лесом склады руды.

История металлургического производства на берегах Тулумозера была прервана в 1778 году, и возродилась только в 1899 году, когда в нескольких километрах к северу от Гилкажи, на реке Колос, впадающей в озеро Тулумозеро, был запущен новый чугуноплавильный завод, работавший в основном на богатых гематитовых рудах.

Первооткрывателями «железного блеска» – гематита на берегах реки Колас еще в конце XVIII века стали местные крестьяне. Добытую на территории «Тулумозерской дачи» (волости) «горную» руду они вывозили на продажу на Олонецкие чугуноплавильные заводы, в том числе в Кончезеро и Петрозаводск. Не исключено, что еще в 1770-е годы здешняя гематитовая руда могла поступать в небольшом количестве на работавший тогда Тулумозерский доменный и молотовый завод.

Первое квалифицированное обследование гематитовых руд «Тулумозерской дачи» было проведено по указанию начальника Олонецких горных заводов полковника Адама Армстронга в период с 24 августа по 12 сентября 1838 года офицерами корпуса горных инженеров поручиком Комаровым Н. и шихтмейстером 13-го класса Анушиным Н. (5, 6). Уже 12 сентября они представили рапорт о наличии двух месторождений «железного блеска» в 4 верстах от деревни Колатсельги, а 7 января 1839 года – геологическое описание окрестностей Тулумозера, образцы и характеристику руд. В сентябре 1838 года в Колатсельге была проведена первая опытная плавка руды в традиционной крестьянской домнице. Полученное железо оказалось в целом неплохим (7).

В 1850 году тулумозерская железная руда представлялась на всемирной выставке в Париже в качестве сырья для производства пушечного чугуна и снарядов (11).

Разведка железных руд «Тулумозерской дачи» была продолжена в 1862 году управляющим Суоярвским чугуноплавильным заводом бывшим гвардейским офицером, петербургским почетным гражданином Красильниковым А. Ф. По его указанию в урочище Агвеноянсельга был пройден разведочный шурф, который не встретил богатой руды, в результате чего дальнейшие работы здесь были прекращены.

В 1869 году владелец Люпиковского чугуноплавильного завода (под Питкярантой) Вольстедт, искавший новые месторождения железной руды, продолжил разведку и разработку оставленного прииска Агвеноянсельга. Руды было мало, и поэтому заводчик предложил местным крестьянам добывать для него руду на всей территории Тулумозерской волости за плату в 20–25 рублей с сажени породы, но эти отношения не были закреплены соответствующими документами (10).

В условиях резкого повышения спроса на чугун и сталь у завода «Люпикко» сразу же появились конкуренты, претендующие на тулумозерские руды. Так, дорогу люпиковским заводчикам перебежал некий Иевлев – государственный крестьянин Олонецкого уезда. Он стал склонять местных крестьян уступить ему права на рудники, расположенные на их земельных наделах, и отправился в Санкт-Петербург в поисках меценатов.

В сентябре 1870 года Иевлев подал в Олонецкое полицейское управление заявление об открытии якобы им лично на территории Тулумозерской волости 17 приисков «горных» руд и 10 приисков озерных руд, перечислив в нем все объекты, на которых заводом «Люпикко» проводились поисковые и разведочные работы, а также новые прииски, известные по словам местных жителей.

22 и 25 марта 1871 года Иевлев заключил с местными крестьянами договор, по которому они уступали ему свои рудники и обязались никого к ним не допускать со стороны, даже для производства разведки.

Иевлев не раз обращался с предложением финансирования разведочных и добычных работ на территории Тулумозерской волости к богатым и влиятельным людям – русскому промышленнику и инженеру Путилову Н. И., фон Глаузеру, Гротену М. Ф. и другим, но неопределенность положения самого Иевлева не позволяла инвесторам вступить с ним в договорные отношения (10).

Все же в конце 1871 года Иевлев получил финансовую поддержку от Гротена М. Ф., человека денежного, предприимчивого и влиятельного, и начал бить разведочные шурфы по рудным жилам, уже найденным и разведанным заводом «Люпикко».

«Происки Иевлева, по которым крестьянские руды (Тулумозерской волости – И. Б.) проскользнули между пальцев у администрации Люпиковского завода», вызвали в ней стремление исправить положение. Вольстедт начал ходатайствовать об отводе ему площадей с рудными залежами, но поскольку делал это не очень активно,

то за Люпиковским заводом была закреплена только малая часть разведанных приисков, а остальные рудники достались Гротену М. Ф.

В ходе своих поисков инвесторов Иевлев познакомился с отцом и сыном Новдолденными, известными по участию в пресловутом Мясниковском процессе. Заручившись денежной поддержкой со стороны управляющего Суоярвским заводом Красильникова А. Ф., Новдолденны не стали сотрудничать с сомнительным Иевлевым, и заключили в сентябре 1871 года контракт с крестьянами Туломозерского и Сармяжского обществ, которые за ежегодную арендную плату в 1200 рублей окончательно уступили им эксплуатацию своих рудников.

Не имея достаточных средств, компания Новдолдена-Красильникова привлекла к участию в разведке и добыче туломозерской руды инвесторов Башмакова и Севастьянова. Последний нанял для проведения разведочных работ инженера Грановского, который всего два раза побывал на Туломозерской даче в сентябре и декабре 1871 года, после чего расторгнул контракт (10).

Летом 1872 года по поручению Башмакова разведкой руды на территории «Туломозерской дачи» занимался известный металлург, профессор Санкт-Петербургского горного института Кулибин К. А. Он заложил на рудных участках в Рогосельге, Рекунсельге, Сонансельге и Маегсельге четыре разведочных шахты (шурфа) и несколько канав. Производство горных работ велось традиционным буровзрывным способом (бурение шпуров, зарядка их порохом и «отпалка»). Разведка показала значительность запасов руды – 872,8 тыс. т при среднем содержании железа 45 %. Но, по мнению Кулибина К. А., добыча руды и выплавка железа из нее могла бы стать дорогой из-за малых размеров рудных тел, отсутствия дорог и дальности перевозки сырья до Ладожского озера (4). Заключение Кулибина К. А. о рискованности дела отвратило от дальнейшего участия в нем Башмакова и Новдолдена, и только Красильников А. Ф. надеялся на лучшее.

Вдохновленный находкой сонским крестьянином в урочище Фадейн-келлян-виду богатой медной руды, Гротен М. Ф. все же решил продолжить разведку и добычу руды на «Туломозерской даче» и мечтал о строительстве своего чугуноплавильного завода.

19 октября 1872 года Гротен М. Ф. заключил с Министерством государственных имуществ контракт на 48 лет на разработку руды на всей территории «Туломозерской дачи». По контракту, Гротену М. Ф. на устройство рудников отпускалось ежегодно по 850 десятин спелого леса из близлежащих дач. В свою очередь, за 48-летнюю аренду Гротен М. Ф. обязался ежегодно выплачивать казне 35600 рублей с увеличением этой суммы на 25 % за каждое десятилетие эксплуатации. Самым главным условием договора был пункт об открытии завода «для проплавки местных руд» в размере не менее 150000 пудов в год (2400 т).

10 ноября 1872 года к участию в деле Гротеном М. Ф. были привлечены действительный статский советник Александр Сергеевич Энгельгардт и подполковник Анатолий Павлович Грек.

20 ноября 1872 года было образовано «Товарищество разработки рудных месторождений Туломозерской дачи» в составе ранее упомянутых Гротена М. Ф., Энгельгардта А. С., Грека А. П., а также коллежского советника Абаза В. С. и дворянина Сегена Ф. Ф. Председателем товарищества стал Василий Саввич Абаза (10).

Вероятно, что в 1873 году это предприятие было преобразовано в Северное акционерное общество «Сталь», учредителями которой стали Энгельгардт А. С., Абаза В. С., Берн и другие влиятельные и богатые люди России.

В 1880-е годы по приглашению АО «Сталь» разведкой гематитовых руд на территории «Туломозерской дачи» занимались горные инженеры Версилов, фон Таль, Хирьяков М., Лушников И. В., горные инженеры из Франции и Швеции.

По высказыванию горного инженера Версилова, «...залежи железных руд оказались столь громадными, что не представляет надобности более производить разведочные работы. Природа здесь дала все: стоит только воспользоваться тем, что она так щедро рассыпала на пространстве двадцать верст». Горный инженер Хирьяков М. тоже был поражен изобилием руд «подобное которому редко где-либо можно встретить, а тем более предполагать в этой, близкой к Петербургу, местности» (13).

По расчетам горного инженера, профессора геологии Лушников И. В., запасы руды на Туломозерском месторождении составили как минимум свыше 1 млн тонн. Фон Таль определил запасы руды в 1,6 млн тонн.

Многие исследователи считали, что добыча руды и строительство чугуноплавильного завода в Туломозерской волости оправдают себя.

В 1890-х годах в правление акционерного общества «Сталь» входил член императорской фамилии Великий Князь Петр Николаевич. По его инициативе в 1896 году на территории «Туломозерской дачи» была организована экспедиция под руководством горного инженера Шеповальникова А. Итоги экспедиции, длившейся четыре месяца, были опубликованы в «Горном журнале» только в 1901 году.

Проведенные исследования позволили уточнить запасы руды и непосредственно приступить к строительству чугуноплавильного завода. Шеповальников А. обследовал около 45 рудопроявлений, расположенных к северу от д. Колатсельга, в междуречье рек Сона и Колас, и отметил высокое качество гематитовой руды, которая в основном концентрировалась в доломитизированных и окварцованных известняках, реже – в сланцах. Рудные тела имели вид пластовых жил мощностью 0,5–2 м, в среднем 1 м, протяженных на десятки метров (14). Самыми богатыми оказались прииски Рогосельга и Рекунсельга, которые впоследствии интенсивно разрабатывались.

В 1896 году на правом берегу реки Колас, в 3 км от деревни Колатсельги, по проекту немецкой фирмы Люрмана (Берлин) началось строительство Туломозерского чугуноплавильного завода, который исторически стал вторым металлургическим заводом Туломозерской волости. Место для предприятия было выбрано не случайно – всего в 1,5–5,5 км находились рудопоявления гематита, совсем рядом, в 0,5–1 км – залежи «флюсового камня» (доломита) и строительного камня (габбро). В окрестностях было достаточно спелого леса, нужного для жжения угля.

Подготовка к строительству завода началась еще в 1870-е годы. В начале 1880-х годов в Колатсельгу было доставлено первое заводское оборудование.

Завод, запущенный в 1899 году, располагал капитально построенными каменно-кирпичными зданиями для шихтарника, литейного двора, дробилок, котельной, мастерских, водокачки с паровой машиной и других механизмов, и по тем временам считался одним из самых технически оснащенных металлургических предприятий Олонецкой губернии. Все железные части предприятия были изготовлены из качественного шведского металла. Домна высотой 19 м была рассчитана на 32 т чугуна в сутки. Литейный двор примыкал к домне. Здесь работали три каупера системы Циммермана и Янсона, двухцилиндровая воздухоудка Клейна, четыре ланкширских паровых котла. Действовали кирпичный и известковый заводы, работавшие на местном сырье – доломите и глинах. Для рабочих были построены жилые дома, больница, магазины, часовня (8). Руда на завод доставлялась в вагонетках по узкоколейной железной дороге, проложенной по болотистой местности и по мосту через реку Колас. Руду добывали открытым и подземным способами в 10 рудниках, самыми крупными из которых были Рекунсельга и Рогосельга.

Туломозерский завод работал всего 4 года, с 1899 по 1903 годы, за все время выплавив 8302 т чугуна. Число рабочих каждый год снижалось, от 322 человек в 1898 году, до 100 человек в 1901 году. Основной рудной базой являлись горные разработки местной железной руды – гематита, хотя употреблялись также болотные и озерные руды.

В 1903 году завод был закрыт по причине убыточности из-за отсутствия транспортных коммуникаций, нехватки рабочей силы и специалистов, низкого качества руды, грубых управленческих и технических просчетов (домна была спроектирована для кокса, но вынуждена была работать на древесном угле и др.).

В 1905 году часть оборудования Туломозерского завода было продано финской фирме «Диизен Вууд», владевшей Питкярантскими рудниками и заводами, но только в 1919 году, во время оккупации Колатсельги финскими войсками, некоторая его часть была вывезена в Питкяранта (8). Тогда же был практически полностью уничтожен рабочий поселок при заводе.

В 1918 году Олонецкий РИК предложил восстановить Туломозерский завод. Эта инициатива была поддержана ЦСНХ АКССР только в 1929 году – индустриализация СССР требовала освоения новых месторождений руды. Но за прошедшие годы часть корпусов завода была растащена на кирпичи местными жителями.

В 1931–1932 годах по заданию Совета Народных Комиссаров (СНК) АКССР изучением Туломозерского железорудного месторождения и обследованием заброшенных рудников и завода на участке Колатсельга–Сона занималась Туломозерская геологоразведочная партия Ленинградского геолого-разведочного треста (геолог Желубовский Ю. С.).

Экспедиция ЛПРТ признала Туломозерское месторождение перспективным. В 1932 году были утверждены запасы гематитовой руды в 3 миллиона тонн при среднем содержании железа в руде 40 %.

На 1931 год на Туломозерском заводе еще многое оставалось в сохранности: домна, корпуса, здание водонапорной башни, значительная часть оборудования: воздухоудка, ланкаширские котлы, насосы, водопровод и т.д. Но все рельсы с железных дорог были вывезены, не было и вагонеток.

С 1 марта 1932 года в ЦСНХ АКССР неоднократно поднимался вопрос о возрождении Туломозерского завода и строительства железной дороги Петрозаводск–Колатсельга, но эти предложения не получили необходимой финансовой поддержки. На 1 октября 1932 года был запланирован запуск возрожденной домны Туломозерского завода, на 1933–1935 годы – обновленных шахт. За проектирование рудников и завода взялись специалисты институтов Гипроруда, Механобр, Росметизпроект (2).

6 апреля 1932 года привезенный из Петрозаводска локомотив дал первый заводской гудок, оповещавший о начале восстановления завода, первым директором которого стал Хейкки Ювонен. Но реальное восстановление завода было невозможно: средств, рабочей силы и специалистов катастрофически не хватало.

К концу 1932 года стало ясно, что проблемы, возникшие при проектной и практической работе по восстановлению завода, реально не могут быть решены: средств, рабочей силы и специалистов катастрофически не хватало. Тогда СНК АКССР принял решение о консервации завода с января 1933 года. Досками зашили окна домов поселка и корпусов предприятия. Была установлена охрана. Оставшееся на предприятии оборудование подлежало сохранению, продажа капитального оборудования и части машинного парка была запрещена. В апреле 1934 года бывший завод передали на баланс треста «Шунгит». Комендантом законсервированного предприятия назначили Фритшева В. (2).

15 августа 1939 года, перед «Зимней» войной, постановлением СНК АКССР весь жилой и хозяйственный фонд п. Колатсельга и бывшего Туломозерского завода был передан в ведение Ленинградского военного округа для размещения воинских частей.

В 1944 году, отступая, финны вывезли оставшееся оборудование, а заводские сооружения частично взорвали.

Здания бывшего рабочего поселка с 1950-х до 1980-х годов использовались в качестве помещений пионерского лагеря. Заводские корпуса продолжали разрушаться, но часть из них до начала 1990-х годов служили в качестве складов.

В 1994 году один из руинированных корпусов (№ 1) бывшего Туломозерского завода был объявлен памятником истории горного дела (индустриальной культуры). Остальные сооружения завода статуса памятника не получили. За прошедшие годы корпуса Туломозерского завода значительно обветшали. От некогда мощного предприятия остались лишь руинированные стены корпусов.

В конце 2007 года Карельская региональная общественная организация спелеологических исследований «Колос» (КРОО СИ) направила в ГУ «Республиканский центр по государственной охране объектов культурного наследия» материалы по вновь выявленным сооружениям бывшего Туломозерского завода и горным выработкам рудника «Рогосельга» для постановки этих объектов на учет в качестве памятников истории горнозаводского дела. В настоящее время документы находятся в Министерстве культуры и до сих пор никакого решения по данному вопросу не принято.

Исследования геологов КНЦ РАН показали, что Туломозерское месторождение относится к стратифицированному типу железорудных месторождений протерозоя, и приурочено к туломозерской свите верхнего ятулия, нижняя часть которой сложена гравелитами, песчаниками и алевролитами, а верхняя – доломитами с гематитовым оруденением, и изредка встречающимися вулканитами основного состава.

Туломозерские рудники включали около 40 проявлений железной (гематитовой) руды, из которых разрабатывалось чуть больше половины. Самыми крупными рудниками были Рогосельга и Рекунсельга, связанные с Туломозерским заводом железной дорогой.

Наиболее интересным, изученным и доступным для исследователей и туристов является уникальный техногенно-природный комплекс рудника «Рогосельга», расположенный в 4,5 км к северу от п. Колатсельга, на левобережье реки Колас, в пределах одноименной возвышенности. Здесь, на площади 650х230 м удовлетворительно сохранились 49 горных выработок гематитовой руды, в том числе 30 траншей и 19 подземных выработок (6 штолен, 13 шахт и шурфов). Рудник «Рогосельга» действовал в 1880–1900-е годы, но особенно активно в 1899–1903 годы, когда работал Туломозерский чугуноплавильный завод, находившийся в 1,5 км от него. Самые ранние разведочные работы на этом руднике были проведены в 1872 году Кулибиным К. А., а самые последние – в 1931 году геологом Желубовским Ю. С.

По данным геологов КНЦ РАН, в пределах рудопроявления Рогосельга на поверхность выходят доломиты с двумя продуктивными пластами, состоящими из серии гематитовых линз. Длина отдельных рудных линз достигает 10–100 м при мощности 0,1–0,5 м. Оруденение связано с хемогенными железисто-кремнистыми и терригенными железисто-песчаными осадками. Преобладают гематитовые руды с тонкозернистым кварцем – гематитовые кварциты.

На руднике «Рогосельга» применялся комбинированный способ добычи руды – траншеями и подземными выработками, что связано с особенностями залегания рудных тел. До глубины 5–7 м добыча велась в небольших траншеях шириной до 5 м с углами откосов 60–70°, а глубже – наклонными щелеобразными шурфами и шахтами. От подземных стволов по рудному пласту проходились рассечки. Подъем руды на поверхность производился по наклонным подъемникам.

Вертикальные подземные выработки (шурфы и шахты) достигали глубины 20–25 м. Их проходка осуществлялась по рудным слоям системой сплошной выемки без предохранительных целиков. Крепление велось распорками и костровой крепью. Высота забоя составляла около 1 м.

По данным КНЦ РАН, шурфы имели три отделения – два подъемных и одно лестничное. От шурфов по рудному слою велись рассечки сводчатой формы высотой до 2 м и шириной 1,8–2,5 м. Там, где позволял рельеф, рассечки штольнями соединялись с поверхностью.

Также имелись подготовительные выработки для вскрытия второго этажа – слепые вертикальные стволы из штолен и рассечек первого этажа.

Расположение, конфигурация и размеры горных выработок Рогосельги определяются положением и морфологией рудных тел, рельефом местности, а также особенностями технологии разработки.

Открытые выработки Рогосельги образуют прерывистую цепочку траншей длиной 10–130 м, шириной 3–12 м, глубиной 2–7 м, объемом от 100 до 2600 м³, пройденных по маломощным (0,5–1,5 м) рудным пластам, непосредственно выходящим на поверхности возвышенности. Общее количество горной массы, добытой в 30 траншеях Рогосельги, составляет примерно 11000 м³, в т. ч. около 9000 м³ гематитовой руды (1).

В пределах Рогосельги КРОО СИ и РМСП установлено 13 наклонных шурфов, пройденных по крутопадающим рудным пластам на глубину 15–25 м. Часть таких выработок заложена на дне и в бортах траншей, часть – между траншеями. Шурфы и шахты имеют в основном вытянутую, щелеобразную форму и сечение (0,7–2,2)х(4,5–15) м.

На глубине 3–15 м от поверхности стволы шурфов и шахт переходят в рассечки – большие наклонные щелеобразные полости длиной 10–50 м и шириной 1,5–3,5 м, пройденные по рудным пластам.

Особенностью техногенного комплекса рудника «Рогосельга» является наличие двух протяженных штолен, соединяющих практически все крутопадающие подземные выработки с рассечками. Устье «Главной» штольни (№ 1) расположено в подножье юго-западного склона Рогосельги, напротив грунтовой дороги Колатсельга–

Сона. Эта штольня была пройдена в 1890–1900-е годы для облегчения вывоза породы и руды и отвода грунтовых вод из подземных выработок «первого» рудного горизонта.

С поверхности горы «Главная» штольня трассируется четырьмя наклонными шахтами (шурфами) и четырьмя протяженными траншеями. Вероятно, максимальная длина этой штольни достигает 400 м.

«Главная» штольня начинается подходной траншеей длиной до 15 м, и первые 18 м идет перпендикулярно простиранию склона возвышенности, на северо-восток.

В 23 м от устья штольня раздваивается: главная галерея продолжается в юго-восточном направлении на десятки метров, правая ветвь – тупиковая, обрывается в 35 м от развилки (использовалась для отстоя вагонеток).

В 25 м от устья «Главной» штольни начинается рассечка № 1 («зал № 1») – крутонаклонная, щелеобразная полость шириной 10–18 м, длиной до 30 м, толщиной 1,6–4 м, пройденная по рудному пласту. Здесь было добыто около 700 м³ гематитовой руды. В нижней части рассечка соединяется с галереей штольни, а в верхней – с узким шурфом, выходящим на поверхность на дне траншеи.

В 50 м от устья рассечка № 1 заканчивается и переходит в штольню, которая через 20 м выводит в другую рассечку (№ 2), также пройденную по рудному пласту. Длина рассечки достигает 73 м, ширина 10–26 м, толщина 1,8–5 м. В этой выработке было добыто 3500 м³ горной массы, в т. ч. 3000 м³ гематитовой руды (1). Как и в предыдущем случае, рассечка внизу переходит в штольню, а вверху – в щелеобразный шурф, пройденный на дне траншеи.

За рассечкой № 2, в 143 м от устья, «Главная» штольня сечением 1,5x1,8 м продолжается в юго-восточном направлении еще на 250 м, соединяя между собой еще две шахты с рассечками суммарным объемом до 4000 м³.

Борта, кровля и подошва рассечек совпадают с краевыми частями полностью отработанных рудных пластов, и местами в доломитах и кварцитах еще сохранились агрегаты темно-серого, почти черного с сильным металлическим блеском гематита («железного блеска»).

Во многих местах между кровлей и подошвой рассечек укреплены прогнившие бревна распорок, в прошлом предохранявшие своды выработок от обрушения. В особо опасных местах сохранились сильно разрушенные костровые крепи, собранные из камней, помещенных в бревенчатый сруб.

По расчетам, объем всех подземных выработок «Главной» штольни достигает 9400 м³. В четырех рассечках этой выработки всего было добыто 7500 м³ гематитовой руды (1).

По дну «Главной» штольни до начала 1900-х годов проходила узкоколейная железная дорога, по которой в вагонетках вручную вывозили породу и руду. Сохранились фрагменты рельс, металлических накладок шпал, костыли, скобы. В ходе исследований 2005–2008 годов специалистами КРОО СИ в «Главной» штольне Рогосельги было найдено большое количество инструментов и оборудования горняков конца XIX века: зубила различной формы, буры длиной от 25 до 110 см, молоты, шомпола для прочистки шпуров, светильники, деревянный ворот для подъема руды, металлические и деревянные лестницы.

Устье штольни № 2 («Ледяной») расположено в 160 м к северу от устья «Главной» штольни. Ее длина достигает 300 м, среднее сечение 1,4x1,8 м. На своем извилистом пути штольня встречает несколько рудных пластов «второго» продуктивного горизонта, полностью отработанных рассечками, выходящим на поверхность наклонными шахтами и шурфами. Первая рассечка объемом 600 м³ расположена в 50 м от устья штольни. Суммарный объем горной массы, добытой в штольне № 2 составляет примерно 3000 м³, в т. ч. 2000 м³ гематитовой руды. Состояние штольни № 2 в целом хуже, чем Главной штольни. Здесь много завалов, обвалов, подтопленных участков. Эта штольня менее изучена, чем предыдущая.

Суммарный объем всех выработок рудника «Рогосельга», по предварительным расчетам 2010 года, составляет около 24000 м³ горной массы, в т. ч., примерно 18000 м³ гематитовой руды (1).

На территории рудника «Рогосельга» сохранились поросшие лиственным лесом гряды отвалов пород площадью от 800 м² до 4500 м², высотой 0,5–3 м.

В 2005–2008 годах сотрудниками Карельской региональной общественной организации спелеологических исследований «Колос» (КРОО СИ) и Регионального Музея Северного Приладожья (РМСП) были проведены работы по благоустройству первых 200 м «Главной» штольни Рогосельги для безопасного посещения туристами. В ходе исследований обнаружено большое количество старинных горняцких инструментов, ныне частично представленных на выставке в краеведческом музее г. Сортавала.

Горные выработки бывшего рудника «Рогосельга» представляют собой уникальный техногенно-природный комплекс, который должен быть официально объявлен памятником горно-индустриального наследия Карелии и может быть использован как туристический объект для проведения экскурсий, в т. ч. и спелеологического характера. На базе этого комплекса, совместно с руинированными сооружениями Туломозерского завода, возможно создание музея истории горного дела.

В процессе полевых работ 2003–2008 годов автором к северу от пос. Колатсельга были выявлены и изучены прочие рудники Туломозерского железорудного месторождения: «Магсельга», «Пюрансельга», «Валгелянсельга», «Сонансельга», «Рекунсельга» и другие.

Рудник «Магсельга» (в переводе с карельского «молочная сельга») расположен в 2 км к северу от п. Коласельга, на южном берегу озера Ояярви, являющимся частью реки Колас. Разведка этого гематитового проявления, разрабатывавшегося с начала XVIII века, началась в 1872 году, когда горный инженер Кулибин К.

прошел здесь шахту. Выработка постоянно заливалась водой, поступавшей из карстовых полостей. Только тогда, когда все пустоты в породе были законопачены паклей и забиты деревянными гвоздями, горные работы на шахте продолжились.

Рудник действовал в конце XIX века. Добытая здесь гематитовая руда вывозилась грузовыми лодками по озеру Ояярви и реке Колас на Туломозерский завод, до которого было всего около 1 км.

По наблюдениям автора (2003 г.), на поросшей смешанным лесом территории бывшего рудника, площадью около 1 га, сохранились следы полузасыпанных траншей и шурфов, а также невысокие гряды отвалов. Из-за плохой сохранности техногенно-природный комплекс рудника «Магсельга» не обладает необходимым функциональным потенциалом для постановки на учет в качестве памятника и использования в туристических целях.

Рудник «Пюрансельга» («крученая сельга») расположен на правом берегу реки Колас, в 200 м к северу от Рогосельги, через заболоченную ложбину (ур. Пирансельга). Здесь в конце XIX века преимущественно траншеями разрабатывался пласт гематитовой руды мощностью до 1 м. Руду вывозили на завод по проходящей через прииск железной дороге.

Территория рудника изучалась автором в 2007 году и спелестологами Русского спелестологического общества (Долотов Ю., Гунько А., Степанов М.) в 2008 году. Исследования показали, что выработки-траншеи прерывистой цепочкой прослеживаются на 360 м. Самая крупная траншея достигает длины 135 м, ширины 3–7 м, глубины 1,6–3 м. Ее дно на 70 % затоплено водой. Объем выработки – 1400 м³. Остальные траншеи имеют длину 3–20 м, ширину 1–3 м, глубину 0,5–3 м. В нескольких местах между траншеями встречены затопленные шурфы. Суммарный объем всех выработок рудника «Пюрансельга» составляет 1900 м³.

Техногенно-природный комплекс рудника «Пюрансельга» включает в себя также остатки трассы (насыпи и траншеи) узкоколейной железной дороги, связывавшей рудники с металлургическим заводом. Насыпь железной дороги пересекает болото Пюрансельга и хорошо видна со стороны грунтовой дороги Колатсельга–Сона.

Рудник «Валгелянсельга» или «Валженная сельга» («белая сельга») расположен в 7 км к северу от п. Колатсельга, в 3 км на север от ур. Пирансельга, в 150 м от грунтовой дороги Колатсельга–Сона. Железная руда – гематит здесь была найдена еще в начале XIX в. Рудник наиболее активно действовал в 1880–1900-е годы.

Разработка рудных пластов проявления осуществлялась комбинированным способом – траншеями и шахтами (шурфами). Согласно исследованиям автора 2005 и 2008 годов, техногенно-природный комплекс рудника «Валгелянсельга» представляет собой практически непрерывную группу субмеридиональных V-образных траншей длиной от 60 м до 400 м, шириной 5–8 м (по нижней бровке) и 7–15 м (по верхней бровке), глубиной 2,5–6 м. В бортах и на дне траншей пройдено 6 крутонаклонных шурфов глубиной 10–15 м, сечением 1,8x2 м, ныне затопленных водой. Один шурф пройден с поверхности сельги и имеет овальное сечение. В западном борту «средней» траншеи в сторону заболоченной низины пробита сквозная штольня длиной 18 м, сечением 1,5x1,7 м, по которой порода и руда вывозились к месту сортировки.

Техногенно-природный комплекс выработок рудника «Валгелянсельга» обладает высоким туристическим потенциалом и имеет все предпосылки для постановки на госучет в качестве памятника горно-индустриального наследия. Объект удобно расположен – рядом с дорогой, обладает значительными размерами и ярко выражен в рельефе. К сожалению, затоплены все шурфы комплекса, но их изучение возможно после откачки воды.

Рудники «Мурдосельга-1» и «Мурдосельга-2» (от карельского «мурдо» – «привада для рыбы») расположены в 5 км к северу от Рогосельги, вблизи дороги Колатсельга–Сона, на расстоянии нескольких сотен метров друг от друга.

В 1896 году эти прииски разведывались немецким инженером Рэ. Руда отсюда вывозилась на лошадях до рудника «Рекунсельга-2», где начиналась железная дорога, либо по грунтовой дороге до Рогосельги и далее по железной дороге до Туломозерского завода.

Техногенно-природный комплекс рудника «Мурдосельга-2» изучался автором в 2008 году. Установлено, что на площади 150x80 м расположено несколько траншей, канав и отвалов. Все траншеи можно объединить в одну крупную выработку сложной формы, северо-восточного простирания, длиной до 100 м, шириной около 20 м, глубиной 1,8–4 м. Суммарный объем горной массы, добытой на руднике, составляет около 4500 м³.

Рудник «Ануфриева Сельга» расположен в 10 км к северу от п. Колатсельга, в 300 м к югу от моста через речку Сона, и пересекается дорогой, ведущей в бывшую деревню Сону. Здесь в 1880–1900 годы добывали гематитовую руду и доломит (для производства извести и в качестве «флюсового камня»). Руда вывозилась на телегах (санях) лошадьми до железной дороги в Рекунсельге.

Техногенно-природный комплекс рудника «Ануфриева Сельга», детально изученный автором в 2008 году, представляет собой практически сплошную траншею суммарной длиной до 1000 м, шириной от 5 до 25 м, глубиной 2–5 м, подковой пересекающей возвышенность. Узкие и невысокие гряды заросших отвалов подчеркивают границы выработок. В северо-восточной части рудника траншея (длина 90 м, ширина 4–5 м, глубина 1,5–3 м) имеет субширотное простирание, ее восточная часть залита водой. В бортах траншеи на значительном расстоянии друг от друга для отработки глубинных частей рудного тела пройдено 3 наклонных шурфа и одна штольня глубиной до 10–15 м, сечением 1,6x1,8 м, ныне затопленные водой. В южном борту выработки пройдена штольня сечением 1x2 м. На глубине 8 м от поверхности, штольня увеличивает угол падения, превращаясь в крутонаклонную шахту.

К западу траншея резко меняет свое простирание на юго-западное и уходит вверх по крутому и высокому склону, слабо извиваясь, в сторону вершины сельги. Длина описанного отрезка выработки составляет примерно 450 м, ширина колеблется от 5 м (на северном склоне сельги) до 18 м (в южной части), глубина – от 2 м до 4,5–5 м. Дно траншеи на 60 % залито водой.

В 200 м к северо-востоку от дороги Колатсельга–Сона, в западном борту траншеи, пройдена наклонная шахта, затопленная водой.

За дорогой Колатсельга–Сона траншея продолжается, она плавно меняет свое простирание с субширотного на северо-западное. Длина траншеи около 90 м, ширина 5–13 м, глубина – 2–3 м. На ее дне местами скопилась вода.

В 8 м к северу от описанной траншеи пройдена короткая траншея субширотного простирания (15x4x2 м), в западной части которой пройдена наклонная шахта сечением 0,5x1 м, затопленная до краев.

В 15 м к северу от этой шахты начинается другая траншея субмеридионального простирания длиной 30 м, шириной 5–6 м, глубиной 2,5–3 м. В ее западном борту пройдена наклонная шахта сечением 1,8x1,5 м, полностью затопленная.

Далее к северу идет сплошная траншея, вытянутая вдоль простирания склона сельги (на северо-запад) на 350 м. Ширина траншеи колеблется от 8 м до 26 м (в среднем 15–20 м), глубина – 3–5 м и более. В северной части траншеи, где добывали преимущественно доломит, образовалось небольшое озерцо глубиной 1,5–2 м. Вода из траншеи дренируется в долину реки Сона через узкую брешь в скале, пробитую в западном борту выработки. Минимально расстояние от русла реки Сона до траншеи – 40–50 м.

В 40 м к востоку от доломитового карьера, на склоне, расположены остатки обжиговой печи – яма диаметром 2 м и глубиной 1,8 м, обложенная кусками доломита.

Техногенно-природный комплекс рудника «Ануфриева Сельга» – самый крупный по масштабам среди открытых горных выработок гематита и доломита в районе Колатсельга–Сона. Этот комплекс обладает высоким туристическим потенциалом в силу доступности, ярко выраженной морфологии, значительных размеров, относительной безопасности, и также может рассматриваться как памятник истории горного дела.

Рудники «Рекусельга-1» и «Рекусельга-2» («сырая сельга») расположены соответственно в 1,5 и 2 км к югу от рудника «Ануфриева Сельга», в 5 км севернее рудника «Рогосельга», к востоку от грунтовой дороги Колатсельга–Сона, на одноименной возвышенности.

Первая разведочная шахта в Рекусельге была пройдена Кулибиным К. еще в 1872 году. Обнаруженный выработкой рудный пласт оказался маломощным. Канавами было вскрыто еще две рудных жилы. Разведка продолжилась здесь в 1896 году. Тогда «кулибинская» шахта была завалена отвалами заложённой по-соседству шахты, принадлежавшей Конторе Великого Князя Николая Николаевича (14).

Рудники «Рекусельга» действовали в 1890-е годы и являлись самыми крупными на всей территории Колатсельга–Сона, уступая по мощности добычи руды только руднику «Рогосельга». В Рекусельга-2 начиналась узкоколейная железная дорога, к которой свозилась почти вся гематитовая руда и доломит, добытые на остальных приисках. Добыча гематита на рудниках «Рекусельга» велась как открытым, так и подземным способом.

К сожалению, из-за труднодоступности (заболоченность, густой лес, неточность привязок) на сегодняшний день техногенно-природные комплексы рудников «Рекусельга» изучены автором недостаточно, чтобы можно было дать их современное описание. Здесь, на обширной территории, заросшей смешанным лесом, встречено несколько крупных траншей и несколько шахт (шурфов), затопленных водой. К югу от рудника «Рекусельга-2» до сих пор сохранилась насыпь узкоколейной железной дороги высотой 1,5–1,8 м, шириной в основании до 4 м, наверху – до 1 м.

Рудник «Фаддейка» (Фаддейн-келлян-виду) расположен примерно в 2,8 км на запад-северо-запад от центра бывшей д. Сона, между реками Колас и Сона. К прииску ведет старая дорога.

Согласно архивным материалам, еще в 1868–1869 годах «один крестьянин из деревни Соны, расставляя в урочище Фаддейн-келлян-виду сети для ловли птиц, под случайно поднятым дерном нашел крупную зеленую массу, которую принес и употребил как краску». В начале 1872 году он передал образцы странного зеленого камня ранее упомянутому Иевлеву, который обещал вознаграждение крестьянам за указание новых рудных находок. Найденные в Фаддейн-келлян-виду камни были изучены в Лаборатории Горного Департамента (Санкт-Петербург) и оказались образцами богатой медной руды – малахита. Именно эта случайная, неожиданная для всех находка медной руды, способствовала в свое время началу проведения крупномасштабных разведочных работ в районе Соны и на всей территории Туломозерской волости (10).

В 1873 году медный прииск «Фаддейн-келлян-виду» изучался акционерным обществом «Сталь». Было заложено три разведочных шахты, одна из которых вскрыла крутопадающую кварцевую с рудой жилу небольшой мощности. Тогда здесь было добыто более 81 т хорошей медной руды, из которой позже на Питкярантских заводах выплавляли 8,96 т чистой меди (11).

С поверхности прииск представлял собой почти сплошную медную зелень (малахит) с краплениями другого медного минерала – азурита. С глубиной в рудной жиле появился медный минерал – халькозин, «более и менее смешанный с кварцем и цинковой обманкой и серебром».

На глубине 11 м в рудной жиле появились кристаллы и прожилки известкового шпата (кальцита), нередко с вкраплениями свинцового блеска (галенита). Кроме того, на этом руднике в кварцевой жиле встречались пре-красные штуфы сиренево-красного аметиста – настоящего поделочного камня (10).

На карте 1931 года, составленной геологом Желубовским Ю. С., медный прииск обозначен под именем «Фаддейка».

В 1970-е годы этот оставленный рудник изучался геологами Ууксинской геологоразведочной партии. Здесь была пройдена небольшая разведочная штольня, которая удовлетворительно сохранилась до настоящего времени.

В окрестностях рудника «Фаддейка», на обширной площади размером 0,5х1 км, где распространены амфиболиты и доломиты, в ходе рекогносцировочных работ 2008 года установлено большое количество мелких канав и траншей разведочного характера, пройденных советскими геологами в 1970-е годы.

На сегодняшний день техногенно-природный комплекс медного рудника «Фаддейка» остается неисследованным.

Работы по изучению техногенно-природных комплексов (следов горных работ) Туломозерских рудников на обширной территории между п. Колатсельга и бывшей д. Сона должны быть продолжены. Это позволит определить функциональный потенциал каждого из бывших рудников и наметить пути дальнейшего их использования в научно-образовательных целях, в туризме, с перспективой постановки наиболее интересных объектов на государственный учет в качестве памятников истории горного дела и возможного создания на их основе рекреационной территории «Горного парка Колос».

Руины Туломозерского чугуноплавильного завода (1899–1903 гг.) должны быть поставлены на учет как памятник горно-индустриального наследия. Для сохранения этого объекта должны быть изысканы необходимые средства. В настоящее время КНЦ РАН и Государственным краеведческим музеем Карелии разрабатывается международный проект, направленный на сохранение и использование в туризме уникального горно-индустриального наследия бывших Туломозерских рудников и заводов.

Литература

1. **Борисов И. В.** Особенности подземных горных выработок Туломозерских железных рудников (1870–1900 гг.) // Материалы международной научно-практической конференции «Спелеология и спелестология: развитие и взаимодействие наук» / ГО ВПО «НГПИ». Набережные Челны, 2010. С. 204–207.

2. **Борисов И. В.** Туломозерские рудники и заводы : реферат / Борисов И. В., Грибушин А. И. // Архив РМСП. 2005 г.

3. **Васильевская О. В.** Частная металлургия Карелии в середине XVIII в. Петрозаводск : Гос. изд-во КФССР, 1954.

4. **Кулибин К. А.** О месторождениях железных руд в крестьянском наделе Туломозерской дачи, Олонецкой губернии, Олонецкого уезда // Горный журнал. СПб., 1872.

5. **Национальный архив РК.** Ф. 37, оп. 64, д. 7.

6. **Национальный архив РК.** Ф. 37, оп. 64, д. 33.

7. **Национальный архив РК.** Ф. 37, оп. 64, д. 7/39, л. 2.

8. **Национальный архив РК.** Ф. 690, оп. 1, д. 15/155, л. 38–40.

9. **Национальный архив РК.** Ф. 794, оп. 2, 14/118, л. 55, 147.

10. **Краткий очерк истории освоения рудных залежей Туломозерской дачи** // Национальный архив РК. Ф. 1952, 4027, 1872–1874 г.

11. **Олонецкие губернские ведомости.** 1881 г.

12. **Раевская М. Б.** История геологических исследований и горного дела в Карелии. Перспективы на будущее. Карело-Финляндские связи / Раевская М. Б., Горьковец В. Я. // Путеводитель геологических экскурсий по Карелии. Петрозаводск, 2000.

13. **Хирьяков М.** О железных рудниках, находящихся в Олонецком уезде близ озера Туломозеро // Горный журнал. 1880. № 4, 5.

14. **Шеповальников А.** Материалы к изучению рудных месторождений Туломозерской дачи Олонецкой губернии // Горный журнал. СПб., 1901. Т. 1, кн. 1.

Раздел 2. Секция «История»

Мошина Т. А.,
г. Петрозаводск

Новые страницы биографии преподавателя Олонецкой гимназии К. Ф. Бергштрессера

Карл Федорович Бергштрессер (Bergstrasser) был преподавателем немецкого языка Олонецкой гимназии, одним из первых краеведов – автором книги «Опыт описания Олонецкой губернии» (СПб., 1838). Именно она стала первой книгой библиотеки Русского географического общества, основанной в октябре 1845 г. Краткие данные о Бергштрессере были опубликованы в нескольких изданиях.¹ Архивные документы и исследования последних лет дали возможность расширить представление об этом замечательном человеке – педагоге, ученом, подвижнике.

Бенигнус-Карл Бергштрессер (или Карл Федорович) родился 8 марта (20.03. – нового стиля) 1808 года в г. Висбаден (ныне земля Гессен Федеративной Республики Германия) в семье советника юстиции. Причины его переезда в Россию неясны. В мае 1831 г. (ему тогда было 23 года) он сдал экзамен в Петербургском университете, а с 21 мая 1831 г. начал служить учителем немецкого языка (позднее и латинского языка) в Олонецкой гимназии. Среди его учеников был сын олонецкого губернатора А. В. Дашкова – Василий Андреевич Дашков (1819–1896), будущий основатель Румянцевского этнографического музея, известный коллекционер и автор «Описания Олонецкой губернии» (СПб., 1842).² Почти 7 лет Бергштрессер прожил в нашем городе, здесь он счастливо женился и стал отцом. С 25 февраля 1838 г. он служил в Петербурге по ведомству Министерства финансов (ст. помощник бухгалтера Комиссии погашения долгов Министерства финансов; с 18 сентября 1840 г. – мл. директор, ст. директор Экспедиции депозитной кассы при коммерческом банке). Он также преподавал немецкий язык в Сиротском институте (1838), в Главном инженерном училище (1839). В 1848–1850 гг. служил управляющим в имении графа А. А. Бобринского (с. Михайловское Богородицкого уезда Тульской губернии). С 27 февраля 1851 г. он – управляющий Астраханским соляным правлением, позже – председатель Казенной Палаты Черниговской губернии.³ В последние годы (1867–1873) в чине действительного статского советника служил в Статистическом совете при Министерстве внутренних дел в Петербурге.⁴

Дунин Д. Петрозаводск. Соборная площадь (слева здание гимназии).
Середина XIX в. Журнал «Иллюстрация». 1848. № 29.

¹ РБС. Т. 2. СПб., 1900. С. 719; Венгеров С. А. Критико-биографический словарь. Т. 3. С. 23; Григорьев С. В. Биографический словарь. Петрозаводск, 1973. С. 55.

² Алфавитный список воспитанников, окончивших курс в Олонецкой гимназии // Отчет о состоянии Олонецкой гимназии за 1872/1873 учебный год. Петрозаводск, 1873. С. 4; Кораблев Н. А., Мошина Т. А. Олонецкие губернаторы и генерал-губернаторы : биограф. справ. Петрозаводск, 2006. С. 46.

³ РГИА. Ф. 1343, оп. 17, д. 3033, л. 19, 21–23; Памятная книжка Черниговской губернии на 1862 год. Чернигов, 1862. С. 8, 11.

⁴ Список жителей СПб. на 1867 год. С. 68; Адрес-календарь на 1873 год. Ч. 1. С. 339.

Научно-исследовательская деятельность

Наибольший интерес представляет научно-исследовательская деятельность К. Ф. Бергштрессера. Попав в Петрозаводск, он уже в 1835 г. написал для «Земледельческой газеты» статью «Осушка болот в Олонецкой губернии». Затем последовали книги: «Опыт описания Олонецкой губернии», где он уделил внимание многим вопросам: природным богатствам, сельскому хозяйству, промыслам, особенностям архитектуры; «Руководство к разведению, улучшению, кормлению и откармливанию домашних животных» (СПб., 1841), «Руководство по уходу за рогатым скотом» (серебряная медаль и денежная премия от Министерства государственных имуществ (1848),⁵ «Богатство России» (СПб., 1858), «Регалия на соль в России и других государствах» (СПб., 1858); «Источники народного богатства. Польза от возделывания полей паровыми снарядами» (СПб., 1871). Им был переведен с немецкого языка и дополнен собственными рекомендациями для российских овцеводов труд профессора И. Ф. Л. Шмальца «Наставление о разведении испанских овец и надлежащем смотре за ними» (1834, 1838, 1856).

Бергштрессер был не только теоретиком, но и практиком: известно, что в юности он занимался разведением кукурузы на Рейне, в южной Франции и Швейцарии. В октябре 1850 г. он представил на выставку земледелия в Петербурге образцы нескольких культур (рожь, картофель, овес, свекла, свекловичный сахар, образец дерева американского орешника) из имения графа А. А. Бобринского, где он в то время служил управляющим. Вольное экономическое общество отметило его Большой серебряной медалью. Вероятно, эти же культуры экспонировались в 1851 г. на Лондонской Всемирной выставке сельского хозяйства и промышленности, по итогам которой он получил Золотую медаль.⁶

Имя Бергштрессера вошло в историю проекта «Азовско-Каспийский канал». В 1859 г. во время службы в Астраханском соляном управлении для исследования и геодезической съемки соляных озер калмыцкой степи он снарядил три группы землемеров и организовал проход двух лодок по руслу деки Маныч до Азовского моря (около 500 верст). Итоги экспедиции он подвел в краткой статье, опубликованной в «Вестнике Известий Русского географического общества». В сентябре 1859 г. был отмечен за участие в этом проекте годовым окладом (1,5 тыс. руб.).⁷

За свою долгую и плодотворную деятельность Бергштрессер был награжден: орденами Св. Станислава 3 ст., Св. Анны 2 ст., бронзовой медалью в память войны 1853–1856 гг., Знаками отличия беспорочной службы, денежными премиями.⁸

Личная жизнь

Бергштрессер был дважды женат и имел 11 детей. Первым браком он сочетался в Петрозаводске 16 августа 1835 г. с Марией Кермик (13.05.1818–21.06.1848), дочерью врача горного ведомства Федора Христиановича Кермика (1780 – после 1846 г.), участника походов против французов в 1812–1814 гг. В Петрозаводске у четы Бергштрессер родилась дочь Мария-Вильгельмина (8.12.1837–8.11.1892, Екатеринбург), которая была крещена в Петербурге. Позже родились дочь Елизавета-Августа-Элеонора (род. 25.09.1839) и сын Вильгельм (Василий) (род. 28.02.1846).

Второй женой К. Ф. Бергштрессера, с 9 июля 1849 г., стала Наталья-Сусанна-Гелена Фус (род. 1.03.1825 – после 1904), дочь д. с. с. Павла (Николаевича) Фуса, отец которого уроженец Базеля, был доктором в Петербурге. Во втором браке появились еще 8 детей (Элеонора-Вильгельмина-Эмилия (род. 24.04.1850 г.), Карл-Павел-Эмиль-Альфред (род. 3.08.1851 г.), Каролина-Августа-Елизавета-Франциска (род. 4.09.1853 г.), Николай-Генрих-Вильгельм (род. 12.05.1855), Максимилиан, Арнольд, Ольга и Клара).

Судьбы детей и внуков К. Ф. Бергштрессера сложились по-разному. Среди них были чиновники, морские офицеры, архитекторы, художники. Максимилиан Карлович служил в Российском транспортном страховом обществе (умер после 1917 г.). Арнольд Карлович служил инспектором в страховом обществе «Россия», в конторе «Металлика», в годы гражданской войны служил в Вооруженных силах Юга России, затем жил в Югославии. Клара Карловна Бергштрессер (1867 – август 1942) умерла в блокадном Ленинграде.⁹

Павел Карлович Бергштрессер (Карл-Павел-Эмиль-Альфред, 3.08.1851, Астрахань – после 1920) учился в Дармштадте, Гиссенском университете, Аахенском политехническом институте, получил диплом инженера в Петербургском строительном училище. Среди его построек здания в Болгарии (Тырнов, София), в Петербурге (здание Казенной палаты, Казначейская ул., 11); здания гвоздильного завода, В. О., 25-я линия, 6, 8, 10; бани

⁵ РГИА. Ф. 1343, оп. 17, д. 3033, л. 38.

⁶ РГИА. Ф. 1343, оп. 17, д. 3033, л. 38–39.

⁷ Бергштрессер К. Ф. Краткий взгляд на возможность соединения Каспийского моря с Азовским // Вестник Императорского Русского Географического Общества. 1859. Ч. 26; Смесь, 38–43. 431.

⁸ РГИА. Ф. 1343, оп. 17, д. 3033. Л. 38.

⁹ Весь Петроград на 1917 год. Пг., 1917. С. 55; Блокада, 1941–1944, Ленинград : Книга Памяти. Режим доступа: http://visz.nlr.ru/search/lists/blkd/225_432.html.

Тарасова и др.). Его сын, Бергштрессер Александр Павлович (1883–21.03.1944), инженер путей сообщения, после 1917 г. жил в Германии, одно время был преподавателем школы в Берлине.¹⁰

Николай Карлович Бергштрессер (Николай-Генрих-Вильгельм, 12.05.1855, Астрахань – ноябрь 1919, Петроград, Смоленское лютеранское кладбище) закончил Морской кадетский корпус. Был командиром крейсера «Минин» (1901–1906), капитаном над Кронштадским портом (1906–1908), командиром порта Императора Александра III (Либава, 1908–1910). Дослужился до вице-адмирала. Его сыновья также были моряками: Владимир (09.09.1888–1972), выпускник Морского корпуса (1908), служил на эсминцах «Амурец», «Лихой», участник Первой мировой войны. В эмиграции жил в Гельсингфорсе, где содержал магазин антиквариата, затем в Стокгольме. Павел Николаевич Бергштрессер (1893, Кронштадт – 22.12.1943) был одним из первых морских летчиков. После революции жил в Эстонии. Был репрессирован, умер в лагере в Коми АССР.¹¹

Дочь адмирала Николая Карловича Бергштрессера, Эльза, была женой барона Павла Викторовича Вилькен, капитана 1-го ранга (12.07.1879–31.01.1939, Выборг), участника обороны Порт-Артура, участника спасения пострадавших во время землетрясения в Мессине (1908). После 1921 г. супруги проживали в Финляндии.¹²

К. Ф. Бергштрессер является родным дедом известного художника Леонарда Викторовича Туржанского, основателя целой династии художников. Дочь Карла Федоровича, Мария-Вильгельмина, рожденная в Петрозаводске, вышла замуж за врача Виктора Андреевича Туржанского, уроженца г. Хотима Бессарабской губернии, служившего в ведомстве Екатеринбургских горных заводов. Их сын Леонард Викторович Туржанский (9.02.1875, Екатеринбург – 31.03.1945, Москва), по мнению исследователей его творчества, унаследовал способности к рисованию от матери.¹³ Лирические пейзажи Л. В. Туржанского, ученика В. Бакшеева, В. А. Серова и К. А. Коровина, украшают многие музеи страны. В фондах Музея изобразительных искусств в Петрозаводске хранятся пять работ мастера, полученных в разные годы из Министерства культуры РСФСР («Весенний вечер», «Деревня», «Смешанный лес», «Осень», «Вид города»).¹⁴ Имя художника всегда связывали с Екатеринбургом: он любил этот город и часто бывал там. Но, как оказалось, оба его деда Ф. А. Кермик и К. Ф. Бергштрессер жили в Петрозаводске, а мать, Мария Карловна, родилась в нашем городе. В здании бывшей гимназии, преподавателем которой был К. Ф. Бергштрессер, теперь музей, где экспонируются картины его внука. Художник был женат на Варваре Сергеевне Любимовой. Их дети, Ирина (род. 1920), братья-близнецы Вадим и Игорь (28.02.1915–26.09.1937) также стали художниками. Вадим в 1935 г. побывал на строительстве Беломоро-Балтийского канала, где работал сосланный туда его сводный брат Виктор. А в 1937 г. оба брата-близнеца Вадим и Игорь были репрессированы и расстреляны в один день на полигоне Бутово под Москвой.¹⁵ В Москве живут потомки Л. В. Туржанского – дети его сестры. Возможно, в Финляндии и в Германии живут и другие прямые потомки К. Ф. Бергштрессера, сведений о которых у нас пока нет.

¹⁰ Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX – начала XX века. СПб., 1997. С. 44–45; Чуваков В. Н. Незабываемые могилы. Т. 1. М., 1999. С. 281.

¹¹ Бойков В. А. Мартиролог. Северо-западная армия и Эстония // Вышгород (г. Таллинн). 2008. № 1–2. С. 148.

¹² Пилкин В. К. В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918–1920. М., 2005.

¹³ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 6, оп. 13, д. 12, л. 20; д. 5, л. 8 об.–9; Леонард Викторович Туржанский, 1875–1945 : сб. материалов и каталог выст. произведений / сост. В. П. Лапшин. М., 1978. С. 68.

¹⁴ Живопись. Русская живопись XVIII – начала XX века. Отечественная живопись XX века... : каталог. Петрозаводск, 2005. С. 31, 91–92.

¹⁵ Шимонек Е. В. К вопросу о генеалогии рода Туржанских (по документам Гос. архива Свердловской обл.). Режим доступа: <http://www.genealogia.ru/users...articles/konference2001>; В. Л. Туржанский : альбом / автор Н. И. Станкевич ; сост. И. Л. Туржанская. Л., 1982; Туржанская Т. В. В. Л. Туржанский. Из глубин памяти // Художник. 2009. № 1–2; Москва, расстрельные списки – Бутовский полигон // Жертвы политического террора в СССР. Режим доступа: <http://lists.memo.ru/d30/f130.htm>.

Петр Великий и таинственный английский комендор на Олонце

Завораживающая судьба капитана Яна Валронта,¹ появившегося в конце XVII столетия в России, поражает драматургией, феноменальным взлетом карьеры и скорым многолетним забвением.² Яркая, приключенческая жизнь английского комендора,³ причудливо переплелась с историей Архангельска, Воронежа, Азова, Карелии и Балтики. Косвенно Валронт оказался причастным к секретам легендарной «Осударевой дороги» 1702 года. Биография английского моряка, как и большинства европейцев «сговорённых на государево служение» оказалась напрямую связана с именем русского государя. Тысяча иностранных «начальных людей»⁴ очутилась в московских землях благодаря миссии «Великого посольства» (1697–1698). Царь Всея Руси, находясь на Западе в группе дипломатов как «некоторый валентёр»,⁵ скрываясь под именем десятника Петра Михайлова, настойчиво постигал стиль жизни загадочной «Тетра Zabugonia». Именно тогда у монарха сформировалось отношение к европейской модели государства, и возникла тяга к тайнам военно-морского искусства и судостроения.

С августа 1697 г., царь «по охоте» отработал корабельным плотником на верфи Липса Рогге в Саардаме,⁶ затем на стапелях Ост-Индской компании трудился четыре месяца в Амстердаме. Тогда же, в Голландских Штатах после встреч с королем Вильгельмом III Оранским,⁷ Пётр принял решение посетить Англию. В начале января 1698 г. молодой государь на адмиральском корабле «Yorke»,⁸ отбыл из голландского порта Гельветслюйс (Helverfluisse) в Лондон.⁹ Очень скоро, английская корабельная культура заворожила царя, тем более что он преуспел в изучении пропорций морских судов и чертежей, имеющих масштабную сетку с продольными сечениями. Позже Ч. Уитворт,¹⁰ исполнявший обязанности английского чрезвычайного посланника в России, с гордостью сообщал о судостроительных пристрастиях царя, будто он: «...утратил... расположение к голландскому кораблестроению и голландским мастерам и уволил их, так как мог получить английских».¹¹ Тогда же лорд уточнял: «Ему особенно полюбилась английская манера судостроения, которая легче и чище голландской».¹²

И действительно, здесь, как впрочем, и в Голландии, царь и его послы «сговаривали» лёгких на подъём морских офицеров и «матрозов», шкиперов, боцманов, специалистов корабельного дела, которые обязывались участвовать в создании Российского флота. «Плотники», «крещики огнестрельные», «парусные и компасные мастера» обязывались обучать русских людей «деланию кораблей».¹³ Критерием «найма» выступали способности и энергетика соискателей, во многом непонимающих, в какую державу им предстоит отправиться. К тому же, как показало время, контрактники порой оказывались более тщеславными, нежели талантливыми. Между тем были и блистательные «люди моря», которые вскоре превратились в преданных единомышленников царя, стремительно «ворвавшись» в ближний круг его соратников. Среди «морских служителей», ринувшихся в Россию, очутились не только выходцы из Голландии и Англии. Царские послы привлекли датчан, норвежцев, шве-

¹ Ян Валронт (Вальронд, Валрант, Вальронт, Вальсрантов, Волранъ), Jan или Jann (Walrонт, Walrond), ? – ум. 05.12.1729, по другим данным 13.10.1729. См. также: Веселаго Ф. Ф. Общий морской список. Ч. I. СПб., 1885. С. 69.

² Данков М. Ю. Загадочный капитан Я. Валронт и Русский Север // Защитники Отечества. Архангельск, 2003. С. 15–26; Данков М., Лапшов С. Два капитана // Рейтар. 2007. № 4 (37). С. 18–32; Данков М. Ю. Кто Вы, комендор Ян Валронт? // Кортик. Флот. История. Люди. СПб., 2010. № 11. С. 4–14; № 12. С. 4–13; Его же. Английский капитан Великого государя // История в подробностях. М., 2010. № 3. С. 26–33; Его же. Вирази судьбы английского комендора в Петровской России // Петровское время в лицах – 2011 : Труды Государственного Эрмитажа LVIII. СПб., 2011. С. 121–136.

³ Комендор (от англ. commander) – в российском флоте с конца XVII в. до 1917 г. звание матроса, специалиста по артиллерийским орудиям на кораблях.

⁴ Ковригина В. А. Немецкая слобода Москвы и её жители в конце XVII – первой четверти XVIII вв. М., 1998. С. 44.

⁵ Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 3. СПб., 1858. С. 77.

⁶ Пётр I работал на верфи Л. Рогге на Бейтензаане с 9/19 по 14/24 августа 1697 г.

⁷ В Голландии (Республике Соединённых Провинций) Пётр I встречался с Вильгельмом III дважды: сначала 1/10 сентября в Утрехте, затем, очевидно, 28–29 октября/7–8 ноября 1697 г. в Гааге. См.: Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Великое посольство. Рубеж эпох, или начало пути 1697–1698. СПб., 2008. С. 91, 577.

⁸ Путешествие началось вечером 8/18 января на королевском флагмане 4-го ранга «Yorke». Царское судно сопровождал линейный корабль «Rompeu», две яхты «Mary» и «Henrietta», и одна гукора. В свиту Петра I входило 20 человек. Утром 11/21 января 1698 г. «петровский десант» под началом вице-адмирала Давида Митчелла добрался до Темзы.

⁹ Ключевский В. О. О русской истории. М., 1993. С. 423; Масси Р. К. Пётр Великий. Т. I. Смоленск, 1996. С. 326; Андерсон М. С. Пётр Великий. Ростов-на-Дону, 1997. С. 68–69.

¹⁰ Чарльз Уитворт (Ch. Whitworth), 1675–1725, родился в Блауэрпайпе (графство Стаффордшир). В 1704–1710 и 1712 гг. – чрезвычайный посланник в России. Автор сочинения «О России, какой она была в 1710 году» («An account of Russia as it was in the Year 1710»). Strawberry Hill, 1758). См.: Дмитриев Е. Е. Пётр I в восприятии британцев конца XVII – первой половины XVIII века : дис. канд. ист. наук. Саратов, 2005. С. 126–127.

¹¹ Цит. по: Беспятовых Ю. Н. Иностранные источники первой четверти XVIII в. (Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л. Ю. Эренмальм). СПб., 1998. С. 96.

¹² Андреев А. И. Указ. соч. С. 89; Дипломатическая переписка английских посланников при русском дворе // Сборник Русского императорского исторического общества. Т. 39.

¹³ Памятники дипломатических сношений. Т. 8. СПб., 1867. Стб. 1181.

дов, шотландцев, французов, турок, итальянцев, «голландцев», людей «Гданска города», греков, саксонцев, испанцев, «ольденбургцев», представителей Мекленбурга, Гамбурга и Бранденбурга, «цезарцев», «венетинцев», людей «из Любека», «литвинов» и «прусаков».¹⁴

Однако без сомнения люди туманного Альбиона составили кадровый «костяк» наемников. Уже девятого июня 1698 г., пожалуй, на самой изящной «мало не весь вызолоченной»¹⁵ яхте Англии «The Transport Royal» под командой В. Рипли и Я. Косена «начальные люди разного чина иностранцев 110 человек»¹⁶ в сопровождении корабля «Flamborough» прибыли в Архангельск. Чудесную яхту, позже связанную с Я. Валронтом и «Осударевой дорогой» в Карелии, Петру в марте 1698 г. преподнес английский король Вильгельм III.¹⁷ Также считается, что судно «The Transport Royal» выступило в роли живого макета, при строительстве на Северной Двине малых фрегатов «Сожествие Св. Духа» («Св. Дух») и «Скорый гонец» («Курьер»)¹⁸.

Во всяком случае, весной–летом 1702 г. Я. Валронт «со товарищи» участвовал в возведении «на Соломбоне» легендарных судов, а в августе встал за штурвал одного из них.¹⁹ Однако ещё не «обласканный» властью английский комендор прибыл к «Архангельскому городу» 3 июня 1698 г. не на подарочной яхте, а на одном из четырёх кораблей первого каравана. Об этом свидетельствует практически неисследованный источник, опубликованный в XIX в.: «Роспись начальным людям и матросам, которые присланы из Амстердама на 4 кораблях».²⁰

Как, где и когда состоялась первая встреча английского моряка с царём, к сожалению не известно. Комендора могли «сговорить» в Нидерландских штатах, а также на королевской верфи в Дептфорде, близ Лондона, или в Портсмуте, где государь осматривал военные суда, а, может быть, в Вуличе, в артиллерийской лаборатории,²¹ когда Пётр «отведывал метания бомб».²²

Пройдя своеобразный кастинг дипломатов «Великого посольства», которым содействовал норвежец с датским подданством К. Крюйс, имевший чин унтер-экипажмейстера (underekvipasjemester) адмиралтейства в Амстердаме,²³ отмеченные капитаны «по горячему следу» отправлялись в Россию. Без профессиональных рекомендаций Крюйса найм «морских специалистов» был хаотичным и во многом терял смысл. Не случайно великий посол Ф. А. Головин 28 января 1698 г. доносил государю в Лондон: «...капитан Креус... истинно добр, жаль... пропустить». И резюмировал: «...без такого...человека трудно нам во флоте управляться будет». Именно поэтому монарх 9 мая 1698 г., пожаловал «капитана Креуса в вице-адмиралы» и обязал его «со всежелательным радением... в службе... пребывать... даже до 1702 года».²⁴

Благодарный Крюйс в 1698 г. разработал условия контракта «для каждого комендора или капитана», решившегося перебраться в Московию. Статьи учитывали профессиональные требования и права моряков, вступавших в договор. В документе зафиксирован размер жалованья и «кормовые деньги», оговорены обязательства выкупа в случае «взятия в плен». Также уточнены условия компенсации, если «в боях руки или ноги потеряют», подчёркнута степень подчиненности «от... морского начальника правительствованы да будут». Кроме того, в контракте офицерам подписывалось служить только на море: «Комендоры и капитаны с ратными людьми на сухом пути служить да обязаны не будут». В то же время наёмники обязывались атаковать цитадели: «...на кораблях в водах или реках лодками или меньшими судами для нападения шанцев, или крепостей, по всё время верно служить готовы да будут».²⁵

¹⁴ Елагин С. И. История русского флота: Период Азовский. Приложения. Ч. 2. СПб., 1864. Прил. V. С. 198. В документах при «найме» часто фиксировалась не этническая принадлежность людей, а их подданство. Среди 651 «сговорённых» в Голландии моряков непосредственно голландцев оказалось только 112 человек. См. например: Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Великое посольство... С. 489.

¹⁵ Елагин С. И. Указ. соч. Прил. X. С. 479–480.

¹⁶ Елагин С. И. Указ. соч. Прил. X. С. 479–480.

¹⁷ Ryan W. F. Peter The Great's English Yacht // Admiral lord Carmarthen and the Russian todacco monopoly // The Mariner's Mirror. Vol. 69, № 1. February 1983. P. 74–75. Англ.

¹⁸ Кротков А. А. Взятие шведской крепости Нотебург на Ладожском озере Петром Великим в 1702 г. СПб., 1896. С. 108; Данков М. Ю. Тайны яхты «Transport Royal» // «Мы Были»: Генерал-фельдцейхмейстер Я. В. Брюс и его эпоха. СПб., 2004. С. 46; Его же. Яхта «Transport Royal» на Северной Двине // Двинская земля. Вып. 3. Вельск, 2004. С. 91; Его же. Тайны Золотой яхты // Север. Петрозаводск, 2006. № 7/8. С. 50; Данков М., Лапшов С. «Transport Royal», английская яхта Петра I // Рейтар. 2009. № 1 (43). С. 15; Данков М.Ю. Корабль Царского Величества: Приключенческая судьба английской яхты «The Transport Royal» в России // История в подробностях. М., 2010. № 3. С. 46–51.

¹⁹ Данков М. Ю. Архангельские фрегаты 1702 г. // Выборг и морская археология. Вып. 45. СПб., 1997. С. 78–80; Данков М., Лапшов С. Указ. соч. С. 18–32.

²⁰ Елагин С. И. Указ. соч. Прил. V. С. 201.

²¹ Андреев А. И. Пётр в Англии в 1698 г. // Пётр Великий : сб. ст. М.–Л., 1947. С. 69.

²² Ключевский В. О. Указ. соч. С. 425.

²³ Подданный Дании Корнелий Иванович Крюйс (Cruys, Cruijs Cornelius; Olsen Nils), 1655(57?) – 1727, родился в норвежском городе Ставангер. В 1697 г. в Амстердаме имел должность унтер-экипажмейстера. Данный чин приравнялся в Голландии к экипажмейстеру 3-го класса, то есть к «младшему экипажмейстеру» или «помощнику экипажмейстера». См.: Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Первое европейское путешествие царя Петра : анализ. библиогр. за три столетия 1697–2006. СПб., 2008. С. 91.

²⁴ Елагин С. И. Указ. соч. Прил. V. С. 189, 191, 193.

²⁵ Там же. С. 194.

Согласно другому документу «Выписки из приёмных списков иноземцев, поступивших в русскую морскую службу, 1698 года», Ян Валронт был принят на государево служение комендором по «40 ефимков на месяц».²⁶ Это значит, что «сговоренное» вознаграждение англичанина, составляло 200 руб. в год. Безусловно, Московия манила морского артиллериста финансовым благополучием, новизной ощущений, возможностью стремительной карьеры. На Северную Двину Ян Валронт прибыл вместе с ярким голландским капитаном Питером фон Памбурхом, с которым в России сложатся любопытные взаимоотношения. Вместе с тем удивляет еще одно архивное дело, обнаруженное в РГАДА. Почему-то в этом списке фамилия Валронта отсутствует: «Отпуск... нанятых в российскую морскую службу трёх капитанов Памбурха, Рокоскина и Диберта, да командора Вилица Кнейфа... на наёмных четырёх кораблях...».²⁷ Также непонятно умалчивание имени Валронта «среди... сведущих и искусных людей», современником событий И. Х. фон Лютом. Он лишь отметил: «Были три морских старших капитана (Schiff Haupt-Capitains), 25 других, 40 лейтенантов, 30 штурманов».²⁸ Очевидно, еще малоизвестный и скромный комендор оказался в списке в числе «других».

Европейцев на Русском Севере встречали с почётом. О заботливости свидетельствует щепетильное донесение царю архангельского воеводы М. И. Лыкова.²⁹ Боярин 3 августа 1698 г. сообщал о прибытии вице-адмирала Крюйса. В зачёт поденного корма иноземцы получали из городов Подвинья «таможенных и кабацких доходов 400 рублёв с распискою», а также с «круженных дворов» им выдавалось «вина двойного и простого, пива и мёду и всяких харчевных припасов». Далее «от Архангельского города» контрактники, прибывшие из Голландии «со всяким удовольствием», отправлялись к Москве на «подводах с провожатыми», но чаще «водным путем».³⁰

Хотя документов не обнаружено, можно допустить, летом и осенью 1698 г., российская приказная администрация, задействовала Я. Валронта в работах адмиралтейства «на Воронеже». Тем более что в мае 1699 г. комендор на новом 28-пушечном корабле «Меркуриус»,³¹ воронежского кумпанства князя П. Г. Львова, принял участие в «забавном» рейде от Паншина к Азову. В Таганрогском заливе суда под командой графа Ф. А. Головина, маневрируя, разделились на два отряда для перехода в Керчь. Царь Пётр стоял у штурвала корабля «Отворённые врата».³² Флотилия обеспечивала сопровождение фрегата «Крепость»³³ с дипломатической миссией Е. Украинцева. Судно под началом капитана П. фон Памбурха с важнейшим поручением отправлялось в Константинополь.

«Меркуриус», на котором служило 135 человек во главе с капитаном Валронтом, к концу августа 1699 г. в составе эскадры вернулся в Таганрог. Очевидно, не лишне обратить внимание на дальнейшую историю первого судна английского моряка. Этой же осенью, возвращаясь в Азов, корабль встал из-за малой воды в устье реки Дон. 23 ноября 1699 г. ураганный шквал снёс судно на каменистую отмель. В результате корабль получил пробоину и затонул. Потребовались немалые усилия спасателей и плотников, которые ухитрились поднять «Меркуриус», привести в «причинный вид» и к зиме транспортировать в Азов.³⁴ Из корреспонденции Я. Бекмана³⁵ Федору Головину от 1704 г. следует, что корабль «будет починен и спущен на воду в октябре месяце». Судьба «Меркуриуса», как «судна на воде в ходе годного», по архивным материалам прослеживается до 1713 г.³⁶ Оказывается, корабль активно использовался для транспортировки соли из урочища Берды в Таганрог. С этой целью в 1710 г. государь вновь повелел починить «Меркуриус» и спустить на воду. Тогда судно было отправлено «в морской ход к Бердянским озерам для соли», откуда благополучно доставило 3454 пуда соли. В этом контексте вспомним о заботе к кораблю, которую проявил царь. Сохранилось его «рассуждение» 1709 г., с рекомендацией сохранить судно в составе кораблей Азовской флотилии: «...соблюдать всегда

²⁶ Там же. Прил. V. С. 201.

²⁷ РГАДА. Ф. 150. Д. 54 (1698). Оп. 1. Л. 1–162. См. также: Гуськов А. Г. Великое посольство Петра I : источниковед. исслед. М., 2005. С. 359–360.

²⁸ L[uth] J. H. Des grossen Herrens, Czaars und Gross Furstens von Moscau Petri Alexiewiz... Leben und Thaten... Franckfurt ; Leipzig, 1710. Th. 2. S. 160–161. См. также: Беспятых Ю. Н. Иностранцы источники первой четверти XVIII в. ... С. 136.

²⁹ Лыков Михаил Иванович (1640–1701), князь, боярин. См.: Пётр Великий. Воспоминания, дневниковые записи, анекдоты. СПб., 1993. С. 439.

³⁰ Елагин С. И. Указ. соч. С. 198.

³¹ Иногда ошибочно указывается вооружение корабля «Меркуриус», равное 22, но чаще 36 орудиям. Неточность восходит к сообщению К. Крюйса. Однако вице-адмирал неправильно указал также наименование корабля: «командор Валрант, корабль Архангел Михаил, 36 п. 280 чел.». Тогда же вице-адмирал подчеркнул: «...за имяна следующих кораблей не ручаюсь». См.: Крейс К. И. Экстракт из журнала, держанного от господина вице-адмирала Крейса, на пути из Москвы на Воронеж, с Воронежа в Азов, на Таганрог и к Керчи, а оттуды паки назад к Азову. 1699 г. Ч. 8. СПб., 1850. С. 381.

³² Иногда используется грамматическая форма наименования корабля «Растворённые врата».

³³ В исследовательской литературе существуют разночтения о вооружении корабля «Крепость». Придерживаясь новейшей работы Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Первое европейское путешествие царя Петра... С. 100, 814, следует, что фрегат имел 52 орудия.

³⁴ Житков К. Г. История русского флота. Период Петровский. 1672–1725. СПб., 1912. С. 78.

³⁵ Ян Бекман (John Becham, ум. в 1711), английский капитан, 9 июня 1698 г. прибыл в Архангельск в числе «сговорённых» на борту яхты «The Transport Royal» в качестве пассажира. Вскоре достойно зарекомендовал себя в Азове и Воронеже. См.: Веселаго Ф. Ф. Указ. соч. С. 38.

³⁶ Елагин С. И. Указ. соч. Прил. IV. С. 30; Прил. V. С. 75, 88, 91, 94, 165.

надлежит сие и... «Меркуриус» (который годится в брандер)». Не случайно и то, что К. Крюйс возглавляя азовскую эскадру в момент военных действий с турками с октября 1710 по октябрь 1711 г. на корабле «Меркуриус» поднял адмиральский флаг. Перед сдачей Таганрога и Азова уцелевшее судно перевели в «Черкасский городок». Однако окончательно разобрать корабль решились лишь в 1716 г.

Тем временем до весны 1702 г. Я. Валронт вновь был приписан к «Воронежскому адмиралтейству» и находился на виду царя, выполняя всевозможные «флотовские» поручения. Согласно «Ведомости о числе иноземцев, бывших в русской морской службе с 1699 по 1701 год», представленной в 1701 г. Приказом воинских морских дел в ближнюю канцелярию, Я. Валронт уже имел повышенный годовой оклад равный 318 руб.³⁷

Именно в этот момент, увлечённый идеей «з Божьей помощью некоторое начинание учинить»,³⁸ государь отправляет на Северную Двину своих единомышленников во главе с К. Крюйсом, у которого завершался срок контракта с Москвой. Как ни странно в команду вице-адмирала, в который раз, со 120 проверенными «матрозами» вошли неразлучные Я. Валронт и П. Памбурх. С этой целью на специальных шлюпках была организована транспортировка более ста 2-х и 3-фунтовых пушек, чтобы «отвезть к Архангельскому городу и отдать по списку воеводе».³⁹

Между тем, главной заботой морских офицеров, командированных на Русский Север, похоже, являлось курирование строительства «на Соломбоне» уже упоминавшихся сестершипов «Сошествие Св. Духа» и «Курьера». Корабли сыграли важную роль в доставке армии к Вардегорскому мысу, откуда началась «Осударева дорога» к Нотебургу. Считается, хотя абсолютных данных нет, что фрегаты «сработаны» бомбардиром И. Скворцовым⁴⁰ и талантливым корабелом Г. Меншиковым.⁴¹ Заметим, вскоре на Олонецкой верфи Яну Валронту и Гавриле Меншикову будет суждено вместе работать. Однако предпочтительнее мнение современного историка П. А. Кротова, что архангельские фрегаты строили рядовые Преображенского полка И. Немцов, Ф. П. Пальчиков и Л. А. Верещагин.⁴²

Исходя из приказа «товарища» П. М. Игнатьева, воронежского помощника Ф. М. Апраксина, для таинственных архангельских кораблей, был собран и отправлен на Белое море такелаж, рангоутная оснастка и паруса. Деша Адмиралтейского приказа от 10 июля 1702 г. впервые указывает подлинными наименования судов: «Имя одному “Дух Святой”, а другому “Курьер”, или “Скорый гонец”».⁴³ Размеры кораблей-близнецов (длина 70 англ. футов, ширина 18 футов и глубина интрюма 9 футов) обнародованы лишь в конце XIX в., но источник, на который ссылается публикатор Ф. Ф. Веселаго, исследователям по-прежнему недоступен.⁴⁴

Учитывая начальную морскую специальность Валронта, хочется предположить, что именно он «продавил» решение о монтаже 3-фунтовых орудий, имеющих 2-х метровый откат, соотносимый с шириной палубы.⁴⁵ Одновременно напрашивается заманчивая версия, имя фрегату «Курьер» («Скорый гонец», или «Меркуриус») присвоено в память о корабле «Меркуриус». К тому же, до сих пор некоторые историки продолжают именовать фрегат «Меркурием», имея в виду внешнее созвучие и внутреннюю семантическую взаимосвязь.⁴⁶

³⁷ Там же. Прил. XIII. С. 213.

³⁸ Письма и бумаги Императора Петра Великого. Т. 2. 1702–1703. СПб., 1889. С. 79.

³⁹ Веселаго Ф. Ф. Очерк русской морской истории. Ч. I. СПб., 1875. С. 153; Кротков А. А. Взятие шведской крепости Нотебург... С. 108, 112; Божерянов И. Н. С.-Петербург в Петрово время. 1703–1903 : иллюстрир. истор. очерк. СПб., 1903. С. 38.

⁴⁰ Возможно, речь идёт о Скворцове Ермолае О(А)нисимовиче (ум. 20 сентября 1720). Волонтёр при «Великом посольстве» в III десятке солдат Преображенского полка. В России дослужился до чина капитан-поручика. Летом 1702 г. обустроил легендарную трассу «Осударевой дороги», собирал к Повенецкому рядку суда. В 1703 г. работал на Олонецкой верфи, стал капитаном почтового галиота. См.: РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702. Д. 109. Л. 2 и об.; Елагин С. И. Утверждение России на Балтийском побережье // Морской сборник. 1866. № 1. С. 123; Ларионов А. А. У истоков судостроительного искусства // Судостроение. 1967. № 5. С. 79; Богатырёв И. В. Корабельная Соломбала // Судостроение. 1983. № 8. С. 52.

⁴¹ Меншиков Гаврила Авдеевич (1672–1742). С 1691 г. в бомбардирской роте Преображенского полка. Строит суда на Плещеевом озере, в 1697–1698 гг., во время Великого посольства, плотник на Ост-Индской верфи. Работал на воронежской верфи, с 1703 по 1705 гг. ученик корабельного дела в Амстердаме. В 1709–1710 гг. достроил на Олонецкой верфи 50-пушечный корабль «Пернов», в 1718–1725 гг. самостоятельно построил 66-пушечный корабль «Нарва». С 1721 г. имел чин корабельного мастера.

⁴² Кротов П. А. Соломбальская верфь в начале XVIII столетия // Архангельск в XVIII веке. СПб., 1997. С. 77; Его же. Осударева дорога 1702 г. // Русский Север и Западная Европа. СПб., 1999. С. 186; Гиппиус В. Лейб-гвардии бомбардирская рота в царствование императора Петра Великого : истор. очерк. СПб., 1883. Прил. С. 7.

⁴³ РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. Д. 21. Л. 140. См. также: Ларионов А. Л. Малые фрегаты «Св. Дух» и «Курьер»: (К истории Осударевой дороги 1702 г.) // Русский Север и Западная Европа. СПб., 1999. С. 221–222.

⁴⁴ Веселаго Ф. Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб., 1872. С. 692; Кротов П. А. Осударева дорога... С. 189; Данков М. Ю. О загадочном рейде от Нюхчи к Шлиссельбургу в 1703 году // Двинская земля. Вып. 4. Вельск, 2005. С. 108.

⁴⁵ Ларионов А. Л. Малые фрегаты «Св. Дух» и «Курьер»... С. 222. 3-фунтовые орудия корабельного базирования имели калибр 76 мм, длину 18 калибров.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 12. Л. 611; Ф. 160. Оп. 1. 1708. Д. 9. Л. 43 об; РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 41. Л. 204 об. См. также: Кротов П. А. Соломбальская верфь в начале XVIII столетия... С. 80; Богославский П. О купеческом судостроении в России, речном и прибрежном. СПб., 1859. С. 8.

Спуск кораблей на полозьях смазанных тюленьим жиром,⁴⁷ по ритуалу «ракитки и гранадки... спускать на Аглинском мосту»⁴⁸ состоялся в день Святой Троицы 24 мая 1702 г. Тогда же царь ошибочно указал фамилии капитанов судов: «один “Святого Духа”», на нем Памбурх, другой «“Курьер” на нём Вальронт».⁴⁹ Однако корреспонденция от 5 июня Ф. М. Апраксину на три столетия ввела в заблуждение исследователей. Недавно выявлены документы, корректирующие «капитанство» и наименования кораблей. Завершив ходовые испытания, фрегат «Сошествие Св. Духа» возглавил Я. Валронт, командовать «Курьером» назначили П. Памбурха. Исторический факт подтверждает «Роспис[ь] людем, которые на корабле царского величества “Сошествие Св. Духа” под командою Яна Ванларда». Документ от 17 июня 1702 г. подготовлен на голландском языке, с неполным русским переводом, и заверен личной подписью Я. Валронта. Интерес вызывают имена моряков, приписанных к судну. Помимо Валронта на корабле служили «аглинские матросы Михайло Додц, Христофор Фратер, Тимофей Ротлиф, констапель Иван Бонхеостов, Пётр Щекин, Трофим Лонской, Егор Лебедев, Иван Иванов, Филипп Сукочев (фамилия в рукописи зачеркнута – М. Д.)».⁵⁰

Царская неточность подтверждается текстом пока неопубликованного «просительного письма» П. Памбурха к государю. Перед выходом «на промысел» голландец умолял «под потеряннем головы своей» присвоить ему чин шаутбенахта, и настоятельно требовал: «Естли мне указ дан будет с кораблём его царского величества Куртнером («Курьером» – М. Д.) назат идти, то б мне не быть под команду выше помянутого вице-адмирала причтенну».⁵¹

Недавно историк И. Г. Дуров обнаружил ещё один важный документ. Речь идет о расчёте в 1702 г. провизии на шняву «Сошествие Св. Духа». Документ указывает объём продовольствия, необходимого команде в 50 человек, с учетом четырёхнедельного плавания. Оказывается, в трюм по настоянию Я. Валронта загрузили 1500 фунтов хлеба, 550 фунтов мяса, 300 фунтов ветчины «или вместо того мяса», 300 фунтов масла коровьего, 600 фунтов рыбы, 100 фунтов соли, 600 фунтов гороха, 600 фунтов круп, 100 мер уксуса, 330 вёдер пива, 30 вёдер «масла деревянного». Кроме того, «на изволение его превосходительства господина адмирала» для капитана, офицеров и матросов, предлагался не малый запас «горячего вина».⁵²

В начале августа 1702 г. эскадра с малыми фрегатами под командованием Валронта и Памбурха, отправилась через Соловецкий архипелаг к «Нюхоцкому усолью».⁵³ Государь вместе с царевичем Алексеем, А. Д. Меншиковым и друзьями «по марсовым потехам», шел на флагманской английской яхте «The Transport Royal».⁵⁴ В ночь на 17 августа после десанта на Вардегорском мысу, войска встали на трассу для «тайного» выхода к шведскому Нотебургу, названную поморами «Осударевой дорогой». Тогда же трагический случай навсегда развел параллельные судьбы Я. Валронта и П. Памбурха. Неистовый голландец в нелепом шпажном поединке погиб «на пристани Нюхчи».⁵⁵

Однако дальнейшая головоломная биография капитана Яна Валронта, как и мифологизированная история кораблей, современных исследователей также не может оставить равнодушными. Считается, что фрегаты по мостовой настилке «Осударевой дороги» за 8 суток были перенесены на расстояние в 174 версты к Повенецкому рядку. Затем, якобы, корабли были «амбаркадированы» по Онежскому озеру и реке Свирь в Ладугу, где сыграли «знаковую роль» при атаках Нотебурга в октябре 1702 г.⁵⁶ Между тем в реальности российским и зарубежным исследователям пока недоступен ни один прямой подлинный источник, подтверждающий факт

⁴⁷ Описание ритуала спуска корабля на воду см.: Дневник камер-юнкера Берхгольца, ведённый им в России в царствование Петра Великого с 1721 по 1725 год // Пётр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. СПб., 1993. С. 185.

⁴⁸ Новиков Н. И. О высочайших пришествиях великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича... из царствующего града Москвы на Двину к Архангельскому городу... М., 1783. С. 33–34.

⁴⁹ Письма и бумаги Императора Петра Великого. Т. 2. 1702–1703. СПб., 1889. С. 65.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702. Д. 74. Л. 2. См. также: Кротов П. А. Осударева дорога... С. 211 (в публикации П. А. Кротова фамилии английских моряков приведены с незначительными искажениями по сравнению с текстом рукописи).

⁵¹ РГАДА. Ф. 161. Оп. 1. Д. 442. Л. 9.

⁵² Там же. Ф. 158. Оп. 1. 1702. Д. 93. Л. 9 и об. См. также: Дуров И. Г. Провиантское обеспечение экипажей малых фрегатов «Курьер» и «Св. Дух» в 1702 г. // Нидерланды и Северная Россия. СПб., 2003. С. 189.

⁵³ В исторической литературе существуют разночтения о количестве судов в походе 1702 г. от Архангельска к Вардегорскому мысу. См.: Новиков Н. И. О высочайших пришествиях великого государя... М., 1783. С. 96–97; Максимов С. В. Куль хлеба // Год на Севере. Л., 1987. С. 441; Досифей. Летописец Соловецкий на четыре столетия... М., 1833. С. 86. Эти авторы указывают, что в составе эскадры находилось 13 кораблей.

⁵⁴ Веселаго Ф. Ф. Очерк русской морской истории... С. 154; Беспятых Ю. Н. Третье «пришествие» Петра I на Белое море // Архангельск в XVIII веке. СПб., 1997. С. 42.

⁵⁵ Данков М. Ю. Флибустьер Петра Великого. О судьбе голландского капитана Питера фон Памбурха // Кортик. Флот. История. Люди. СПб., 2009. Вып. 10. С. 9–11; Его же. Своевольный и неистовый капитан... (тайнственная биография голландца Питера фон Памбурха) // Петровское время в лицах – 2010 : Труды Государственного Эрмитажа ЛП. СПб., 2010. С. 125–137.

⁵⁶ Данков М. Ю. Мифы и реальность волока фрегатов по «Осударевой дороге» 1702 года // Проблемы изучения и сохранения морского наследия России. Калининград, 2010. Вып. 10. С. 151–153; Его же. Тайный марш по «Осударевой дороге» 1702 года и современная дискуссия вокруг неё // Культурные инициативы Петра Великого : материалы II Междунар. конгресса петровских городов. СПб., 2011. С. 202–211.

волока фрегатов по карельской тайге.⁵⁷ Кроме того, невозможно подтвердить их роль в виктории на Ладожском озере, и дальнейшее пребывание соломбальских судов в составе Балтийского флота.⁵⁸ Напротив, заблуждение о легендарном перемещении кораблей, конфликтует с документами, свидетельствующими о пребывании малых фрегатов на Северной Двине «для проведыванья» неприятелей и «отпору».⁵⁹

В этом смысле участие старшего капитана Я. Валронта, в рейде по карельской тайге и волоке морских кораблей в Ингрию, является безусловным мифологическим вымыслом.⁶⁰ В действительности, после десанта у Вардегорского мыса, англичанин на фрегате «Сошествие Св. Духа», в составе флотилии К. Крюйса, отправился обратно в Архангельск. В конце августа вице-адмирал сообщил Ф. А. Головину, руководившему походом войск на водоразделе Белого и Балтийского морей: «Поверенная мне флота, слава Богу, в 26 день сего месяца сюда в целости уцелена пришла».⁶¹

Через несколько дней К. Крюйс отбыл в Голландские Штаты для найма иноземных морских специалистов в русскую службу. В депеше от 8 сентября 1702 г. дьяк М. И. Родостамов сообщил Ф. А. Головину, что вице-адмирал «пошёл в голландском караване... 50 кораблей... отсюда во всяком удовольствии... и русских матросов 150 человек и на них денег 600 рублей».⁶² Любопытно, что решение об отправке соискателей в Европу, государь подписал на яхте «The Transport Royal», прямо перед выходом лейб-гвардии на «Осудареву дорогу». В документе сказано: «Послать... в Голландскую землю... из новоприборных русских солдатских детей и иных чинов и недорослей, которые прибраны и записаны у города Архангельска». Молодых людей посылали «для учения немецкого и голландского языков, матроского чина». Интересно, что именно указ даже обязывал Крюйса, «купя в ряду из таможенных и из кабацких доходов, дать на рубашки немецкого холста белого по 10 аршин».⁶³

Вслед за вице-адмиралом в Голландию отправился и капитан Ян Валронт. О его деятельном пребывании в Амстердаме свидетельствуют корреспонденции К. Крюйса к Ф. А. Головину. В одном из писем сообщается: «Дабы мне с капитаном Валрантом людей наймывать, что исполнено уже до его приезде, однакож помогал он мне дважды на смотре». В мае 1703 г. вице-адмирал подтвердил намерение серьёзно отбирать годных к службе: «...при капитане Валронте смотреть станем».⁶⁴

Тем временем в день возврата эскадры в Архангельск, Пётр I с армией вышел к Повенецкому ряду на Онежском озере. Позже «Выписка из книги корабельного строения за 1703 г.» подтвердила исторический факт, Я. Валронт никогда не преодолевал сухопутный маршрут «Осударевой дороги». Любопытный документ, выделяя фамилии морских капитанов, опускает фамилию Валронта. «Выписка» отмечает, в 1703 году: «На корабле “Штандарт”» находился «господин Пётр Алексеевич Михайлов. На почтовом галиоте пошёл Ермолай Анисимов сын Скворцов (бомбардир). На буере “Вельском” – Степан Буженинов (бомбардир). На буере “Бир-Драгарс” – Михайло Иванов сын Щепотьев⁶⁵ (бомбардир)» и далее «на буере “Зов Драгель” – Василий Дмитриев сын Корчмин, на галиоте “Соль” – Иван Лукин сын Владимиров (бомбардир)».⁶⁶

Вернувшись из Амстердама в 1704 г., он недолго на Балтике командовал 28-пушечным фрегатом «Флигель-де-Фам» («De vliehede faam»), передвигающимся «и на гребле»,⁶⁷ который вскоре перешел под юрисдикцию Крюйса. Но главное, способности и талант Я. Валронта в полном объеме оказались востребо-

⁵⁷ Исключение составляет текст «Челобитной поморов» (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 1704. Л. 43 и об.). Однако источник, обнаруженный П. А. Кротовым, скорее всего, относится к более позднему времени и требует дополнительного анализа.

⁵⁸ См. например: Данков М. Ю. Об организации на «Осударевой дороге» таинственного волока «буяра» полковником М. Бордовиком в 1703 году // Изучение памятников морской археологии. Вып. 5. СПб., 2004. С. 121–133; Его же. «Осударева дорога» в контексте геополитики нового времени // Приневье до Петербурга. СПб., 2006. С. 85–93; Его же. Таинственный архив мегапроекта XVIII века (малоизвестные письма строителей «Осударевой дороги» 1702 года) // Петровское время в лицах – 2007 : Труды Государственного Эрмитажа XXXVIII. СПб., 2007. С. 76–89; Его же. Об интерпретации артефактов «Осударевой дороги» 1702 года // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст. СПб., 2008. С. 273–278.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1708. Д. 9. Л. 43 об. См. также: Данков М. Ю. Таинственный архив мегапроекта XVIII века (малоизвестные письма строителей «Осударевой дороги» 1702 года) // Петровское время в лицах – 2008: Труды Государственного Эрмитажа XLIII. СПб., 2008. С. 83–87.

⁶⁰ Веселаго Ф. Ф. Общий морской список... С. 68.

⁶¹ Елагин С. И. Указ. соч. Прил. XIX. С. 254.

⁶² Там же. С. 255.

⁶³ Там же. Прил. V. С. 236.

⁶⁴ Там же. С. 256, 264.

⁶⁵ Щепотев Михаил Иванович, сержант бомбардирской роты Преображенского полка, строитель «Осударевой дороги», куратор возведения буера «Бир-Драгер» на Олонецкой верфи, один из первых капитанов Балтийского флота. Исходя из письма Петра I адмиралтейскому советнику А. В. Кикину от 12 августа 1713 г., буер «Бир-Драгер» с грузом соли разбилсь на Балтике в 1713 г. См.: Морские сражения русского флота. Воспоминания, дневники, письма. М., 1994. С. 64.

⁶⁶ Гиппиус В. Лейб-гвардии бомбардирская рота... С. 121.

⁶⁷ Фрегат «Флигель-де-Фам» («Летящая Слава») заложен Ф. М. Склевым «на Олонце» 18 октября 1703 г. Под командой капитана Я. Валронта «отпущен» с верфи 24 сентября 1704 г. Судно имело длину 92 фута, ширину 22 фута и углубление 9 ½ футов. В 1710 г. «Флигель-де-Фам» переоборудован в брандер. См.: Елагин С. И. Список судов Балтийского флота, построенных и взятых в царствование Петра Великого. 1702–1725. СПб., 1867. С. 4; Походный журнал 1704 года. СПб., 1911. С. 6.

ваны в Карелии. По рекомендации Петра I англичанин на несколько лет обосновался на Олонецкой верфи на р. Свирь.⁶⁸ Хотя, что конкретно заставило Валронта нарушить статью амстердамского контракта – «на сухом пути служить да обязаны не будут» – является загадкой. Списание на берег любого моряка никогда не приветствовалось в среде морских командиров. Но что не сделаешь в угоду государю!

Однако считать, что фортуна перестала благоприятствовать капитану, явное заблуждение. Исходя из «Списка морского флота офицеров и матрос 1704 года», Я. Валронт в Карелии имел повышенный материальный статус и получал максимально возможное вознаграждение для капитанов русского флота. Размер его жалования на верфи составлял 33 руб. в месяц.⁶⁹ Значит, годовой оклад англичанина равнялся 396 руб., что в два раза больше «сговоренной» в Голландии денежной суммы.⁷⁰ Если же к ставке приплюсовать причитающиеся «кормовые» деньги, то месячное жалование Яна Валронта в момент службы «на Олонце» составляло 39 руб., или 468 руб. в год.⁷¹

В этом смысле стоит отметить, что молодой капитан являлся, пожалуй, одним из наиболее образованных, опытных и, что не маловажно, не вспыльчивых и надежных людей из «морского окружения» царя. На Свирской (Олонецкой) судостроительной верфи Валронт исправно служил до 1708 г. в должности экипажмейстера. В его обязанности входило вооружение строящихся судов и покупка востребованных «припасов» для Санкт-Петербургского адмиралтейства. Кроме того, экипажмейстер Валронт заполнял «ведомости всем принадлежностям судов», следил за работой «плотников, рещиков, кузнецов» и прочих мастеровых «на Олонце», поверял их отчёты, занимался продажей старых кораблей.⁷²

Верфь, основанная летом 1703 г., почти мгновенно превратилась в ведущее кораблестроительное предприятие страны. В бытность английского моряка, на р. Свирь было заложено свыше полусотни крупных судов. Географическое положение верфи и приближённость к театру боевых действий, без сомнения, сыграли свою роль. Однако вскоре выявились неудобства, связанные с «проблемной» проводкой кораблей через Ладогу, через мели и пороги Невы.⁷³

Первые суда Балтийского флота «по наряду» возводили до 10 тысяч «работных людей» из Архангельска, Кеми, Каргополя, Воронежа, вместе с «заобычными к корабельному делу» плотниками Олонецкого уезда. С экипажмейстером Я. Валронтом в работах у «корабельного пристанища» на Свири принимали участие комендант верфи Иван Яковлев, мачтовый мастер Александр Кикин, голландские умельцы Геренс Выбе, Питер Емб, Вилим Шленграф, Яков Кол, а также выдающийся английский судостроитель Ричард Броун. Среди талантливых корабелов, с кем ранее «на Воронеже» и Северной Двине сталкивался Я. Валронт, оказался знакомый по Архангельску Иван Немцов. К наиболее крупным фрегатам, возведённым «морским флото офицером» в Карелии, относится 32-пушечный корабль «Олифант», заложенный по чертежу государя в октябре 1704 г., а также аналогичный по вооружению фрегат «Думкрат» постройки 1707 г.

Корабль «Олифант», спущенный в Свирь в 1705 г., «нёс шитые из канифаса и фламского полотна» паруса,⁷⁴ имел значительную седловатость корпуса и высокую корму, украшенную резьбой. В соответствии со «сказкой» 1707 г. резного мастера Р. Горшнеля, на фрегате, как он писал «Алифант», на корме и на носу имелось по вырезанной в стиле барокко фигуре.⁷⁵ 9 июля 1706 г. выходец из Англии Р. Броун под присмотром Я. Валронта заложил на Олонецкой верфи 12-й по счёту фрегат «Думкрат». Достоинство отслужив боевой срок, корабли «Олифант» и «Думкрат» в 1720 г. из-за ветхости были разобраны. Отметим, что в 1706 и 1708 гг. капитаном «Олифанта», а в 1709 г. – «Думкрата» являлся вице-адмирал К. Крюйс, что само по себе говорит о высочайшем качестве и статусе работы олонцкого экипажмейстера Я. Валронта.

Между тем сухопутная миссия вряд ли могла удовлетворять английского моряка. Царь это чувствовал, поэтому в 1710 г., Я. Валронта назначил капитаном 28-пушечного фрегата «Ивангород».⁷⁶ Корабль постройки В. Вуотерсена и Г. Меншикова 27 мая 1705 г. «сбитый» со стапелей верфи на р. Сясь был сразу же зачислен в состав Балтийского флота. По задумке, «Ивангород», заложенный тремя годами ранее, предполагалось вывести в первые фрегаты в Финском заливе. Однако строительство грозного судна, в силу разных причин, затянулось. Тем не менее, покинув Свирскую верфь, Валронт уже в мае 1710 г. «сокрыто» на фрегате «Ивангород» в составе эскадры вице-адмирала сопровождал транспорт с провиантом и артиллерией до Берёзовых островов у Выборга.⁷⁷ В ноябре того же года «Ивангород» успешно курсировал в боевом наряде у Кроншлота и великолепно защищал Санкт-Петербург с моря.

⁶⁸ Олонецкая кораблестроительная верфь иногда называется Свирской или Лодейнопольской, что не является ошибкой.

⁶⁹ Елагин С. И. Указ. соч. Прил. V. С. 292.

⁷⁰ Поручики на флоте получали от 9 руб. 23 алтын 3 денег до 16 руб., подпоручики от 6 руб. 20 алтын до 11 руб. Меньше всего имели штурманы: от 8 руб. 23 алтын 2 денег до 14 руб.

⁷¹ Елагин С. И. Указ. соч. Прил. V. С. 292–301.

⁷² Там же. С. 277; Огородников С. Ф. История Архангельского порта. СПб., 1875. С. 12.

⁷³ Раздолгин А. А., Фатеев М. Ф. На румбах морской славы. Л., 1988. С. 49.

⁷⁴ РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 34. Л. 232. См. также: История отечественного судостроения. Т. 1. СПб., 1994. С. 103.

⁷⁵ РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 81. Л. 183, 184.

⁷⁶ Трёхмачтовый фрегат «Ивангород» имел длину 94 голландских фута (26,6 м), ширину 24,5 фута (6,93) и глубину интрюма 11,5 фута (3,26). На фрегате размещались 6 3-фунтовых орудий и 22 6-фунтовых.

⁷⁷ Веселаго Ф. Ф. Общий морской список... С. 69.

Между тем царь, когда английский моряк еще служил «на Олоне», не забывал капитана и доверял интересные начинания, порой связанные с инспекционными проверками. Так, 8 июня 1706 г. государь указал «Санкт-Петербургскому коменданту» И. Я. Яковлеву: «Прикажи господину Валранту быть в Нарву». Монарх требовал провести профессиональную экспертизу: «...и тут осмотрев шведские суда, гальеты и шхуны, что оные требуют к починке: матросов, веревок, парусов и прочаго». Любопытно, что тогда же Пётр настоял на необходимости личной отписки Я. Валронта, «чтоб он то описал и дал вам за рукою роспись».⁷⁸

Вскоре Валронт попал в непривычную для себя ситуацию, теперь «придворного» капитана. Царь находясь за границей, весной 1707 г., «из местечка Якубовичев от Люблина в полумиле», дал отмашку на строительство в Санкт-Петербургском адмиралтействе шнявы «Лизет».⁷⁹ Он настойчиво наставлял мастера Федосея Склеява:⁸⁰ «...приняться за Лизету... и у шпангоутов обе стороны; окладные вдоль корабля обтесать, а края, которые вон и внутрь корабля, не обтёсывать».⁸¹ Заметим, что «новозачатая» шнява, благодаря пропорциям, быстро оправдала ожидания монарха и продемонстрировала превосходные качества. В январе 1709 г. управляющий Адмиралтейством, в недавнем прошлом «валентир» Ост-Индской верфи, а позже мачт-макер «на Олонце» Александр Кикин позволил напомнить государю о чудесных свойствах «Лизет».⁸²

Названное в честь любимой дочери Елизаветы, судно мгновенно завоевало репутацию «семейного корабля» Петра I.⁸³ Для нас же принципиально, именно Я. Валронт, освоив акваторию «ближней Балтики», был назначен первым капитаном петровской шнявы. Очевидно, «просто так» встать к штурвалу 16-пушечного корабля, где главенствует в чине штурмана, сам государь, в петровскую эпоху было почти невозможно. Нам же ясно, лишь безупречная биография Я. Валронта позволила ему заполучить статус личного судоводителя Петра. Между тем, упомянем скандальный эпизод о пребывании 21 мая 1710 г. на «Лизет» Ю. Юля,⁸⁴ датского посланника при русском дворе. Дипломат повествует: «Такой великой и здоровой попойки и пьянства здесь ещё не бывало». После того, как посла преднамеренно споили и он не «успел отвалить», под влиянием аффекта миролюбивому иностранцу пришлось «выхватить из ножен шпагу». Однако царь тогда «в грубых выражениях пригрозил», и через сутки датчанин вынужденно извинялся: «Я дважды пытался съехать с «Лизеты», но если бы отпустили, то всего этого не случилось бы».⁸⁵

В тоже время отметим, капитан Валронт был занят не только увеселительными прогулками по Неве и Финскому заливу. Сохранились «рассудочные» депеши Я. Валронта, отправленные с борта шнявы «Лизет» к светлейшему князю А. Д. Меншикову. Донесения, датированные октябрем 1711 г. связаны с катастрофическим положением русского флота у Кроншлота. Валронт сообщал «светлейшему князю»: «Повелел я корабли потянуть вверх для того, что морозы великие, и лёд идёт, ветры противные». Лишь с большим трудом «27 дня две шнявы Лезет и Адлер и галиот притянули едва к батарее, с трудностью великою от погоды». Другая корреспонденция относится к 5 ноября 1711 г. Капитан предостерегает: «При Кроншлоте у батарей судам стоять ненадёжно. Потому что повреждены будут ото люди и от ветров». Не нарушая субординацию, Я. Валронт просит «ответствия» у Меншикова, «чтоб заранее с кораблями убраться», и одновременно ухитряется сообщить разведанные: «...сего числа явился шведский корабль».⁸⁶

В дальнейшем шнява «Лизет» некоторое время находилась под командой капитана Ивана Синявина.⁸⁷ О дальнейшей судьбе царского корабля сообщает английский офицер Д. Ден (Dean John).⁸⁸ По его сведениям,

⁷⁸ Собрание писем Императора Петра I к разным лицам с ответами на оные. Ч. I. СПб., 1824. С. 16.

⁷⁹ Шнява «Лизет» имела длину 76 футов (23,16 м), ширину 22 фута (6,7 м), возводилась корабельным мастером Ф. М. Склеявым по проекту царя Петра. Судно заложено 30 ноября 1707 г., спущено на воду в 1708 г. См. также: Елагин С. И. Список судов Балтийского флота... С. 32–33.

⁸⁰ Федосей Моисеевич Склеяв (1672–1728), участник Великого посольства. В 1698–1699 гг. учился корабельному делу в Венеции. В 1701–1703 гг. работал на Воронежской верфи, до 1704 г. «на Олонце», затем до 1728 г. на верфи Адмиралтейства в Петербурге. В 1709 г. участвовал в Полтавском сражении. С 1707 г. – корабельный мастер, с 1709 г. – морской капитан, с 1723 г. – капитан-командор.

⁸¹ Собрание писем императора Петра I к разным лицам... С. 16.

⁸² Материалы для истории русского флота. Ч. I. СПб., 1865. С. 148; Письма и бумаги Императора Петра. Т. 9. Вып. 2. Примечание к № 3019. С. 634.

⁸³ Не путать с одноименной шнявой «Лизет», которую царь Пётр в июне 1710 г. задумал перевести из Азова на Балтику, однако турецкие власти воспротивились этой акции. См.: Елагин С. И. Указ. соч. Прил. IV. С. 129, 131.

⁸⁴ Юст Юль (1664–1715), в 1709–1711 гг. – посланник датского короля Фредерика IV при русском дворе. Командор, затем вице-адмирал датского флота. Погиб в морском сражении со шведами. В России вёл дневник. См.: Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709–1711). М., 1900.

⁸⁵ Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709–1711) // Пётр Великий. Воспоминания. Дневниковые записки. Анекдоты. СПб., 1993. С. 107–109.

⁸⁶ Материалы для истории русского флота. Ч. I. СПб., 1865. С. 260–264.

⁸⁷ [Ден Дж.]. История российского флота в царствование Петра Великого. СПб., 1897. С. 106.

⁸⁸ Deane John, английский морской офицер. Служил в России с 1711/12 по 1722 гг. Автор труда «History of the Russian fleet during the reign of Peter the Great, by a contemporary Englishman (1724) ed. by Vice-Admiral Cyprian A. G. Bridge, K. C. B. – [London] Printed for the Navy Records Society, 1899. – 161 p.» (История российского флота в царствование Петра Великого). Не путать с Deane Sir Anthony John, его дядей, английским кораблестроителем, «сговорённым» на русскую службу в 1698 г. См. например: Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Первое европейское путешествие царя Петра... С. 137, 434, 822.

шнява в 1716 г. потерпела крушение у Стенгофа.⁸⁹ В момент балтийской катастрофы царским судном управлял один из героев «Осударевой дороги» капитан-поручик Ипат Калинович Муханов.⁹⁰

В 1712 г. Я. Валронт, научившийся быстро принимать на себя разумную ответственность, был вновь выдвинут на высокую должность, теперь капитана бомбардирского корабля, и находился сначала в отдельном плавании по Финскому заливу, а затем в походе русской флотилии до Выборга.⁹¹ Старательный, но, видимо, осторожный капитан обладал способностью приспосабливаться в новых ситуациях. В Морском журнале Н. А. Сенявина от 21 апреля 1712 г. находим: «Пошли в море... к своим двум кораблям, которых капитаны Валронт и Вессель; выстрелили из 5 пушек, от Валронта тоlikое ж число». Затем у Берёзовых островов суда дождались судна государя, «сделали дрейвен» и вскоре шаутбенахт (Пётр I – М. Ю.) пошёл в Выборг на шняве «Мункер».⁹²

В ноябре 1708 г. на Олонецкой верфи под присмотром английского корабельного мастера Ричарда Бента⁹³ был заложен 50-пушечный корабль «Пернов». После кончины знаменитого корабеля, начатые работы завершил Г. Меншиков. Судно поражало всех своей красотой и грандиозностью. Через два сезона 3 июля 1710 г. генерал-адмирал Ф. М. Апраксин доносил царю Петру о приходе фрегата в Санкт-Петербург: «С Олонецкой верфи с кораблём Гаврила Меншиков прибыл сюды сего дня благополучно».⁹⁴ Яну Валронту первому выпала честь в боевой обстановке испытать судно «доброй пропорции». Получив в январе 1713 г. чин капитана 1 ранга, англичанин с мая по сентябрь командовал кораблём и крейсировал в составе эскадры К. Крюйса в Финском заливе. С 10 на 11 июля ему удалось азартное и благополучно завершившееся преследование группы шведских судов, так как фрегат «Пернов» обладал отличными маневренными качествами. Очень быстро судно с капитаном Валронтом превратилось в самую мощную единицу русского военно-морского флота на Балтике.

Хочется отметить, в эти годы удача сопутствовала благополучному «флото офицеру», достигая немислимой вершины. Тем непонятнее скорое «падение градуса» в успешной карьере английского моряка. Зимой 1713 г. капитан Валронт был внезапно уволен от службы.⁹⁵ Что вызвало неожиданную опалу – нам остаётся только догадываться. Был ли причастен к этому сам государь, или кто-либо из его ближнего окружения? Быть может, отставка связана с «доносом» или обстоятельствами личной жизни капитана? А может, отставка явилась следствием профессионального проступка или, что немисливо, мошенничества? Однако, похоже, в опальной интриге отсутствовал политический подтекст. За 15 лет славного служения России, англичанина никто ни разу не схватил за руку, не уличил в какой-либо пристрастности и тем более в непрофессионализме. Тем не менее, почти до самой кончины Я. Валронт был отлучён от моря и одновременно лишён своего элитного положения. В этом контексте вспомним суд 1713 г. над К. Крюйсом, с вердиктом «за преступления и неисполнение... должности наказать смертию». Был ли Ян Валронт «подельником» вице-адмирала, неизвестно. Приговор Крюйсу вскоре заменили ссылкой в Казань, откуда провинившийся «сокрушался» Ф. М. Апраксину, как «они вместе служили государю». Через год царь вернул «первого моряка» страны из ссылки и признался: «Я на тебя более не сержусь». На это капитан с гордостью ответил: «И я перестал сердиться».⁹⁶ И все-таки нам неизвестно, где Я. Валронт находился в момент переломных сражений Северной войны, чем занимался в долгие годы отставки, когда его имя кануло в небытие.

Лишь в апреле 1728 г. его назначили командиром брандвахтенного поста, учреждённого в 1726 г. в Архангельске.⁹⁷ Одновременно «уволненный» офицер получил чин капитана Архангельского порта.⁹⁸ Тогда говорили, Я. Валронт приставлен «к смотрению над приходящими судами».⁹⁹ На этой должности он заменил Андрея Диопера,¹⁰⁰ более известного своей дочерью Евдокией, которая в 1731 г. обвенчалась с любимцем Петра I чернокожим капитан-инженером Абрамом Петровичем Ганнибалом.

⁸⁹ [Ден Дж.]. Указ. соч. С. 41.

⁹⁰ Морские сражения русского флота... С. 65.

⁹¹ Веселаго Ф. Ф. Общий морской список... С. 69.

⁹² Сенявин Н. А. Морские журналы Наума Акимовича Сенявина, 1705–12 годов // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. Ч. 10. СПб., 1852. С. 337.

⁹³ Бент Ричард (Bent Richard), ум. в 1709 или 1710 г. Английский корабельный мастер, приехал в Россию в 1705 г. На Олонецкую верфь прибыл из Воронежа 1 ноября 1708 г. (по другим сведениям, в июне 1709 г.).

⁹⁴ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 11. Л. 15. См. также: История отечественного судостроения... С. 125.

⁹⁵ Веселаго Ф. Ф. Общий морской список... С. 68; [Ден Дж.]. Указ. соч. С. 105.

⁹⁶ За неумелые боевые действия русской эскадры у Гельсингфорса в июле 1713 г. и «упущение неприятеля» К. И. Крюйс судом «при Петербурге в 22 день января 1714» был приговорён к смерти. Однако государь повелел, «взяв чин», послать виновного в Тобольск. В результате Крюйс на один год был сослан в Казань. См.: Морские сражения русского флота... С. 86–87.

⁹⁷ Архангельские губернские ведомости. 1861. 16 дек. № 50. Часть неофициальная.

⁹⁸ Брызгалов В. В., Попов Г. П. «Государева» яхта // Соломбальская верфь 1693–1862. Архангельск, 1993. С. 10.

⁹⁹ Веселаго Ф. Ф. Общий морской список... С. 68.

¹⁰⁰ В 1730 г. брандвахтенный пост и должность в Архангельском порту занял капитан I ранга Питер Клаввер.

На новом посту престарелый англичанин Я. Валронт с рвением взялся за «исправление» судьбы «Святого Пётра», первой «государевой яхты», возведённой в Соломбале в 1693 г.¹⁰¹ Все годы Северной войны судно скромно простояло в Архангельском порту. О яхте, «к мореходному ходу годной»,¹⁰² вспомнили лишь после указа Петра I, повелевшего увековечить первые судостроительные эксперименты: «Надлежит вам беречи остатки кораблей..., а буде опустите, то взыскано будет на вас и на потомков ваших».¹⁰³ В мае 1723 г. состоянием корабля «Св. Пётр» озаботился П. И. Ягужинский, который направил реляцию архангельскому вице-губернатору П. Е. Лодыженскому: «Ежели той яхты... остатки найдутся, то... извольте в удобном месте поставить и приказать беречь».¹⁰⁴ Судно подняли на берег р. Повракулки, но не ухаживали, и к 1726 г. корпус яхты окончательно разошёлся, а доски сгнили. Экспертиза признала ремонт и дальнейшее использование корабля невозможным.

В этой связи в 1728 г. Валронт подготовил запрос в Архангелогородскую губернскую канцелярию. Он требовал передать с легендарной, но «очень гнилой» яхты снасти, «которые лежат без использования». Разумеется, его призыв натолкнулся на «стену непонимания». По указу от 19 августа 1728 г. Адмиралтейская коллегия ответила: «яхта явилась, гнила и в починку быть не годна», но всё равно её необходимо «поставить в удобное место... хранить». Тогда же корабельные снасти сняли и спрятали в амбар «за караулом» Ф. Мещеринова. Вскоре в июне 1729 г. Я. Валронт все-таки получил с «раритетного» судна ванты, паруса, блоки, тросы, ветхие канаты для конопатки и оснастки нового пакетбота. Среди демонтированного снаряжения оказалось два якоря весом семь и три пуда, и двухпудовый «руппель железный», а также «железа мелкого пуд».¹⁰⁵ Отметим, металл в 1693 г. на яхту поставил с «заонежских» заводов в Карелии крупный датский заводчик и коммерсант Андрей Бутенант фон Розенбуш.¹⁰⁶

В последнем из известных донесений, отправленных в Архангелогородскую губернскую канцелярию, Я. Валронт в июне 1729 г. просил разрешить яхту окончательно разобрать, а железо отдать «на неминуемые адмиралтейские расходы». Однако он вновь получил стандартную резолюцию: «яхту сжечь невозможно»,¹⁰⁷ а корабельный металл «от Бутмана»¹⁰⁸ суммарным весом в 29 пудов требовалось сложить в амбар под караул. И все же тогда Валронту передали с яхты 10 медных пушек 3-фунтового калибра, а само судно «Св. Пётр» 30 ноября 1729 г. под командой прапорщика Устюжского полка С. Болшого уничтожили.¹⁰⁹

Так, перевернув последнюю страницу истории одного из первых военных кораблей России, завершилась биография славного английского моряка. Круг замкнулся. Приполярный Архангельск, предоставивший Яну Валронту широкие возможности на заре карьеры в 1702 г., вновь принял и после кончины 5 декабря 1729 г. проводил в последний путь «яростного» капитана.¹¹⁰ Современный поиск конечного пристанища «морского флота офицера» ни к чему не привёл. К сожалению, место захоронения Я. Валронта в Архангельске до сих пор не определено.¹¹¹ Его имя невозможно найти в названиях улиц, переулков или скверов не только Архангельска, но и Петрозаводска, города с которым английский «служужник» был связан через Олонецкую верфь.

История порою делает немислимые виражи, соединяя всевозможные события, географию, время и человеческие судьбы в единое целое. Ян Валронт, «человек моря», один из соратников Петра I, прожил долгую и волнующую жизнь на Русском Севере. Он стал участником великой эволюции континентальной державы в грозное и независимое европейское морское государство. Воздадим ему за это должное...

¹⁰¹ Современные исследователи В. В. Брызгалов и Г. П. Попов считают, что яхта «Св. Пётр» возводилась на восточном берегу Мосеева острова, на протоке, отделяющей остров от «Архангельского города». См.: Брызгалов В. В., Попов Г. П. Указ. соч. С. 8.

¹⁰² Изюмов А. Некоторые данные к вопросу о первом пребывании Петра Великого в Архангельске в 1793 г. // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1911. № 10. С. 796.

¹⁰³ Царский указ от 7 февраля 1722 г. Цит. по: Морской сборник. 1853. № 1. С. 50–51.

¹⁰⁴ Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1а. Л. 125. См. также: Брызгалов В. В., Попов Г. П. Указ. соч. С. 9.

¹⁰⁵ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 198. Л. 1, 2 об., 13 об. – 14 об. См. также: Брызгалов В. В., Попов Г. П. Указ. соч. С. 11, 12.

¹⁰⁶ Dankov M. Tehtailija Heinrich Boutenantin tahtihetki ja riomahdus // Carelia. 2008. № 7. Р. 55–59; Данков М. Ю. «Датский фактор» Андрей Бутенант и царский путь 1702 года // Проблемы развития транспортной инфраструктуры Европейского Севера России. Вып. 3. Котлас, 2008. С. 75–88; Его же. О бедном Бутенанте замолвите слово... // Петровское время в лицах – 2008: Труды Государственного Эрмитажа XLIII. СПб., 2008. С. 88–101; Его же. «Комиссар» короля Дании Христиана V на Русском Севере // Вторые Всероссийские краеведческие чтения (Москва. 26–27 мая 2008 г.). Четвертые Всероссийские краеведческие чтения (Челябинск. 20–22 мая 2010 г.). М., 2011. С. 270–275.

¹⁰⁷ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 198. Л. 6, 15 и об. См. также: Брызгалов В. В., Попов Г. П. Указ. соч. С. 11.

¹⁰⁸ Письма и бумаги Императора Петра Великого. Т. 1. 1688–1701. СПб., 1887. С. 21.

¹⁰⁹ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69. Л. 291; Д. 529. Л. 20; Д. 530. Л. 86 и об., 420; Д. 198. Л. 19. См. также: Брызгалов В. В., Попов Г. П. Указ. соч. С. 10.

¹¹⁰ Веселаго Ф. Ф. Общий морской список... С. 68.

¹¹¹ Шумилов Н. А. Немецкие захоронения на Лютеранском кладбище Архангельска // Немцы и Русский Север. М., 2000. С. 212–216.

Из истории дошкольного образования (вторая половина XIX–XX вв.)

Дошкольное воспитание на всём протяжении истории вплоть до конца XIX века принадлежало семье. В семьях привилегированных классов воспитанием детей дошкольного возраста занимались многочисленные няньки. В семьях крестьян была выстроена целая система домашнего воспитания, когда дети сообразно возрасту получали навыки, необходимые для ведения домашнего хозяйства и с ранних лет, постепенно включались в трудовую деятельность. В. А. Фёдоров отмечает: «Для крестьянской семьи дети были не столько «радостью», сколько «необходимостью». Бездетных супругов в старости ждала нужда и нищета».¹ Обязанностью матери было обучение девочек ведению хозяйства и рукоделию. Отец наставлял мальчиков в способах и умениях, необходимых будущему работнику и кормильцу. Игра была одной из форм приобщения ребенка к взрослой жизни. В игре проигрывались те роли, которые предстояло сыграть ребенку во взрослой жизни. Мы, однако, не намерены здесь подробно рассказывать о воспитании в крестьянских семьях. Наша цель рассмотреть вопрос о государственной и общественной системе дошкольного воспитания. Отмечу только, что в последнее время появилось множество работ историков по этой теме и многие из них грешат идеализацией крестьянского семейного воспитания.

Идеи дошкольного воспитания привлекли интерес российской педагогической общественности в 1860-х гг. Русские педагоги, в частности В. И. Водовозов, заинтересовались идеями немецкого педагога Фридриха Фребеля. В этот период организуются поездки российских педагогов за границу для изучения теории и практики детских садов, а в Петербурге и крупных провинциальных центрах появляются первые детские сады для детей высших и средних сословий. В 1866–67 гг. издавался журнал «Детский сад», идеи Ф. Фребеля обсуждаются в педагогических собраниях. В 1867 г. при Санкт-Петербургском педагогическом собрании организована специальная секция детских садов. В Петербурге, а затем и в других крупных центрах основываются Фребелевские общества. Одним из основателей общества в Петербурге был наш земляк, видный деятель российского образования Андрей Степанович Воронов. Петербургское Фребелевское общество в 1872 г. открывает первые курсы по подготовке воспитателей детских садов (годовые). С 1878 г. курсы стали двухгодичными. Задачи детского сада в российской педагогике, чтобы обеспечить физическое, умственное и нравственное воспитание, определялись следующие: 1. дополнить недостаточное семейное воспитание; 2. стать связующим звеном между семьей и школой; 3. готовить к серьезным школьным занятиям. Однако, излишне следуя фребелевским установкам, многие педагоги дошкольного образования превращали воспитание в детском саду в ряд скучных, утомительных занятий, мало обращая внимание на особенности детей дошкольного возраста (иностраные языки). Из 37 детских садов 14 находились в Санкт-Петербурге.

В 1890 г. – начале XX века уделяется большее внимание разработке принципов деятельности детских садов. В основу их деятельности входят индивидуализация воспитания и семейно-трудовой принцип. Педагоги приходят к выводу о необходимости распространения детских садов на низшие сословия. Такие детские сады становятся всё более востребованными в связи с активным использованием женского труда в капиталистическом производстве. В 1894 г. Санкт-Петербургское Фребелевское общество открывает первый бесплатный народный детский сад в Петербурге. В 1890-е гг. основываются первые фабричные детские сады на средства фабрикантов. Народные детские сады открывались и в Киеве (5 – из них 2 – на средства городской казны), а также в других крупных городах. В 1893 г. в Петрозаводске был открыт детский приют «Ясли» для младенцев до 4 лет. К началу XX века подготовка воспитательниц на курсах при Фребелевском обществе была трехгодичной. Для содействия делу развития дошкольного образования в ряде городов страны возникают родительские и семейно-педагогические кружки. В 1898 г. Санкт-Петербургское Фребелевское общество организовало первую выставку работ детских садов. В 1900 г. общество участвовало в работе Международной промышленной выставки в Париже по разделу «Образование».

Н. К. Крупская, достаточно критично относясь к буржуазной системе воспитания, тем ни менее отмечает в одной из своих ранних работ: «Уже в настоящее время в западноевропейских странах существуют так называемые «детские сады». Матери, отправляющиеся на работу, отводят туда своих маленьких детей и оставляют их там до своего возвращения с работы: они спокойно могут спокойно заниматься своей работой, потому что никакая беда не может случиться с их малышами: в детском саду занимаются с детьми много учительниц, которые с любовью берегут их».²

Дошкольное образование в начале XX века впервые выдвигается как основная проблема в общей системе образования; народные детские сады – как основа народной школы и составной элемент народной школы,

¹ Фёдоров В. А. Мать и дитя в русской деревне (конец XIX – начало XX века) / В. А. Фёдоров // Вестник московского государственного университета. Сер. «История». – 1994. – № 4. – С. 15.

² Крупская Н. К. Женщина-работница / Н. К. Крупская // Педагогические сочинения в десяти томах. – М., 1957. – Т. I. – С. 96.

и составной элемент в реорганизации общества. «Свободное воспитание», как «истинный ключ к прочной и устойчивой организации общественного строя на новых началах», как процесс выработки с ранних лет творческой индивидуальности, цельной гармонической личности методом творческого труда, составляет основной педагогический принцип и систему наиболее передовой практики и теории в этот период.

Требования общественности в этот период состояли во включении детских садов в систему государственных воспитательных учреждений, в увеличении финансирования дошкольных учреждений и на подготовку персонала. Поступали предложения о внесении вопроса о дошкольном воспитании в программу женских средних учебных заведений. В мае 1908 г. в Государственную Думу поступил законопроект «Об учебно-воспитательных учреждениях для детей дошкольного возраста – детских садах». Проект не рассматривался.

Появляются первые семейные детские сады – семейно-родительские группы.

В 1912 г. Киевское общество народных детских садов выработало проект сети народных детских садов. Предполагалось открытие более 5000 садов при потребностях в ассигновании 9 млн рублей. Однако МНП не смогло изыскать соответствующих средств и ассигнования составили 0,03 % от требуемой суммы. Организованный в конце 1913 г. 1-й Всероссийский съезд по семейному воспитанию (30 декабря 1912 г. – 6 января 1913 г., Санкт-Петербург), принял резолюцию: 1. о детских площадках, 2. о народных детских садах, 3. о детских яслях, 4. о национализации дошкольного образования и о материнском языке.³

Тем ни менее вопрос о создании единой государственной системы в дореволюционные годы не был решен.

В послереволюционные годы особое внимание обращалось на охрану здоровья детей трудящихся. Бывшие воспитательные дома для подкидышей грудного возраста были реорганизованы в Дома младенцев, для сирот дошкольного возраста создавались детские дома. На фабриках, заводах, в государственных учреждениях открываются детские ясли и детские сады, таким образом, в основу организации детских дошкольных учреждений был положен производственный принцип. В 1919 г. при Наркомпросе создан Совет защиты детей. В первые же годы советской власти организован и специальный дошкольный институт в Ленинграде. Наркомпрос РСФСР приступил к организации летних детских площадок в деревне. Происходила реорганизация жизни детских садов (деление на три возрастные группы).

Тяжёлый период переживали детские сады в 1922–24 гг. С переводом всех просветительских учреждений на местный бюджет сеть детских садов начала сокращаться, но при поддержке общественности, профсоюзов и родителей удалось сохранить сеть детских садов, прикрепляя их к предприятиям и организациям. С 1926 г. по всей стране началась организация детских дошкольных учреждений в деревне.

В годы первых пятилеток было введено 10–12 часовое пребывание детей в детских садах в связи с переходом предприятий на трехсменную систему работы, таким образом, детские учреждения должны были обеспечить уход за детьми и их воспитание.

В Карелии в послереволюционный период создаются первые детские сады. В январе 1918 г. был создан подотдел дошкольного воспитания в Наркомпросе Олонецкой губернии. 14 ноября того же года было принято решение об организации двух детских садов. Летом 1918 г. была организована первая детская площадка в губернаторском саду. В 1918 г. были организованы двухмесячные курсы для руководителей детских садов. Лекторы на курсы прибыли из Москвы. В 1919 г. многие руководители детских садов были направлены на курсы в Москву. В период гражданской войны практически все детские сады и детские площадки в связи с финансовыми трудностями прекратили работу. Дошкольный подотдел был эвакуирован в Вытегру. Только после окончания гражданской войны с 1921–1923 гг. началось восстановление сети детских садов. В 1923 г. в Петрозаводске работало 6 детских садов, в которых воспитывалось около 300 детей. Решалась и задача по подготовке педагогических кадров. Появилась целая система курсов разного уровня: подготовкой кадров занимались 7-месячные курсы в Ладве, 5-месячные в Петрозаводске, 2-месячные в Ухте. В 1925 г. в АКССР имелось 24 детских сада с числом детей 1090, на 1940 г. насчитывалось по КФССР 159 детских садов (4679 детей). В 1920-е – начале 1930-х гг. Наркомпрос Карелии организовывал курсы для дошкольных работников, собирал конференции. В 1930 г. при русском педагогическом техникуме было открыто дошкольное отделение. Во второй половине 1930-х гг. было обращено серьёзное внимание на улучшение качества подготовки дошкольных педагогов. Важным моментом в предвоенные годы стало открытие в 1936 г. Карельского дошкольного педагогического училища, которое начинает готовить специалистов со средним профессиональным образованием по специальности «дошкольное воспитание». Возглавила учебное заведение выпускница дошкольного отделения педагогического института имени А. И. Герцена Дагмара Дмитриевна Клемент – замечательный энтузиаст дошкольного образования. При открытии учебного заведения в нём насчитывалось семьдесят учащихся и 16 преподавателей. Таким образом, подготовка педагогических кадров для системы дошкольного воспитания была поставлена на более качественный уровень в масштабах республики. За предвоенные годы дошкольное отделение, а затем дошкольное педучилище выпустили в общей сложности около 300 дипломированных специалистов дошкольного дела. В годы Великой Отечественной войны детские сады были эвакуированы, на неоккупированной территории оставалось 26 детских садов (985 детей). О непростой жизни в эвакуации есть целый ряд свидетельств, в частности, в фондах Музея истории народного образования хранится уникальный документ – дневник директора детского сада Елизаветы Дмитриевны Никольской военной поры. В послевоенные годы система дошкольного

³ См.: Педагогическая энциклопедия. – М., 1928. – С. 43.

образования была восстановлена в короткие сроки. К середине 1950-х гг. дошкольное педагогическое училище (такое наименование носило образовательное учреждение в это время) подготовило свыше 1000 педагогов-дошкольников. В 1957 г. его окончили 134 педагога-воспитателя детских садов, к этому времени в Карелии насчитывалось 380 детских садов, в которых воспитывалось 14200 детей. С 1967 г. дошкольное педагогическое училище носит наименование – Петрозаводское педагогическое училище № 2. В образовательном учреждении постоянно расширялся круг специальностей: с 1968 начата подготовка по специальности «Преподавание изобразительного искусства и черчения», в 1993 г. – по специальности «Социальная работа», а с 2000 г. – по специальности «Иностранный язык». В 1999 г. по итогам аттестации образовательного учреждения оно получило новый статус – Социально-педагогический колледж. Нельзя не сказать о преподавателях, работавших в учебном заведении а разные годы, таких как М. Г. Тяhti, А. А. Филимонова, А. М. Тийсникка, Н. Н. Зотикова, А. Ф. Черняков, А. Г. Студитова, Н. С. Симонова и многих других. В настоящее время произошло его объединение с педагогическим колледжем № 1 и создано в результате новое образовательное учреждение – Петрозаводский педагогический колледж. В педагогическом сообществе хорошо известны имена педагогов дошкольного образования М. К. Богдановой, М. А. Шумилович, Э. К. Степановой, Е. Д. Никольской, А. И. Кофыриной и других.

В 1968 г. в детских садах, садах-яслях (детских комбинатах) и постоянных яслях насчитывалось свыше 54 тысяч воспитанников. В 1978 г. в республике работали 716 дошкольных учреждений, в которых воспитывались свыше 59 тысяч детей. Количество первоклассников – воспитанников детских садов составило 89 %. В конце 1970-х – начале 1980-х гг., с одной стороны, происходит ликвидация малокомплектных дошкольных учреждений, а с другой, – организация более крупных, с числом воспитанников от 100 человек и выше. Ведётся строительство зданий, отвечающих всем современным требованиям. Только в 1981–1985 гг. в Карелии было введено в эксплуатацию 59 детских дошкольных учреждений на 10310 мест.

Во второй половине 1980-х гг. был решён вопрос о подготовке специалистов-дошкольников с высшим образованием: в 1986 г. открыт приём на отделение дошкольной педагогики и психологии при педагогическом факультете Карельского государственного педагогического университета. В следующем году образована кафедра дошкольной педагогики и психологии. В 1990 г. был открыт приём на специальности: «педагогика и психология дошкольная, английский язык»; «педагогика и психология дошкольная, детская психология» с пятилетним сроком обучения. В том же году был осуществлён первый выпуск по специальности «психология и педагогика дошкольная».

В 1990–2000 гг. сложилась ситуация, при которой значительно сократилось количество детей дошкольного возраста. В настоящее время, благодаря мерам, принимаемым в рамках Национальных проектов, улучшилась демографическая ситуация. Вместе с тем возникло положение, при котором количество мест в дошкольных учреждениях не соответствует потребностям населения. Безусловно, важным вопросом является повышение заработной платы работникам дошкольных учреждений.

История дошкольного образования в Карелии требует более глубокого изучения. В этом небольшом выступлении, основанном на опубликованных материалах, автор сконцентрировал своё внимание на некоторых цифрах и фактах из истории дошкольного образования.

Литература

1. **Зарубка О.** Развитие общественного дошкольного воспитания в Петрозаводске / О. Зарубка // Краевед. – Петрозаводск, 2007. – С. 106–109.
2. **Карельский** государственный педагогический университет в цифрах и фактах. – Петрозаводск, 2001. – 293 с.
3. **Кондратьев В. Г.** Петрозаводск учительский / В. Г. Кондратьев // Краевед. – Петрозаводск, 2007. С. 102–106.
4. **Крупская Н. К.** Женщина-работница / Н. К. Крупская // Педагогические сочинения в десяти томах. – М., 1957 – Т. 1. – С. 71–102.
5. **Педагогическая** энциклопедия. – М., 1928. – С. 33–115.
6. **Старостина Т. В.** 30 лет / Т. В. Старостина // Комсомолец. – 1966. – 22 окт.
7. **Федоров В. А.** Мать и дитя в русской деревне (конец XIX – начало XX в.) / В. А. Федоров // Вестник Московского государственного университета. Сер. «История». – 1994. – № 4. – С. 3–22.

Сельские школы первой половины XIX века России на страницах «Олонецких губернских ведомостей»

В России местная печать начала развиваться с официального издания – «Губернские ведомости». Положение об их издании было утверждено в 1830 г., но первые выпуски региональных газет на Русском Севере появились только в 1838 г. «Ведомости» курировал губернатор, а редактировал их чиновник для особых поручений. «Олонецкие губернские ведомости» представляли провинциальным читателям материалы по различной тематике. Одной из них явилась становление и развитие сельских школ в Олонецкой губернии в первой половине XIX в. Материалы региональной периодики, в основном, носят иллюстративный характер, но они дают возможность по опубликованным материалам реконструировать организацию и деятельность учебных заведений, а также выяснить отношение современников и их реакцию на происходящие события в области просвещения. В газетной хронике особое внимание уделялось материальному положению школ и способам организации в них учебного процесса. Интерес представляют статьи, посвященные социальному и правовому положению педагогов.

Интересные факты по истории народного просвещения начала XIX в. в газете были представлены местными священниками-учителями народных школ, которые в конце XIX – начале XX века вели активную краеведческую работу по сбору информации среди местного населения по истории сельских школ. По рассказам очевидцев – «почтенных стариков» Олонецкой губернии, умеющих писать и читать, церковнослужители реконструировали эпизоды из давней школьной жизни, а затем свои статьи в «Олонецкие губернские ведомости». Например, священникам П. М. Мегорскому и А. Тихомирову любопытные факты о деятельности школ в селах Палтоге и Девятинах Вытегорского уезда рассказали 80-летние жители деревни.¹ Такие заметки являются ценными историческими источниками по истории образования провинциальной России. Живые свидетели истории высказывали свои мнения и суждения о деятельности сельских училищ. Многие респонденты, вспоминая о школах первой половины XIX века, отмечали, что учить было некому и грамотных было мало: «На сельских сходах ни много два каких-нибудь полуграмотных крестьян рукоприкладствуются за всех»,² «Грамотными были только раскольники... дармоеды старики проповедники старой веры»,³ «Грамотеев было 15–20 человек, из которых писать умело не более половины».⁴

В публикациях педагогов рассказывалось об условиях работы сельских школ, методах преподавания отдельных педагогов, численности обучающихся детей в училищах, а также уровень грамотности среди населения губернии. В начале XX века в «Олонецких губернских ведомостях» появилась рубрика «К истории народного просвещения», где публиковались материалы по истории отдельных школ Олонецкой губернии. Это были исторические очерки училищ Петрозаводского⁵ и Олонецкого⁶ уездов, опубликованные в 1902–1905 гг.

В материалах губернской периодической печати педагогическому персоналу сельских школ начала XIX века отводилось особое место. Так по воспоминаниям старожилов сел и деревень учителями крестьянских детей были: «отставной сержант Александр Михеев Арменский, который переходил из дома в дом к тем крестьянам, у кого нужно было обучать детей <...>, отставной батальонный писарь Мокрушин, из деревни Трудной Марфа Григорьева Снопва, крестьянская девица деревни Емельяновой Марья Андреева».⁷ Отметим, что по сведениям авторов публикаций среди учителей сельских школ в это время были: мещанин, ремесленник, сапожник, «учитель-старина», разжалованный офицер, «ходячий учитель», «мастера» учения, «старухи-мастерицы», солдаты, «раскольницы-грамотницы», «прохиндеи», «самоучки-староверы».

¹ Мегорский П. М. О народных учителях и школах в Палтожском приходе // ОГВ. 1875. № 16; Тихомиров А. Народное образование в селе Девятинах до открытия одноклассного образцового училища // ОГВ. 1871. № 61.

² Миролюбов П. Грамотность в Семчезерском приходе // ОГВ. 1874. № 99.

³ Там же.

⁴ Соколов И. И. О народных учителях и школах в Речно-Георгиевском приходе Каргопольского уезда // ОГВ. 1875. № 49.

⁵ Георгиевский А. Грамотность в Муромле // ОГВ. 1905. № 107; Леонтьев И. Ивинское земское училище // ОГВ. 1904. № 3; Митрошин М. Д. Очерк народного просвещения в Ладве // ОГВ. 1904. № 107, 108; Шуньгская Е. Шелто-Бережное земское училище // ОГВ. 1905. № 125.

⁶ Бредец И. Остречинское земское училище // ОГВ. 1904 № 3; Ведлозерское министерское училище // ОГВ. 1903. № 117, 118; Видлицкое училище Олонецкого уезда // ОГВ. 1903. № 59, 60; Коткозерское земское училище // ОГВ. 1903. № 63, 68, 70; Крикунов П. Куйтежское земское училище // ОГВ. 1903. № 78; Лосев С. А. Из жизни училищ Олонецкого уезда // ОГВ. 1903. № 43; Он же. К истории народного просвещения в Олонецком уезде. Ильинское двухклассное училище // ОГВ. 1902. № 42; Он же. Горское одноклассное училище // ОГВ. 1902. № 21; Мегрецкое земское училище // ОГВ. 1903. № 83; Сысоев В. Хевронское земское училище Олонецкого уезда // ОГВ. 1903. № 37; Туломозерское земское училище Олонецкого уезда // ОГВ. 1903. № 21, 22.

⁷ Мегорский П. М. О народных учителях в бывшее время в Кондушском приходе Вытегорского уезда // ОГВ. 1875. № 9.

Важно учесть, что многие респонденты с уважением говорили о своих первых учителях, в воспоминаниях крестьян сохранилась «благодарная память об одном причетнике по фамилии Валаамский..., прославился особым усердием»,⁸ «родители уважали своего учителя»,⁹ «престиж этого И. Ишака [учителя Е. К.] стоял очень высоко... выходявшие из «ишаковской академии» считались людьми образованными»,¹⁰ «не смотря на свою молодость и отдаленность от ближайшего надзора, отлично-благонравным своим поведением и заботами о юных свих питомцах, он приобрел общую любовь и уважение.

В некоторых приходах, обучение детей становилось семейным делом. В отсутствии церковнослужителей занятия проводили жены или их родственники. Например, в Кондушском приходе Вытегорского уезда Олонецкой губернии священнику В. Смирнову помогали заниматься обучением детей его дочь Евдокия и зять – пономарь местной церкви И. Зотиков.¹¹ Большим значением в развитии школьного дела было то, что преподавание в некоторых школах (как и церковные дела в приходе) часто передавалось от отца к сыну. Так постепенно складывались учительские династии.

Много интересной информации в «Олонецких губернских ведомостях» было посвящено деятельности на ниве просвещения архиепископа Олонецкого и Петрозаводского Аркадия, с благословения которого открывались приходские школы в сельской местности. Преосвященный Аркадий был большим поборником духовного просвещения и известен как ревнитель Православия, борец с расколом, неустанный проповедник и руководитель в истинах святой веры.

Особой заботой архиепископа являлось устройство сельских приходских училищ. Он «вел постоянную переписку с местными священниками, в которых поощрял, воодушевлял, подавал советы и т. п.»¹² Он писал письма, составлял поучения для сельских священников, проповеди и беседы для миссионеров, составлял собственные учебные руководства для учителей сельских училищ в форме разговоров, например, отца с сыном. Тематика таких бесед – «разговоров» становилась рассказы по священной истории, в основном, о происхождении раскола и о его лживости, о единоверии. Как правило, такие тексты отправлялись приходским священникам сначала в виде «учебных руководств», а затем при посещении школ Аркадий беседовал по этим «пособиям» с учителями и детьми.¹³ Несомненно, особое внимание архиепископа уделялось нравственному воспитанию юношества. Многие его беседы посвящались добру, справедливости, почитанию Бога, царя, родителей и т. п. Он обязывал приходских священников выписывать духовные книги и журналы и заводить при своей церкви библиотеку.

Корреспонденты отмечали, что преосвященный оказывал благотворительность местному притчу на обустройство школ, содействовал открытию женских училищ, часто посещал приходские училища «с особым вниманием относился к училищам, постоянно заботился об их открытии и содействии»,¹⁴ покупал на свои средства учебные руководства, производил испытания. Если же крестьяне не соглашались на открытие школы в деревне, то Аркадий старался повлиять на местный притч своими письмами. «Стыдно и грешно, что в нашем приходе родители отдают детей своих обучаться мужикам, бабам и девкам, видно не видят в них своих пастырей и не отпускают учиться в учрежденные начальством училища»,¹⁵ – писал в своем обращении Аркадий Толвуйским священникам в 1960 г.

Авторы публикаций «Губернских ведомостей» пытались осмыслить ряд некоторых проблем в области народного просвещения первой половины XIX века, выявить причины и предложить варианты решения возникших трудноразрешимых вопросов. В своих заметках они отмечали основные причины замедления хода учения в сельских приходских училищах в это время. Одной из них являлось разновременное поступление в школу, другой – пропуски учащимися уроков по желанию родителей и третьей – недостаток учебных пособий.¹⁶

По мнению корреспондентов губернской печати, школа была успешна только тогда, когда осуществлялось взаимопонимание между учебным заведением и властью. Когда губернатор, уездный начальник, волостной старшина регулярно посещали школу, вникали в ее проблемы, поддерживали материально, тогда среди крестьянского населения появлялось желание отдавать своих детей в училище. Так, например, сын Каргопольского окружного начальника Галкина в 1848 г. обучался в Речно-Георгиевском училище, а сам начальник часто посещал училище и «нередко жертвовал на пряники по 5 рублей и более, дарил книги и приглашал к пожертвованию... других лиц».¹⁷ Так, благодаря заботам о начальном обучении Галкина и головы г. Каргополя Басова «почти все дети «Речно-Георгиевского прихода обучались грамоте в училище».¹⁸

⁸ Там же.

⁹ Тихомиров С. А. Народное образование в селе Девятинах до открытия одноклассного образцового училища // ОГВ. 1871. № 61.

¹⁰ Митрошкин М. Д. Очерк народного просвещения в селе Ладве // ОГВ. 1904. № 107, 108.

¹¹ Мегорский П. О народных училищах в былое время в Кондушском приходе Вытегорского уезда // Олонецкие губернские ведомости. 1875. № 9.

¹² Там же.

¹³ Мегорский П. М. Народные учителя и школы в Мегорском приходе Вытегорского уезда // ОГВ. 1875. № 19.

¹⁴ Мегорский П. М. Народные учителя и школы в Мегорском приходе Вытегорского уезда // ОГВ. 1875. № 19.

¹⁵ Соколов Н. Толвуйское земское училище // ОГВ. 1906. № 7.

¹⁶ Мегорский П. М. О народных училищах в былое время...

¹⁷ Соколов И. И. О народных учителях в Речно-Георгиевском приходе Каргопольского уезда // ОГВ. 1875. № 49.

¹⁸ Соколов И. И. О народных учителях в Речно-Георгиевском приходе Каргопольского уезда // ОГВ. 1875. № 49.

Корреспонденты пытались сравнить положение народного просвещения на Русском Севере в начале и в конце XIX столетия. «Сопоставление начала нынешнего века, когда первые училища были у нас единицы и самое их основание сопряжено с величайшими трудностями с концом того же века. Когда народные школы существуют уже целыми сотнями, а местное население обнаруживает сильное стремление к образованию – поучительно и отрадно для нас современников». ¹⁹ «Ранее отец Петр занимался обучением детей в свободное от пасторских обязанностей время. Теперь стало необходимо вести учебное дело правильно, неопустительно, в положенные для занятий часы» ²⁰ – сообщалось в одном из очерков по истории просвещения.

Одним из острых вопросов становления системы просвещения была проблема негативного отношения населения к обучению. В начале XIX века крестьяне не проявляли активности в обучении своих детей, школа для них была чуждым и непонятным явлением, поэтому одной из тем корреспонденций «Губернских ведомостей» стало отношение населения к школе и к пользе учения. Крестьяне, обучавшиеся в то время в приходской школе вспоминали, что «родители наши..., отправляя нас в школу, плакали о нас, а иные старались откупить детей своих от обучения». ²¹ Но с течением времени мнение крестьян постепенно изменялось. Местные жители убеждались в пользе просвещения и труды педагогов на протяжении всего XIX столетия «не оставались бесплодными». ²² С одной стороны, грамота крестьянам и их детям была необходима для работы на отхожих промыслах в Санкт-Петербурге, с другой – распространению грамотности в селах российской провинции содействовал «местный раскол, который в целях своей пропаганды, естественно имел нужду в грамотеях – начетниках». ²³

Особый интерес представляет «Историческая записка о заведении и состоянии народных училищ в Олонецкой губернии» бывшего учителя всемирной и естественной истории, географии, французского и немецкого языка, рисования Олонецкой гимназии П. А. Лопатинского, ²⁴ который был один из первых выпускников Санкт-Петербургской учительской семинарии приехавших в 1802 г. по распределению на работу в Главное народное училище в Петрозаводске и вел исторические записки об истории учебных заведений в губернии. В работе П. А. Лопатинского приводятся сведения о численности школ и учащихся в них, о составе училищных библиотек. Автор рассказывает об активной деятельности директора народных училищ в 1804–1806 гг. А. Е. Крылова по открытию сельских приходских училищ. Интерес для исследователя представляет характеристика местных священников – учителей приходских училищ в то время: «большая часть из них нигде в семинариях не обучалась, ... едва имеют понятия о цифрах».

Таким образом, публикации в губернской периодической печати содержат ценный и разносторонний материал о развитии сельских школ в первой половине XIX века.

*Шафранская К. В.,
Петрозаводский государственный университет*

Карельские педагоги-краеведы 1920-х гг. По материалам республиканской конференции работников просвещения (Петрозаводск, 1–11 сентября 1924 г.)

Период наиболее динамичного и плодотворного развития краеведения в Карелии приходился на 1923–1933 гг. В это время краеведческая деятельность была наиболее востребована обществом и отвечала задачам хозяйственного освоения и культурной модернизации республики. Развитие краеведения в Карелии шло в русле общероссийского расцвета локальной истории в 1920-е гг. ¹ Краеведение являлось перспективным, новаторским методом мышления со своими приемами, наиболее глубоко разработанными Петербургской исторической школой, ориентированными на изучение города и его окрестностей. ²

В 1923 г. повысился национально-государственный статус Карелии – была образована Автономная Карельская Советская Социалистическая Республика (далее – АКССР). ³ В том же году, благодаря стабилизации поли-

¹⁹ Миролубов П. Обучение крестьянских детей в 1842 и 1872 гг. // Олонецкие губернские ведомости. 1873. № 5; К истории народного образования // ОГВ. 1895. № 97.

²⁰ История Рыборецкого земского училища // ОГВ. 1905. № 120.

²¹ Бредец И. Остречинское земское училище // ОГВ. 1904. № 3.

²² Видлицкое училище Олонецкого уезда // ОГВ. 1903. № 59.

²³ Завадовский И. К истории Сенногубского Министерства народного просвещения одноклассного сельского училища // ОГВ. 1906. № 9.

²⁴ Лопатинский П. А. Историческая записка о заведении и состоянии народных училищ в Олонецкой губернии // ОГВ. 1889. № 93, 94.

¹ Шмидт С. О. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество. 1990. Вып. 1. С. 11–27.

² Например, в кн.: Анциферов Н. П. Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Быль и миф Петербурга. М., 1991. 84 с. [Впервые – в 1922, 1923, 1924 гг.].

³ Бутвило А. И. Новейшая история государственного управления в Карелии. 1917–2007 гг. Петрозаводск, 2008. С. 57.

тической ситуации краеведы возродили в Петрозаводске краеведческое общество, получившее название «Общество изучения Карелии». К середине 1920-х гг. краеведение, развиваемое энтузиастами и поддерживаемое республиканским правительством, стало массовым социокультурным движением, активными участниками которого были учителя.

Модернизация системы школьного образования в Карелии шла в духе ленинской идеи о необходимости преобразовать «старое учение» в «настоящее коммунистическое образование», в этой связи менялись традиции и структура учебных заведений, учебные программы и формы обучения.⁴ Вся система образования в крае стала государственной и управлялась, на местном уровне, Олонецким губернским отделом народного образования (ГУБОНО), в октябре 1923 г. преобразованном в Народный комиссариат просвещения АКССР (далее – Наркомпрос или НКП).⁵

Задачи «школьного строительства» решались при помощи «соцвосов», «профобров» и «политпросветов» – специальных отделов социалистического воспитания, профессионального образования и политического просвещения НКП, помогавших вводить в практику программы социалистической реконструкции школы.⁶

Необходимым условием становления политехнического образования, «знакомящего в теории и на практике со всеми главными отраслями производства» являлось знание местности, достигаемое в ходе уроков краеведения.⁷ Краеведение составляло часть внеклассной и общественно-полезной работы в школах всех типов, включая школы крестьянской молодежи и педагогические техникумы.⁸ Под руководством педагога учащиеся совершали экскурсии в музеи, на местные производства, «вылазки» на природу, в результате которых краеведческие принципы внедрялись в обучение.

В 1923 г. в Карелии было зарегистрировано 326 школ, к 1926 г. их количество увеличилось до 426, всем ученикам давались основы краеведческих знаний. Многие сельские школы автономной республики недостаточно финансировались, учителя и ученики испытывали нехватку учебной литературы, классы зачастую были непригодны к проведению занятий. Случалось и недопонимание важности образования со стороны родителей школьников, когда приоритет между занятостью ребенка в домашнем хозяйстве и школе устанавливался не в пользу последней.⁹ Сообщения, повествующие об «индифферентизме населения» к школе, выражавшемся, например, в отсутствии у крестьян желания «идти навстречу нуждам школы, подвезти дров...» в газетах и в документах НКП республики за первую половину 1920-х гг. не были редкостью.¹⁰

Учителя сельских школ, разбросанных по волостям (с 1927 г. районам) Карелии испытывали различные трудности бытового характера, постоянная «необеспеченность» и «дефицит» сопровождали их повседневную жизнь. Тем не менее, большинство педагогов, по свидетельствам документов тех лет, «с первых же шагов делали попытки провести в жизнь принципы трудовой школы».¹¹ Учителя, поддерживавшие политехническое образование отмечали, что трудовая школа станет «не сказкой, а явью» только при том условии, если «школа будет занимать центральное место в каждой деревне, если школа будет обеспечена всем, в чем ощущается потребность...».¹²

Надежды педагогов на развитие политехнической школы подкреплялись энтузиазмом учащихся, в среде которых отмечалось активное стремление к знаниям. По свидетельствам современников, школьники «не смотря на инертность руководителей и родителей» самостоятельно приносили из дому дрова для отопления класса.¹³ Учителя отмечали «колоссальный» интерес, имевшийся у школьников к краеведению. Так, один из успешных примеров внедрения краеведческих принципов в обучение привел педагог-краевед Г. Никитин, рассказавший, как при организации музея в Кандалакше на собрании школьной краеведческой ячейки «ребята объявили себя ударниками в деле организации музея и вызвали на соцсоревнование педагогов школы».¹⁴

Развитию краеведения в системе школьного образования способствовало внедрение образовательной программы Государственного ученого совета (далее – ГУС), проходившее поэтапно с 1923 по 1925 гг.¹⁵ Основ-

⁴ Ленин В. И. Задачи союзов молодежи // Полн. собр. соч. Т. 41. М., 1970. С. 303.

⁵ См.: НАРК. Ф. Р-2; Ф. Р-630.

⁶ Поляков Н. В. Очередные задачи Наркомпроса в области Соцвоса, Профобра и Политпросвета [: рукопись доклада, 1924 г.] // НА РК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 12/109. Л. 28–29.

⁷ Яхонтов А. А. Краеведение и школа // Вопросы краеведения. Нижний-Новгород, 1923. С. 35.

⁸ Тевель [без инициалов]. Школа для взрослых // Олонецкий кооператор. 1919. № 1. С. 13.

⁹ Альбова А. П. Краткий обзор библиотечной деятельности в Олонецкой губернии в 1917 г. // Известия Олонецкого губернского отдела народного образования. 1918. № 7–8. С. 81.

¹⁰ Странник [авторский псевдоним]. Помогайте школе, а не попам! // Красная Карелия. 1923. 24 февр. (№ 28). С. 4; Помогите школе / Д. В. [авторский псевдоним] // Красная Карелия. 1923. 16 марта. (№ 44). С. 3 и др.

¹¹ Анкеты участников республиканской конференции работников просвещения ... Л. 102.

¹² Там же. Л. 103.

¹³ Помогите школе / Д. В. [авторский псевдоним] // Карельская коммуна. 1923. 16 марта. (№ 44). С. 3.

¹⁴ Никитин Г. Задачи школьного краеведения в Карелии // НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 35. Д. 29. Л. 4.

¹⁵ Составители программы отказались от традиционного расположения материала по отдельным учебным предметам. Весь объем необходимых знаний преподносился в виде единого комплекса материалов о природе, труде и человеческом обществе. Программа ГУСа являлась комплексной. С ее помощью в школах раннего советского времени пытались устранить недостаток дореволюционной школы, заключавшийся, по мнению руководства страны, в разрыве между учебными предметами и практикой жизни.

ными принципами новой программы являлись комплексность, актуальность, практическая значимость образования, стремление «приблизить школу к жизни».

В первой половине 1920-х гг. в школах автономной республики занятия вели «дореволюционные кадры» со средним стажем работы не менее 10–15 лет, многие учителя проработали в школе по 25 и 30 лет «без перебоев».¹⁶ Большинство педагогов положительно относились к требованиям политехнической школы и были готовы участвовать в краеведческом изучении края. Для этого требовалась переподготовка, новые учебные и методические пособия и другие средства, с помощью которых можно было наладить обучение по новой программе. Начиная с 1923 г. в АКССР стали проводиться областные и уездные курсы и конференции по переподготовке учителей, в ходе которых работники НКП республики знакомили педагогов с новыми методиками, программами, учебной и краеведческой литературой.

Значимым для школьного краеведения событием стала республиканская конференция работников просвещения, организованная по инициативе отдела социалистического воспитания НКП АКССР, состоявшаяся в Петрозаводске с 1 по 11 сентября 1924 г.¹⁷ Работу конференции возглавил нарком просвещения АКССР А. А. Хохлов, в число почетных председателей вошли члены правительства Э. А. Гюллинг и И. А. Ярвисало, а также заведующий отделом соцвоспитания НКП республики Н. В. Поляков. Для участия в конференции прибыли делегаты от семи уездов Олонецкой губернии в составе 56 человек, к которым присоединились 45 вольнослушателей.

На повестку дня были вынесены актуальные проблемы, связанные с проведением в жизнь программы модернизации школ и образования в автономной республике, а также вопросы национальной политики. Участники конференции признали краеведение важнейшим дополнением к школьной программе. Представители карельского учительства, опираясь на идеи иностранных педагогов Песталоцци и Монтессори, пришли к выводу о необходимости применять в обучении детей «естественный метод», как можно больше наглядности, а также использовать экскурсии в качестве дополнения и углубления работы в классе.¹⁸ Педагоги получили возможность поучаствовать в ряде практических краеведческих занятий по темам «Лес» и «Наш город», предлагались также готовые опросники, с помощью которых можно было проводить краеведческие исследования с учениками.

Немаловажное значение уделялось и антирелигиозному воспитанию школьников. Здесь также были задействованы силы краеведов. Перед учителями выступил петрозаводский краевед М. А. Гудошников, представивший подборку атеистической литературы. Докладчик привел пример того, как следует опровергать учение церкви, ссылаясь на его «бездоказательность», «ненаучность», утверждая, что «Иисуса Христа не было, учение его создано позднее».¹⁹

Основной проблемой на пути внедрения новых образовательных принципов в жизнь стало недостаточное материальное обеспечение школ и учителей, выражавшееся в «очень миниатюрном жалованье», дефиците или отсутствии новой учебной и методической литературы, нехватке подготовленных кадров. Так, молодой учитель из Кемского уезда отмечал, что, несмотря на три пройденные им уездные конференции по переподготовке, а также чтение газет и «кое чего по политическим вопросам», «проведение программы ГУС'а сопряжено с большими трудностями, главным образом из-за недостатка краеведческого материала у самих учащихся».²⁰

В заключение конференции собравшимся было предложено заполнить «Анкету для участников конференции» (Приложение № 1). Сегодня, материалы этих анкет представляют собой ценный источник информации, позволяющий «увидеть» собирательную личность и реконструировать образ жизни карельских учителей 1920-х гг. Материалы анкет свидетельствуют о настроении, политических взглядах, общественных интересах педагогов, дают яркое представление об учительском быте и первоочередных проблемах школ тех лет.²¹

Анкеты, составленные для участников конференции, работниками НКП АКССР, содержали 32 вопроса, которые можно разделить на вопросы личные, общественно-политические и профессиональные, предусматривался также и отдельный раздел № 33 – «Общие выводы и пожелания». Очевидно, организаторы конференции добросовестно подошли к данному мероприятию, об этом свидетельствует продуманность и общая интеллигентная и доброжелательная стилистика вопросов. Необходимо отметить, например, наличие вопросов о том, являлась ли педагогическая деятельность призванием для опрошиваемых, а также об отношении учителей к проблемам трудовой школы и программе ГУС'а.

Для более подробного изучения нами были выбраны 10 анкет карельских педагогов в возрасте от 26 до 51 года, с педагогическим стажем от 7 до 30 лет. Необходимо выделить ряд характеристик полученных в ходе работы над материалами анкет:

1) для мужчин – наличие семьи, выходец из крестьянской среды, «атеист» или «не верующий в Бога» (часто с уточнениями, с какого именно года человек считает себя «неверующим», например с 1907 г.), сочувст-

¹⁶ Анкеты участников республиканской конференции работников просвещения ... Л. 192.

¹⁷ Материалы республиканской конференции работников просвещения : (протоколы, доклады, списки участников, анкеты учителей) // НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 12/109. ЛЛ. 101–141.

¹⁸ Материалы республиканской конференции работников просвещения ... Л. 51–52.

¹⁹ Там же. Л. 35.

²⁰ Там же. Л. 102.

²¹ Там же. ЛЛ. 102–103, 113, 116, 119, 136, 153, 192. [По материалам анкет участников конференции].

вующий большевиком, а до 1917 г. – народник, беспартийный, участник общественно-политической жизни, член кооперации, читает газеты «Правда», «Известия ВЦИК», «Красная Карелия», «расходы превышают доход».

2) для женщин – «разведенная» или «одинокая» (вероятная причина – социальное происхождение – «из духовных»), отношение к религии – «безразличное» (после 1917 г.), беспартийная, участница общественно-культурной жизни (организация праздников, театральные кружки, компания ликвидации безграмотности), участница сельскохозяйственных кооперативов, читает педагогические журналы «На путях к новой жизни», «Педагогические курсы на дому», методические пособия, книги Блонского, Покровского, Коваленко, Шапошникова, газеты «Красная Карелия», «Правда», часто упоминается издание Бухарина «Азбука коммунизма», малообеспеченная с «расходным бюджетом, превышающим доход» и «без дополнительных заработков».

Таким образом, 1920-е гг. характеризовались серьезной заинтересованностью центральной и местной власти в вопросе развития краеведения в школе, как предмета сопутствующего политехническому образованию, а также к кадрам педагогов, являвшихся непосредственными проводниками краеведения в школы. Общий профессиональный уровень карельских педагогов, получивших дореволюционное образование, был достаточно высоким. Большинство учителей считали свою работу призванием, старались активно участвовать в социальной жизни и самостоятельно повышать свой образовательный уровень. Яркой характеристикой карельского учительства тех лет являлась также очевидная необеспеченность, бедность педагогов и плохие условия быта.

Вплотить все принципы политехнической школы в реальность в короткие сроки не удалось, по причине того, что наркоматы народного просвещения сами не имели достаточных ресурсов по переподготовке учителей на новых принципах, особенно в методическом отношении. По этой причине «краеведческий вопрос» занимал в школах Карелии «крайне незначительное место».²² Не смотря на это, после трагических репрессий второй половины 1930-х гг. школы остались практически единственным местом, где поддерживалась традиция краеведческого движения.

Источники и литература

1. **Альбова А. П.** Краткий обзор библиотечной деятельности в Олонецкой губернии в 1917 г. // Известия Олонецкого губернского отдела народного образования. 1918. № 7–8. С. 81.
2. **Анциферов Н. П.** Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Быль и миф Петербурга. М., 1991. 84 с. [Впервые – в 1922, 1923, 1924 гг.].
3. **Верещагин А.** Народный учитель и краеведческий вопрос. НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 35. Д. 10. Л. 2.
4. **Ленин В. И.** Задачи союзов молодежи // Полн. собр. соч. Т. 41. М., 1970. С. 303.
5. **Материалы** республиканской конференции работников просвещения : (протоколы, доклады, списки участников, анкеты учителей) // НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 12/109. ЛЛ. 101–141.
6. **Никитин Г.** Задачи школьного краеведения в Карелии // НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 35. Д. 29. Л. 4.
7. **Поляков Н. В.** Очередные задачи Наркомпроса в области Соцвоса, Профобра и Политпросвета [: рукопись доклада, 1924 г.] // НА РК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 12/109. Л. 28–29.
8. **Странник** [авторский псевдоним]. Помогайте школе, а не попам! // Красная Карелия. 1923. 24 февр. (№ 28). С. 4.
9. **Помогите** школе / Д. В. [авторский псевдоним] // Красная Карелия. 1923. 16 марта. (№ 44). С. 3.
10. **Тевель** [без инициалов]. Школа для взрослых // Олонецкий кооператор. 1919. № 1. С. 13.
11. **Яхонтов А. А.** Краеведение и школа // Вопросы краеведения. Нижний-Новгород, 1923. С. 35.
12. **Бутвило А. И.** Новейшая история государственного управления в Карелии. 1917–2007 гг. Петрозаводск, 2008. С. 57.
13. **Шмидт С. О.** «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество. 1990. Вып. 1. С. 11–27.

²² Верещагин А. Народный учитель и краеведческий вопрос // НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 35. Д. 10. Л. 2.

**Анкета для участников республиканской конференции работников просвещения
(г. Петрозаводск, 1–11 сентября 1924 г.)**

- 1) Пол
- 2) Возраст
- 3) Семейное положение
- 4) Национальность
- 5) Социальное происхождение
- 6) Партийность
- 7) Образование общее и специальное
- 8) Кем делегирован
- 9) Занятия до революции 1917 г.
- 10) Общая продолжительность педагогической работы
- 11) Была ли педагогическая работа Вашим призванием
- 12) Принадлежность к партиям до 1917 г.
- 13) Отношение к религии до 1917 г. и теперь
- 14) Общественно-политическая и культурно-просветительная работа до 1917 г.
- 15) Ваше настроение в бурную революционную эпоху 1917–1918 гг.
- 16) Ваше отношение к проблеме трудовой школы в 1917–1918 гг.
- 17) Ваша работа общественно-политическая и культурно-просветительная с 1917 г. до настоящего времени
- 18) Знакомство с принципами трудовой школы
 - а) чтение новейшей педагогической литературы
 - б) прохождение курсов и конференций по переподготовке
 - в) кружковая работа и самоподготовка
- 19) Политическая подготовка
 - а) чтение книг политического характера и газет (перечислить главные)
 - б) курсы и конференции по политпереподготовке
 - в) кружковая работа и самоподготовка
- 20) Ваше участие в печатных органах / печатные труды, по каким вопросам пишете
- 21) Отношение к проблемам трудовой школы теперь
- 22) Отношение к программам ГУС'а, возможность их проведения в жизнь, тормозы к проведению
- 23) Ваш взгляд на значение Института Вол'уполномоченных для строительства просвещения в педагогическом и организационном отношении
- 24) Для успешной работы Вол'уполномоченных нужны ли им административные права
- 25) Ваше материальное положение: заработная плата, заработки, квартира, отопление, квартирные условия, расходный и приходный бюджет
- 26) Ваш взгляд на национальный вопрос в Карелии:
 - а) карелизация школ и успех ее
 - б) возможность создания письменности и культуры
 - в) национальное и экономическое положение карел
- Отношение к конференции
- 27) Удовлетворены ли постановкой административно-хозяйственной стороны курсов
- 28) В чем выразилась самоорганизация участников Конференции курсантов
- 29) Удовлетворены ли Конференцией со стороны:
 - а) содержания
 - б) форм и методов работы
- 30) Чего по Вашему мнению не доставало?
- 31) Считаете ли Вы цель, поставленную Конференцией достигнутой и почему
- 32) Можно ли вести работу другими методами и какими
- 33) Общие выводы и пожелания

Архивные документы XIX–XX вв. по Кемскому и Сорокскому уездам как историко-лексикологический источник

В Национальном архиве Республики Карелия (НА РК) хранятся памятники письменности, относящиеся к территории Карельского Поморья, которые интересны как историкам – краеведам в плане становления социально-экономических отношений на севере Карелии в XIX–XX вв., так и лингвистам, изучающим вопросы формирования норм языка, функциональных стилей, становления региональной лексической системы.

Данные юридические документы, отражающие состояние делового стиля того периода, содержат богатейший пласт лексики разного происхождения и в связи с этим могут рассматриваться как ценный историко-лексикологический источник.

Материалом настоящего исследования являются тексты документов: «Указы Кемской городской ратуши 1825 г.» (УКГР),¹ «Кемская городская ратуша. Протоколы за 1827 г.» (КГР-П.),² «Журналы Кемской городской ратуши 1827 г.» (ЖКГР),³ «Об открытии с 1 июля 1869 г. в селении Сороке Кемского уезда Таможенной Заставы» (ОСТЗ),⁴ «Об отдаче в оброчное содержание принадлежащих г. Кеми рыболовных заколов и заборов на реки Кеми на 1872 г.» (ОСЗ),⁵ «Торговый лист в Кемском Городском Общественном управлении по р. Кеми заколов и заборов на 1903 г.» (ТЛК),⁶ «Об учреждении в Сорокском порту – портового управления 1915 г.» (далее – СП-ПУ).⁷

Остановимся на содержании описываемых источников. В документах ОСЗ и ТЛК, имеющих подзаголовок «Кондиции», излагаются требования, обязанности, выполняющиеся арендаторами при взятии в оброчное содержание рыболовных заколов и заборов, для ловли семги и мелкой рыбы. Арендаторы обязаны ставить заклы и заборы на указанном пространстве один от другого и на дозволенной глубине. Никто не должен допускать никаких нарушений.

В документе ТЛК уделяется внимание лесопромышленникам, которые должны принять на себя обязательство отвечать за все убытки, за поломку заколов. Иногда возбуждались *пререкания*, что требовало заключения нового соглашения, в котором сказано: «...сплав леса производить Товариществу лесопильных заводов с 1 августа по левому северному фарватеру от запани до Сабе-Губы ... при чем переводка кашелей по этому фарватеру до остривка Калиниха должна производиться людьми, а не пароходом» (ТЛК).

Текст документа СП-ПУ содержит акт допроса. В нем фиксируются случаи нарушений порядка при осуществлении навигации. Например, отмечается бунт матросов из-за недостаточной платы:

«Когда Подковырин с урядником прибыли на корабль «Цирус», то оказалось, что матросы желают оставить судно, вследствие недостаточной платы. Подковырин разъяснил им, что они связаны договором, расторгнуть который не подлежит компетенции местных властей, что свою жалобу они могут принести портовому Управлению по прибытии в Архангельск, куда корабль имеет направить, а в данное время обязаны подчиниться распоряжению капитана» [СП-ПУ].

Не имея возможности представить анализ всей лексики документов, отметим лишь некоторые особенности. Активно используются слова иноязычного происхождения, зафиксированные в указанных документах: в определении значения и этимона используем данные словаря иностранных слов (СИС).

Морская терминология: **навигация** [лат. navigatio мореплавание] ‘период времени, когда по климатическим условиям возможно судоходство в данное море, реке и пр.’, **рейд** [гол. reed] ‘водное пространство вблизи берега, у входа в порт, удобное для якорной стоянки судов’, **фарватер** [гол. vaarwater] ‘путь для безопасного прохода судов, огражденный, как правило, сигнальными знаками (вехами, бакенами)’, **буксир** [гол. boegseren буксировать] ‘самоходное судно, предназначенное для тяги (буксировки) несамоходных судов, плотов и других плавающих сооружений’.

«Агафелов не только в текущую навигацию, но вообще никогда не обращался ни в заставу, ни к ним с заявлениями о том, что приходящие в Сорокский порт пароходы, портовые рабочие и судовые служащие не прищезиваются порядки прохода по каналу и сбивают буксирами опознательные знаки» [СП – ПУ].

«...когда он был на рейде для прописки каботажного парохода «М. Кази», тогда приехал на этом пароходом капитан русского корабля «Цирус» [СП – ПУ].

«При проводе порожних кошелей за пароходом правым фарватером за поломку заколов Товарищество не отвечает» [ТЛК].

¹ Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. 262. Оп. 1.

² НА РК. Ф. 262. Оп. 1.

³ НА РК. Ф. 262. Оп. 1.

⁴ НА РК. Ф. 277. Оп. 1.

⁵ НА РК. Ф. 250. Оп. 1.

⁶ НА РК. Ф. 250. Оп. 1.

⁷ НА РК. Ф. 773. Оп. 1.

Административная терминология: **ратуша** [польск. ratusz < нем. Rathaus < Rat совет + Haus дом] ‘орган городского самоуправления в некоторых странах Европы и России в XVIII – нач. XIX вв., а также здание городского самоуправления’, магистрат [лат. magistratus] ‘в России со времен Петра I городское управление, ведавшее судебными-административными делами и податными делами города’, **комиссия** [лат. commission поручение] ‘группа лиц, облеченных полномочиями для выполнения какого-либо специального поручения или имеющих целью предварительную разработку какого-либо вопроса’, **бургомистр** [нем. Bürgermeister] ‘в России со времен Петра I до 60-х гг. XIX в. – должностное лицо городского управления’.

«Получен 6 июля 1835 года Указ его Императорского Величества самодержца Всероссийского из Архангельского Губернского Правления, Кемской Городовой **ратуши**» [УКГР].

«Утвердить распискою что по неимуществу своему не имеют 25 рублей для взнесения в городской **магистрат** или **ратушу** тогда было его безденежно перенесения в губернский магистрат» [КГР-П].

«Последовало новое соглашение между Товариществом лесопильных заводов и г. Кемью в отношении поставки по реке Кеме заготов и сплава для их заводов лесу, которое выражено в составленном **комиссию**» [ТЛК].

Лексика, отражающая социально-экономические и деловые отношения: **контракт** [лат. contractus] ‘договор, соглашение, устанавливающие права и обязанности для обеих сторон и обусловленные сроками’, **аренда** [польск. agenda < ср.-лат. arrendare отдавать внаймы] ‘наем на срок имущества (земли, домов, помещений и т. п.) за определенную плату с правом пользования им’.

«Объявленная на торгах сумма подтверждению начальством должна быть внесена в два срока первая половина при заключении **контрактов**» [ОСЗ].

«На Верховских порогах и нижней реке заборы отдаются в **аренду**» [ОСЗ].

Отмечая достаточно широкий пласт новообразований XIX в., Л. Л. Кутина и Ю. С. Сорокин писали: «Открытость русского общества XIX в., многосторонние связи России с другими государствами мира определили сильный приток иноязычной лексики в русский язык» [Проект: 21].

В исследуемых документах активно используется терминология рыболовного промысла: *закол, забор, снасть, лов, рыбная ловля, семга, тинда, самоловные сети, выставка, себра, морские тони, полупала вода* и др.

Особо выделим слово **изба**, представленное в необычном употреблении:

«Запретить, местным крестьянам ставить в глубь заборы для ловли семги, если это окажется невозможным, то обязать их заборы эти после окончания лова убирать, а не оставлять в воде, как это практикуется ныне, потому что заборы эти засоряют **избу**, а осенью задерживают лед» [СП-ПУ].

В значении ‘снаряд для ловли рыбы’ слово **изба** известно в русском языке с первой четверти XVIII в.: «На том учюге в вечеру по избам рыбы Сам изволил смотреть, ничего не нашлось» ЖКФ 1722 66 [СлРЯ XVIII в, 9: 7]. Ср. также запись: «По утру пошелъ Его Величество на Уваринской своей **учугъ**... где только до половины **избъ** пересмотрелъ Его Величество и вынялъ своими руками 20-ть рыбъ белугъ, въ томъ числе 3 матерыхъ» Походн. журн. 1722 66 [Картотека СлРЯ XVIII в.].

В СРНГ, помимо других значений, дается лишь **изба** «румпель» Волж., 1852. [СРНГ, 12: 89]. По всей видимости, и приводимый «перевод» не вносит ясности в осмысление слова **изба**, так как **румпель** – морской термин (из гол. гоерпен), имеющий значение ‘рычаг для поворачивания (управления) руля’ [СИС: 571]. Родственное слово с иной огласовкой **ры’мпель** ‘мелкоячеистая сеть для невода’ – известно поморским говорам [ПГ.: 285]. Можно предположить, что лексема **изба** в СП-ПУ употреблена в значении ‘мелкоячеистая сеть для невода’. Становится понятным, почему **избу** можно засорить, не убирая осенью заборы и заборы. Такого рода сопоставление уточняет и семантику лексемы **изба**.

Анализ исследуемых документов, относящихся к территории Карельского Поморья, могут служить дополнением сведений о словарном составе языка XIX – нач. XX вв., уточнению семантики лексем, зафиксированных в СРНГ, их ареальной характеристики. Эти документы являются и ценнейшим лексикографическим и лингвистическим источником.

Литература

Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в. Языковые контакты и заимствования / отв. ред. Ю. С. Сорокин. Л.: Наука, 1972.

Проект – Словарь русского языка XIX века: проект. СПб.: Наука, 2002.

Указатель – Словарь русского языка XVIII в. Правила пользования словарем. Указатель источников. Л.: Наука, ЛО, 1984.

Картотека СлРЯ XVIII в. – Картотека Словаря русского языка XVIII в. (Хранится в ИЛИ РАН, СПб.).

ПГ – Мосеев И. И. Поморская говоря: крат. слов. помор. яз. – Архангельск, 2005.

СИС – Словарь иностранных слов / ред. И. В. Лехина, С. М. Локшина. М., 1964.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб., 1994–2005.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. Вып. 1–43. М.; Л.: СПб.: Наука, 1965–2010.

СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–18. М., 1975–2008.
СлРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–15. Л. ; СПб. : Наука, 1984–2007.

Список источников

ЖКГР – Журналы Кемской городской ратуши 1827 г. // НА РК. Ф. 262. Оп. 1.
КГР-П – Кемская городская ратуша. Протоколы за 1827 г. // НА РК. Ф. 262. Оп. 1.
ОСЗ – Об отдаче в оброчное содержание принадлежащих г. Кеми рыболовных заколов и заборов на реки Кеми на 1872 г. // НА РК. Ф. 250. Оп. 1.
ОСТЗ – Об открытии с 1 июля 1869 г. в селении Сороке Кемского уезда Таможенной Заставы // НА РК. Ф. 277. Оп. 1.
СП – ПУ – Об учреждении в Сорокском порту – портового управления 1915 г. // НА РК. Ф. 773. Оп. 1.
ТЛК – Торговый лист в Кемском Городском Общественном управлении по р. Кеми заколов и заборов на 1903 г. // НА РК. Ф. 250. Оп. 1.
УКГР – Указы Кемской городской ратуши 1825 г. // НА РК. Ф. 262. Оп. 1.

Дианова Е. В., доцент
Петрозаводского государственного университета

Красный цвет революции и кооперация

Красная Армия всех сильнее

В «Толковом словаре русского языка» В. И. Даля слово *красный* имеет много значений. Оно обозначает цвет и красоту – *красный* сарафан и *красна* девица, а также хорошее качество вещи – *красный* товар. В русской речи существуют устойчивые выражения: *красная* изба, *красный* угол, *красное* крыльцо, *красная* строка, *красный* зверь и *красная* рыба. В народном календаре есть особый день на Фоминой неделе *Красная* горка.¹ С первых революционных дней, с первых лет Советской власти слова *красный*, *красные* приобрели особый смысл. Они означали принадлежность к сторонникам Советской власти, к революционному лагерю и революционной деятельности, выражали интересы трудового народа и большевиков. Каждый понимает, что слова *красные* и *белые* означают принадлежность к двум враждебным силам, участвовавшим в Гражданской войне, поэтому слово *красный* оказалось тесно связано с РККА и РККФ, что означает Рабоче-крестьянская Красная Армия и Рабоче-крестьянский Красный Флот.

Офицер Красной Армии назывался *красный* командир (краском). Курсантов военного училища, перешедших на сторону Советской власти во время революционных событий 1917 г., называли *красными* юнкерами или *красными* курсантами. Бойцов Красной Армии называли *красными*, *красноармейцами*, *красными* воинами, *красными* кавалеристами и *красными* конниками. При вступлении в *Красную* армию новобранцы давали клятву воина – *красную* присягу, торжественное «сознательное обещание красного воина защищать интересы рабочих и крестьян всего мира». Присяга начиналась словами: «Я – сын трудового народа, гражданин Советской республики принимаю на себя звание воина Рабочей и Крестьянской Армии». Принимая присягу, красноармеец обещал: «Перед лицом трудящихся классов России и всего мира я обязуюсь носить это звание с честью». *Красные* воины клялись: «По первому зову рабоче-крестьянского правительства выступать на защиту Советской Республики от всяких опасностей и покушений со стороны всех ее врагов и в борьбе за РСФСР, за дело социализма и братства народов не щадить ни своих сил, ни самой жизни». Красноармеец должен был осознать, что «в трудовом союзе молота, серпа и *красной* винтовке – залог победы трудового народа над капиталом».² О *красных* бойцах народ слагал частушки, например:

Меткой пулей мы встречали
Золотопогонников.
И вдогонку им скакали
Ряды *красных* конников.

Из Карелии родной
Миллера прогнали.
Наши *красные* бойцы
Край наш отстояли.³

Военные парады и демонстрации трудящихся проводились в *красные* дни календаря 1 мая и 7 ноября. В 1920-е годы день 1 мая был не только праздником международной солидарности рабочих всего мира, но и днем *красной* присяги.

¹ Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М. : ЭКСМО, 2002. С. 347.

² Красная присяга. Режим доступа: <http://varjag-2007.livejournal.com/2000475.html>.

³ Русские частушки. М. : Эксмо, 2007. С. 209, 211.

События Гражданской войны освещались в местной периодической печати. Например, 2 марта 1920 г. газета «Олонецкая коммуна» опубликовала военную сводку: «Из Кеми навстречу *красным* бойцам спешит бронепоезд с *красными* повстанцами». В честь победы Красной Армии на Кавказском фронте, взятие Майкопа и Грозного газета «Звезда Пудожя» 31 марта 1920 г. напечатала приветствие «Слава *красным* орлам!». В апреле 1920 г. эта газета сообщила: «*Красными* кавказскими повстанцами занят город Дербент». За Советскую власть сражались *красные* следопыты и *красные* партизаны. В то же время гражданское население призывали: «Организируйте команды *красных* лыжников». А газеты печатали заметки о лыжном спорте, имевшем большое значение как отрасль военного дела: «Все партийные товарищи, все молодые граждане, умеющие ходить на лыжах, должны вступить в отряды *красных* лыжников. *Красная* молодежь, подготавливаясь к лыжному спорту». ⁴ В данном случае к *красной* молодежи относились комсомольцы, члены РКСМ.

Для оказания помощи Красной Армии регулярно проводили различные кампании по сбору теплых вещей, обмундирования, обуви и проч. С целью повышения активности к населению Петрозаводска и губернии обращались с пропагандистскими лозунгами: «Красный фронт, подкрепленный подарками, сможет отстоять свободу! Собирая подарки для Красной армии, дайте книг, граммофонов, с пластинками, бумагу, карандаши». По городу Петрозаводска и другим населенным пунктам для сбора вещей ездили *красные* повозки. ⁵

В Москве военное имущество находилось на складе Военного ведомства «*Красный* подарок». Оно предназначалось для снабжения увечных и раненых воинов, а также демобилизованных солдат. 21 марта 1921 г. вышло постановление СТО о передаче имущества с этого склада Московской потребительской коммуне и Народному комиссариату продовольствия (Наркомпроду) для немедленного распространения его между домами отдыха, детскими домами и санаториями. Передача военного имущества производилась на основании постановления СТО от 19 января 1921 г. о мерах по использованию военного имущества для хозяйственных и гражданских нужд Республики. ⁶

В годы Гражданской войны население привлекалось к бытовому обслуживанию красноармейцев. Для этого проводили дни и недели *красной* казармы. В январе 1921 г. проходил День *красной* казармы. Плакат «День *красной* казармы», выполненный В. В. Маяковским, оповещал: «Помни о Дне *красной* казармы! 1) Насыть красноармейца! 2) Просвети! 3) Обуй! 4) Одень!». ⁷ В феврале 1921 г. по решению СТО проводилась уже неделя *красной* казармы улучшение бытовых и жилищных условий красноармейцев: «Наши *красные* герои, с беззаветной отвагой дравшиеся на всех фронтах и грудью защищающие страну, заслужили наше заботливое к ним отношение». ⁸ Для красноармейцев был введен дополнительный паек «*Красная звезда*».

Рабоче-крестьянский Красный флот был окружен не меньшим вниманием, чем Красная армия. Весной 1920 г. в газете «Звезда Пудожя» была опубликована заметка «Слава Красному флоту»: «Кронштадтские моряки. За ними давно утвердилась слава самого надежного оплота нашей революции и Советской власти. Наш *красный* флот был грозой для блокирующих нас союзников. И где бы ни действовали *красные* моряки, там трепещите злодеи, покушающиеся на наше благополучие». ⁹ Однако спустя всего лишь один год весной 1921 г. мятежные моряки Кронштадта окажутся в лагере противников Советской власти.

Наряду с бытовым обслуживанием красноармейцев большое внимание уделялось культурно-просветительской работе и организации досуга молодежи. С этой целью проводились дни и недели коммунистической пропаганды. Так, в Пудожье в апреле 1920 г. в период проведения Недели пропаганды *красная* молодежь города собиралась в клубе имени Карла Маркса. Местная организация РКСМ для комсомольцев проводила вечера, на которых слушали речи т. Ленина и т. Троцкого с граммофонной пластинки и смотрели постановку пьесы «Под *красным* знаменем». Об этом 14 апреля 1920 г. сообщала газета «Звезда Пудожя», в которой было напечатано стихи, их автор местный поэт Александр Рабочий призывал: «Спешите же, дети рабочих, под *красное* знамя труда». ¹⁰

Героическая эпоха гражданской войны пробудила у многих людей поэтический талант. Среди них был поэт Владимир Александрович Луговской, который имел непосредственное отношение к Карелии. В своей автобиографии он так писал о себе: «Все мои родичи по отцовской линии всегда жили на севере, в Олонецком крае». В. А. Луговской родился 1 июля 1901 г. в семье учителя, он был «мальчиком из хорошей интеллигентной семьи». Как вспоминал сам В. А. Луговской, Октябрь 1917 г. «повернул и перевернул все мои мысли, заставил задыхнуться ветром времени»: «В 1918 г., досрочно окончив гимназию, уехал в Полевой контроль Западного фронта. Темные и голодные города Смоленщины, кипевшая вокруг борьба с кулацкими восстаниями, романтика революции, необыкновенный подъем, который я ощущал в те дни, незабываемы». ¹¹

В. А. Луговской был участником гражданской войны в Центральной России, но он не оставался в стороне от событий, которые происходили во всей стране. Так, в стихотворении «Береза Карелии» он сначала расска-

⁴ Звезда Пудожя. 1920. 18 янв. С. 4.

⁵ Олонецкая коммуна. 1920. 6 окт. С. 4.

⁶ Декреты Советской власти. М., 1986. Т. 12. № 91; Декреты Советской власти. М., 1989. Т. 13. С. 460.

⁷ Эвентов И. Маяковский – плакатист. Л.–М., 1940. С. 29.

⁸ Декреты Советской власти. Т. 12. С. 226.

⁹ Звезда Пудожя. 1920. 16 апр. С. 1.

¹⁰ Звезда Пудожя. 1920. 14 апр. С. 4.

¹¹ Луговской В. А. Автобиография // Луговской В. А. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 1. М., 1971. С. 399–400.

зывает о том, как началась гражданская война и иностранная военная интервенция в Карелии и на Русском Севере, а потом об организации борьбы с интервентами и белогвардейцами:

У крутого берега, С вечера причаливая, Плывши с моря Белого, Вышли англичане... Грудь – что надо! ¹²	Собираются с ружьями От Петрозаводска – Красные отряды, Форменки флотские,...
---	--

Молодежь оказалась более восприимчива к новым символам, к коммунистическим лозунгам, к всеобщему покраснению. Однако среди основной массы населения не было такого однозначного восприятия, что было подмечено писателем Б. Пастернаком в его романе «Доктор Живаго». Отношение к новым символам страны в сознании крестьянства передано словами солдатки Кубарихи, знахарки и ведуньи: «Или, опять, это ваше знамя красное. Ты что думаешь? Думаешь, это флак? Ан, вот видишь, совсем оно не флак, а это девки-моровухи манкой малиновый платок, манкой, говорю, а отчего манкой? Молодым ребятам платком махать, подмигивать, молодых ребят манить на убой, на смерть, насыпать мор. А вы поверили: флак, сходишь ко мне всех стран пролета и беднота!».¹³

Так в религиозном сознании темного крестьянства переплелись и перемешались кровавые события революции и братоубийственной гражданской войны. Только действием нечистой силы можно было объяснить эскалацию насилия, разгул невиданной жестокости и ненависти русских людей по отношению друг к другу. Крестьянское сознание отказывалось принимать рациональные доводы, объяснявшие сущность классовой борьбы, не соответствовавшие христианской морали и традиционному мировоззрению земледельца.

Красная ономастика Республики Советов

С 1917 г. слово *красный* стало связано с коммунистами, коммунистической идеологией. В советской наградной системе были учреждены ордена Боевого *Красного* Знамени и Трудового *Красного* Знамени, орден *Красной* звезды. *Красное* знамя было символом революционного движения и защитников Октября. Пионерский красный галстук считался частицей красного знамени. Пионеры наизусть учили стихотворение Степана Щипачева: «Как повяжешь галстук, береги его: он ведь с *красным* знаменем цвета одного». В 1921 г. был образован Институт *красной* профессуры, учебное заведение ЦК ВКП(б) для подготовки высших идеологических кадров партии и преподавателей общественных наук.

Слово *красный* в значении «*красивый*» традиционно использовалось в названиях населенных пунктов, к примеру, *Красное* Село, город *Красный*. После революции начиналось массовое изменение старых топонимов. За годы Советской власти многие населенные пункты получили идеологические названия со словом *красный*, что означало коммунистический, большевистский, советский. Так, 28 апреля 1920 г. было принято Постановление СТО о переименовании станции Провалье Екатеринбургской железной дороги: «В ознаменование памяти 400 красноармейцев, жертв контрреволюции, похороненных на станции Провалье, станцию переименовать в станцию *Красная* Могила».¹⁴ Екатеринбургская железная дорога, казённая железная дорога Российской империи, была построена в 1882–1904 годах. Дорога проходила по территориям Харьковской, Херсонской, Таврической, Екатеринославской губерний и территории войска Донского. Также в 1920 г. Криндачевка была переименована в г. *Красный* Луч. (Ворошиловградская области), а Херовка – в *Красную* Пристань. Интересно, отметить, что в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» у партизан был пароль «*Красная* Сибирь».

В кратком справочнике почтовой индексации, изданном в 1986 г., в СССР насчитывалось 136 *красных* географических названий, имевших не только историческое происхождение от слова *красивый*, но и идейный смысл. Наиболее распространенными были названия, производные от таких сочетаний, как: *Красная* Армия, *Красный* флот, *Красная* гвардия, *Красное* знамя, *Красный* Октябрь и т. п. В справочнике указано 10 топонимов, производных от сочетания *Красная* Армия, таких как, Красноармейск и *Красноармейский*, 7 топонимов, производных от сочетания *Красная* гвардия, 5 названий, производных от сочетания *Красное* Знамя, 4 топонимов *Краснооктябрьский* и 5 топонимов *Красный* Октябрь в разных областях и республиках СССР.

В советский период появились красные топонимы, которые включали в себя определенную профессию, например, *Красный* Стекловар (Марийская республика), *Красный* Текстильщик (Саратовская обл.), *Красный* Фарфорист (Новгородская обл.), *Красный* Ткач (Московская обл.), *Красные* Ткачи (Ярославская обл.). На карте нашей Родины имелись и другие интересные названия населенных пунктов: *Красные* Баррикады (Астраханская область), *Красные* Окны (Одесская область), *Красный* Базар (Азербайджанская ССР), *Красный* Богатырь (Владимирская область), *Красный* Гуляй (Ульяновская область), *Красный* Камень (Челябинская область), *Красный* Кут (Ворошиловградская область и Саратовская область), *Красный* Лиман (Донецкая область), *Красный* Луч

¹² Луговской В. А. Береза Карелии // Луговской В. А. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 1. М., 1971. С. 93.

¹³ Пастернак Б. Л. Доктор Живаго : роман. М. : Профиздат, 2006. С. 393.

¹⁴ Декреты Советской власти. М., 1976. Т. 8. С. 120.

(Ворошиловградская область и Псковская область), *Красный Маяк* (Владимирская область), *Красный Холм* (Калининская область) и т. д.¹⁵

В Карелии *красных* названий немного: поселок *Красная Горка* в пригороде Сортавала, поселок Красноборский в Медвежьегорском районе, деревня *Красная Речка* в Кондопожском районе. Можно упомянуть печально известный лесной массив *Красный Бор* в окрестностях Петрозаводска. Кстати, топоним *Красный Бор* – достаточно распространен. В Ленинградской области Подпорожском районе есть деревня *Красный Бор*. В 1920–1930-е гг. в Карелии были зафиксированы такие «названия-символы с идеологическим содержанием», как: «Красная новь», «Красный колонист».¹⁶ Переименованию подверглись и улицы. После Октябрьской революции улицы многих городов и сел стали *красными*. Так, в Петрозаводске части улиц Никольская и Малая Закамская получили название одной улицы *Красная*. Улица Ригачная стала называться *Красноармейская*.¹⁷ Позднее в Петрозаводске появилась и *Краснофлотская* улица.

После Октябрьской революции 1917 г. многие фабрики и заводы также получили *красные* названия. Фирма Эйнем, основанная в 1867 г., превратилась в Московскую кондитерскую фабрику «*Красный Октябрь*». Московский шелковый комбинат имени Розы Люксембург «*Красная Роза*» был создан на месте ткацкой фабрики, основанной в 1875 г.

Московская фабрика «*Красный богатырь*» по производству обуви была создана на базе фабрики, действовавшей с 1887 г. Бывший завод братьев Бромлей (1875 г.) стал известен как Московский станкостроительный завод «*Красный пролетарий*».

В Москве в 1864 г. было основано «Товарищества Брокер и К^о», в советский период оно было переименовано в парфюмерную фабрику «Новая Заря», прославившуюся духами «*Красная Москва*». Духи «*Красная Москва*» создали в 1913 году к 300-летию Дома Романовых как «Букет императрицы», а свое советское имя духи получили в 1925 г.

Основанный в 1801 г. Путиловский завод в 1922–1934 гг. назывался «*Красный путиловец*». Завод «*Красный треугольник*» – это бывшее «Товарищество российско-американской резиновой мануфактуры», основанное в 1860 г., а завод «*Красный выборжец*» – бывший завод Розенкранца, основанный в 1857 г.

Петроградский телефонный завод «*Красная Заря*» – это бывшая телефонная фабрика, основанная в 1897 году шведским предпринимателем Эриксоном. В то время фабрика выпускала телефонные аппараты и ручные коммутаторы.

Волгоградский металлургический завод «*Красный Октябрь*» был основан в 1897 г., а Ярославский комбинат технических тканей «*Красный Перекоп*» – в 1722 г., это бывшее Ярославская Большая мануфактура. Нижегородская машинная фабрика, действовавшая с 1849 г., была преобразована в Горьковский судостроительный завод «*Красное Сормово*».¹⁸

Повсеместно создавались *красные* организации физической культуры. В первые годы Советской власти очень популярной была идея создания «нового человека». Для достижения этой великой цели использовались все средства, в том числе физкультура и спорт, для чего нужны были стадионы. В 1920 г. председатель Спортинтерна Н. И. Подвойский предложил создать Всероссийский Красный стадион РСФСР. Он должен был сыграть большую роль в деле пропаганды «нового человека»; «выявить взлет революционного пафоса, преломленного в современном мироощущении». 10 октября 1920 г. в Москве участниками II Конгресса Коминтерна и делегатами III Всероссийского съезда РКСМ был заложен Красный стадион. В 1921 г. Всероссийский Красный стадион был переименован в Международный Красный стадион.¹⁹

Красным становилось буквально все, что находилось под контролем Советской власти. Это касалось транспорта: 3 марта 1921 г. было принято постановление СТО о пропуске из Оренбурга в Москву поезда «*Красный Восток*».²⁰ Потом появился поезд «*Красная стрела*». *Красные* цветы тоже несли идеологическую нагрузку. В 1927 г. в Большом театре был поставлен балет Р. М. Глиэра «*Красный мак*» («*Красный цветок*») на темы пролетарского интернационализма и дружбы с Китаем. Позднее композитор А. Островский и поэт Л. Ошанин сочинили песню о символе революции «*Красная гвоздика*».

Красная советская пресса

В годы Советской власти слово *красный* было широко распространено в названиях газет и журналов. В 1920-е гг. печатались центральные периодические издания «*Красная газета*» и «*Красный журнал*», а также «*Красные всходы*», «*Красная нива*», «*Красная новь*», «*Красная панорама*», «*Красный спорт*», «*Красное чудо*»

¹⁵ Краткий справочник почтовой индексации : в 3-х т. Т. 2. К–О–М. М. : Радио и связь, 1986. С. 23–28.

¹⁶ Приображенский, А. В. Ойконимия Карелии в советский период // Язык и культура : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию проф. Л. В. Савельевой. Петрозаводск : КГПУ, 2007. С. 198.

¹⁷ Республика Карелия. Административно-территориальное устройство. Петрозаводск, 1996. С. 64; Петрозаводск : 300 лет истории : док. и материалы : в 3 кн. Кн. 3. 1903–2003. Петрозаводск, 2003. С. 573.

¹⁸ Советский энциклопедический словарь. М. : Совет. энцикл., 1983. С. 644–647.

¹⁹ Художественная жизнь Советской России. 1917–1932 : сб. материалов и док. М., 2010. С. 133–134.

²⁰ Декреты Советской власти. Т. 13. С. 416.

и даже «Красный трактир». Военнослужащие читали газеты «Красная звезда» и «Красный кавалерист» (газета Первой конной армии С. М. Буденного), журналы «Красный офицер», «Красный флот» и «Красный командир». Журнал клуба Академии РККА назывался «Красные зори». Для учащейся молодежи издавался журнал «Красное студенчество». Деятели культуры и науки выписывали журналы «Красный библиотекарь» и «Красный архив». В 1920–1930-е гг. выходил журнал «Красная летопись» Ленинградского института истории ВКП(б).

В 1920-е гг. в центре и на местах на русском и национальных языках народов СССР издавались сатирические газеты и журналы, многие из них были *красные*: «Красный гарпун» (Ташкент); «Красный дьявол» (Петроград); «Красная колбочка» (Наманган); «Красная колокольня» (Петроград); «Красная звезда» (Киев), «Красное жало» (Одесса, Чебоксары и Харьков); «Красное решето» (Великий Устюг); «Красный колокол» (Великий Устюг); «Красные стрелы» (Казань); «Красный перец» (Москва), «Красный смех» (Астрахань, Одесса и Белгород); «Красная метла» (Кутаиси).

В названиях сатирических журналов тех лет часто использовались различные представители животного мира (птицы, звери, рыбы, насекомые), все они тоже были *красными*, например: «Красный ворон» (Петроград); «Красный слон» (Екатеринослав, ныне – Днепропетровск); «Красный ёрш» (Гдов); «Красный комар» (Ереван), «Красная оса» (Харьков); «Красный шмель» (журнал Западного фронта, 1920 г.).

В августе 1922 г. подписчики «Рабочей газеты» получили первый номер «Крокодила», в котором это пресмыкающееся изображено *красного* цвета. В первом номере было опубликовано программное стихотворение Демьяна Бедного «Красный Крокодил – смелый из смелых! – против крокодилов черных и белых». От имени всей «краснокрокодильской компании» Демьян Бедный заявил:

Решили мы, что пришло время,
Для очистки нэповского Нила,
Выпустить *Красного* Крокодила.
Красному крокодилу честь и хвала!
Ему предстоят большие дела:
Добираться до всякой гнилости
И ворошить гниль без всякой милости,
Чтоб нэповская муть не цвела
И не гнила.
Вот какова задача *Красного* крокодила!²¹

Первым редактором сатирического журнала «Крокодил» был Константин Степанович Еремеев, детство которого прошло в Петрозаводске. Олонецкий край был родиной К. С. Еремеева. Его отец происходил из приписанных крестьян Кончезерского чугуноплавильного завода, проживавших в селе Вороново Кондопожской волости. К. С. Еремеев был заядлым курильщиком, поэтому эмблему самого известного сатирического журнала «Крокодил» – крокодила – изображали в клубах табачного дыма и с увесистой трубкой в зубах. Всем читателям понятны были и красный цвет этого животного, и гигантские вилы в лапах – в журнале была рубрика «Вилы в бок», обличавшая бюрократов, взяточников, пьяниц, казнокрадов и растратчиков.²²

Слово *красный* было активно задействовано бойцами сатирического фронта для обличения пороков «сладкой жизни». Так, в 1922 г. в журнале «Крокодил» было напечатано небольшое стихотворение о решительной борьбе с нэпом.

Нам не страшна слякоть склепа,
Пьянка, спячка и картеж.
Смело всадим в рыло нэпа
Смеха острый *красный* нож.²³

В советский период на Европейском Севере также печатались газеты и журналы, в названиях которых было слово *красный*. В 1921 г. в Петрозаводске издавалась газета «Красная молодежь», орган Олонецкого губернского комитета РКСМ. Литературное приложение к газете «Карельская коммуна» называлось «Красный клич». В 1923–1940 гг. республиканская газета выходила под названием «Красная Карелия». Кроме того, издавались такие районные газеты, как: «Красный Пудож» (1931–1945 гг.), «Красная Тунгуда» (1934–1941 гг.), «Красное Шелтозеро» (1932–1941 гг.). В 1920–1930-е гг. в Карелии на финском языке печатались газеты и журналы «Punainen Uhtua» («Красная Ухта»), «Puna ari» («Красная помощь»), «Puna kantele» («Красное кантеле»). В 1950-е гг. стал выходить детский журнал «Punalիրри» («Красное знамя»).

В 1920–1930-е гг. в Архангельской области выходили газеты: «Красная Вага», «Красная весть» (Архангельск), «Красная молодежь» (Шенкурск), «Красная кузница», «Красная Онега», «Красное знамя», «Красный набат», «Красный Октябрь», «Красный Северный флот» и «Красный ударник». Также издавались журналы

²¹ Стыкилин С. И., Кременская И. К. Советская сатирическая печать. 1917–1963. М., 1963. С. 371.

²² Кремлев И. Трубка Крокодила : докум. повесть о К. С. Еремееве. М., 1965. С. 3.

²³ Цит. по: Орлов И. Б., Пахомов С. А. «Ряженные капиталисты» на нэповском празднике жизни. М., 2007. С. 58.

«Красное Поморье» (1920 г.) и «Красный полюс» (1921 г.) и «Красный утес» (1923 г.). В Вологде появилась газета «Красный Север».

Массовое покраснение обычных предметов повседневной жизни не ушло от внимания писателей. Они своим острым пером подчеркивали неуместность многих *красных* определений, так часто встречавшихся в первые годы Советской власти. Так, в пьесе В. В. Маяковского «Клоп» представлены героини новой советской эпохи, нэпманы и бывшие пролетарии, попавшие в крепкие сети обывательского быта. Тем не менее, они как бывшие революционеры любят все *красное*, например, *красную* ветчину, бутылки с *красными* головками и «*красные-красные губки*». В первой картине пьесы речь идет о подготовке к свадебному торжеству. При этом жених Пьер Скрипкин, бывший рабочий, бывший партиец, заявляет: «В нашей *красной* семье не должно быть никакого мещанского быта». А посему он требует, «чтобы была *красная* свадьба и никаких богов!» Шафер Олег Баян обещает ему устроить «*красное* трудовое бракосочетание» и «классовое, возвышенное, изящное и упоительное торжество» в рамках «дозволенного марксистам воображения». Замысел этого мероприятия заключался в том, что «невеста выходит из кареты – *красная* невеста, вся *красная*, – упарилась, значит; ее выводит *красный* посаженный отец, бухгалтер Ерыкалов, – он как раз мужчина тучный, *красный*, апоплексический, – вводят это вас (жениха) *красные* шафера, весь стол в *красной* ветчине и бутылки с *красными* головками». Во время торжества «*красные* гости кричат «горько-горько», и тут *красная* (уже супруга) протягивает вам *красные-красные губки*».²⁴

Для такого случая Баян сочинил песенку, где были такие слова:

Съезжались к загсу трамвай –
Там красная свадьба была...
Жених был во всей прозодежде,
Из блузы торчал профбилет!²⁵

В пьесе М. А. Булгакова «Адам и Ева» действует молодой, подающий надежды литератор Павел Пончик-Непобеда, «малый с блестящими глазками, в роговых очках, штанах до колен и клетчатых чулках». Этот писатель-конъюнктурщик Пончик-Непобеда всецело поглощен собой и своим «крепким» романом «Красные зеленя», который начинается типичным для того времени литературным пассажем: «... Там, где некогда тощую землю бороздили землистые лица крестьян князя Барятинского, ныне показались свежие щечки колхозниц».²⁶ Мало кто замечал, что идеологически выдержанное название романа «Красные зеленя» лишь подчеркивало абсурд происходящего. Зеленя – это молодые зеленые всходы хлебов, преимущественно озими, но в советских романах о колхозном строе они обязательно должны были быть политически верного *красного* цвета.

Красная кооперация и красные купцы СССР

Однако на фоне повального увлечения красным своей бесцветностью выделялась кооперация. Какого цвета была кооперация? Могла ли она считаться *красной*, советской?

Известно, что после октябрьского переворота отношения между Советской властью и кооператорами были довольно напряженными. Кооперация со своей самостоятельностью и независимостью, которые она получила в результате Февральской революции 1917 г., была опасна и враждебна для большевиков, и нередко воспринималась как враг советской власти. Декреты Советской власти ограничивали самостоятельность кооперативных организаций, в 1918 г. потребительская кооперация подвергалась различным реорганизациям и была подчинена Наркомпроду, став его техническим придатком. В 1920 г. сельскохозяйственная, кредитная и кустарно-промышленная кооперация потеряла свою самостоятельность и вошла в систему Центросоюза под началом Наркомпрода.

В годы гражданской войны и политики «военного коммунизма» в 1918–1920-е гг. многие кооператоры выступали против декретов ВЦИК и СНК, направленных на свертывание кооперативного движения, а посему даже с переходом к нэпу партийные деятели видели в кооперации «место объединения элементов, политически враждебных Советской власти». Некоторые большевики смотрели на кооперацию как на «идейное убожество». В 1921 г. В. И. Ленин говорил: «Кооперация, выделяя элементы более хозяйственные, более высокие в экономическом отношении, тем самым выделяла меньшевиков и эсеров. Это химический закон, – тут ничего не поделаешь!».²⁷ Поэтому сразу после окончания гражданской войны кооперация еще не могла считаться *красной*, советской.

Переход к нэпу потребовал пересмотра партийной линии и советского законодательства в отношении кооперации. Признав, что кооперация, находившаяся «в состоянии чрезмерного задушения», все-таки стала нужна при местном хозяйственном обороте, уже в 1921 г. Советская власть пересмотрела кооперативное законода-

²⁴ Маяковский В. В. Клоп // Маяковский В. В. Сочинения : в 2 т. Т. 2. М., 1988. С. 552, 553.

²⁵ Там же. С. 562.

²⁶ Булгаков М. А. Адам и Ева // Булгаков М. А. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 3. Пьесы. М., 1990. С. 332, 337.

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 60–61.

тельство в сторону «известного расширения» свободы и прав кооперации. Кооперация стала участвовать в восстановлении разрушенного народного хозяйства. С этого времени началось постепенное «покраснение» советской кооперации.

В 1923 г. в статье «О кооперации» В. И. Ленин неожиданно для всех высоко оценил кооперативные товарищества. Оказывается, «при условии максимального кооперирования населения само собой достигает цели тот социализм, который ранее вызывал законные насмешки, улыбку, пренебрежительное отношение к себе со стороны людей, справедливо убежденных в необходимости классовой борьбы». В. И. Ленин вынужден был признать, что «на кооперацию у нас смотрят пренебрежительно», да и «прежде третировали, как торгашескую», не понимая ее исключительного значения. И далее он сделал известный вывод: «Кооперация в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом».²⁸

Статья Ленина провела «определенный рубеж взглядам нашей партии на кооперацию». Указывая на новаторский характер статьи В. И. Ленина, В. В. Куйбышев подчеркивал, что в ней поставлен вопрос о кооперации не как о смычке между пролетариатом и крестьянством, а как «о могучем тактическом средстве к достижению конечных наших целей, к достижению социализма, к построению социализма». Для всех коммунистов отныне становится важным то, что «кооперация есть средство перестройки нашего общества на новых началах, переустройства нашего общества в общество социалистическое».²⁹

С переходом к нэпу кооперация стала рассматриваться как важное средство восстановления сельского хозяйства, организации товарообмена между городом и деревней. В период новой экономической политики кооперации отводилась роль в организации обмена, торговой смычки между городом и деревней. Она должна была обеспечить воздействие пролетарского государства на мелкотоварное хозяйство и подготовить переход крестьянства на путь социализма. В сознание населения внедрялось представление о том, что «кооперация есть способ, которым трудящиеся могут улучшить свою жизнь и избежать угнетения со стороны рыночных посредников и ростовщиков».³⁰

Наряду с восстановлением кооперации шло развитие торговли, в системе товарно-денежных отношений нэпа выделялись три сектора: государственный, кооперативный и частный. Нэпманы и частные торговцы получили название *красных* купцов, или краскупов. Получив свободу предпринимательства, краскупы использовали ее для своего бизнеса. Как сообщалось в госинформационных сводках ОГПУ Карельскому обкому РКП(б) за 1923 г., в Петрозаводске «вольная торговля развивается быстро и успешно. Рынки изобилуют товарами. Торговцы заинтересованы большой наживой». В другой сводке говорится: «На вольном рынке полно товаров. *Красные* купцы увлеклись наживой, с большой охотой повышают цены. У населения отсутствие денег, чувствуется маленький застой на рынке товаров, благодаря чему краскупы (*красные* купцы) начинают прибегать к конкуренции между собой путем понижения цен, дабы дать ход имеющимся у него товарам. Например, французская булка стоила 10 копеек, один краскуп пустил по 8 копеек золотом, то же были вынуждены сделать и другие краскупы, в результате булка стала стоить 8 копеек».³¹

Большевики стремились подчинить своему контролю кооперативные организации. В городах под контроль большевиков попала, прежде всего, рабочая кооперация, объединявшая рабочих крупных промышленных предприятий. В рабочих кооперативах коммунистам удалось взять под контроль, обеспечить преобладание в руководящих органах. Кооперация постепенно «краснела».

В Петрограде на заводах и фабриках создавались потребительские кооперативы, которые в стремлении подчеркнуть свою социально-классовую сущность носили названия *красных*, например, «*Красный Борец*», «*Красный текстильщик*», «*Красный деревообделочник*», «*Красный Октябрь*», «*Красный Путиловец*», «*Красный химик*» и др. Один кооператив мог объединять работников разных предприятий. Так, кооператив «*Красный текстильщик*» объединял рабочих и служащих фабрик «*Красный маяк*», «*Красная нить*», «*Красный Прядильщик*», «*Правда*», «*Работница*» и др. Для обслуживания рабочих был открыт кооперативный магазин «*Красный пролетарий*».

В период появились кооперативные организации инвалидов гражданской войны, и они тоже были *красными*. Так, в Карелии была Шелтозерская артель «*Красный инвалид*». Такие производственные инвалидные артели работали во всей стране. Например, в это же время в Омске работала конфетная и карамельная фабрика «*Красный инвалид*» (Омское объединение инвалидов).

В 1920-е гг. выходила газета «*Красная кооперация*», которая широко использовалась для кооперативной пропаганды в культурно-просветительской работе. В 1924 г. потребительские общества и среди сельского населения распространяли журнал «Кооперативное дело» и газету «*Красная кооперация*». Например, Шокшинское потребительское общество выписывало журналы «Кооперативное дело», «*Красная деревня*» и «Союз потребителей». Особенно активно распространялись газеты во время празднования Международного дня кооперации. В 1924 г. в этот день в Кондопоге была организована поездка на моторных лодках с оркестром. Среди участни-

²⁸ Там же. Т. 45. С. 369–370.

²⁹ Куйбышев В. В. Ленин и кооперация // Куйбышев В. В. Избранные произведения : в 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 222.

³⁰ Пожелания крестьянской кооперации Архангельской губернии на 1923 год. Архангельск, 1923. С. 8.

³¹ Национальный архив Республики Карелия (далее – НАРК). Ф. П-3. Оп. 1. Д. 266. Л. 44.

ков праздника было распространено 750 экземпляров газеты «Красная кооперация», 1500 – «Красная Карелия», 300 листовок, 86 плакатов, 82 книги и 752 лозунга.³²

В середине 1920-х гг. с признанием кооперации «столбовой дорогой к социализму» произошло окончательное ее «покраснение». Однако в архивных документах 1920-х годов выражение «красная кооперация» встречается редко. Так, например, в сообщении от 4 июля 1926 г. о праздновании Международного дня кооперации можно прочитать: «Мы, пайщики Лапинского потребительского общества, в количестве 42 человек выражаем сочувствие нашим зарубежным братьям, находящимся во власти капитала, и дадим слово всеми силами поддерживать нашу красную кооперацию».³³

Волна массовых переименований и присвоение новых советских идеологически выдержанных названий затрагивает и кооперативные организации. Крестьяне объединялись в различные сельскохозяйственные, кредитные и кустарно-промысловые товарищества и артели, которые нередко имели одинаковые названия, например, мелиоративное товарищество «Красный пахарь» в Сегозерской волости в Паданском уезде и Тулоксинское сельскохозяйственное товарищество «Красный пахарь» в Олонецком уезде. Причем это название подчеркивало одновременно и социальную принадлежность, политическую позицию и род занятий кооперированного населения. Такой же смысл имело название рыболовецких артелей «Красный рыбак». Шелтозерская рыбацкая артель и Корбовская рыбопромысловая артель в Кижской волости носили название «Красный рыбак». В Кемском уезде действовала рыболовная артель «Красный помор». В городе Кемь был рабочий кооператив «Красная Карелия».

Также слово *красный* использовалось в названиях кустарно-промысловых артелей. В Вологодской губернии работали артель узорного ткачества «Красный ткач» и артель «Красный шекснинец», преобразованная в одноименный колхоз. В названиях сельскохозяйственных кооперативов некоторые ландшафтные топонимы приобрели политизированный *красный* цвет. Например, в 1920-е гг. в поселке имени т. Гюллинга была образована артель «Красная Поляна», а Римское мелиоративное товарищество называлось «Красная сельга». В Пудожском уезде действовало машинное товарищество «Красная звезда», объединявшее крестьян деревни Воробьево и Авдеево.

Известный французский экономист, деятель Международного кооперативного альянса Шарль Жид, посетивший Советский Союз в 1923 г., определил отличие российской кооперации от западной: она стала *красной*. Эпитет «красная» стал означать советская. Отсюда следует, что кооперация СССР противопоставлялась кооперации всех других стран. Советская кооперация была *своей* в системе товарно-денежных отношений нэповской экономики 1920-х гг., но она была *чужой* в мировом кооперативном движении, так как она не соответствовала основным кооперативным принципам. Устав МКА гласил: «Альянс не занимается ни политикой, ни религией... Кооперация не должна служить инструментом какой-либо партии».³⁴

Кооперация должна была объединять людей независимо от их политических взглядов, партийной принадлежности и социального положения. Кооперативное движение во всем мире развивалось по пути все более полного использования товарно-денежных отношений для обеспечения высокого уровня жизни своих членов. Советская же кооперация «топтала в путях неприятия рынка». Считалось, что для советской кооперации важны кооперирование, максимальный охват населения. Борцы с чужими уклонами в советской кооперации старались изжить увлечение коммерческим оборотом и широким ассортиментом товаров, организацией хороших магазинов. Поэтому вопрос «Совпадают ли коммерческие достижения с интересом кооперации вообще, а тем более нашей советской *красной* кооперации?» для советских руководителей 1920-х годов не вызывал особых затруднений. Ответ был один: «Надо сказать, что не совпадают».³⁵

От красной кооперации – к красным колхозам

Советская, т. е. *красная* кооперация стала выступать как форма объединения и вовлечения трудящихся в социалистическое строительство. В конце 1920-х гг. кооперирование крестьянства и создание коллективных хозяйств означало социалистическое преобразование сельского хозяйства. В период коллективизации сельского хозяйства по всей стране стали организовывать колхозы. В названиях совхозов и колхозов широко использовалось слово *красный*, например, «Красная борозда», «Красный дозор», «Красный земледелец», «Красный колос», «Красный кут», «Красный луч», «Красный трактор» и др.

Карельский краевед А. И. Мошин в своей книге «Очарование Заонежьем» описал весьма интересный опыт поиска названия молодому колхозу. На Клименецком острове Кижской волости в деревне Воробьи «на собраниях под влиянием наступательной агитации большинство жителей деревни вступили в колхоз. Но разгорелся горячий спор о том, какое наименование дать колхозу. Хотелось, чтобы в названии колхоза отразилась и советская символика (*красное* знамя), и название деревни Воробьи. Предлагали колхоз назвать «Красная деревня»,

³² НАРК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 488. Л. 1, 14, 49.

³³ НАРК. Ф. 509. Оп. 17. Д. 7/81. Л. 109.

³⁴ Кооперация. Теория, история, практика : избр. изречения, факты, материалы, коммент. / автор-сост. К. И. Вахитов. М., 2004. С. 292.

³⁵ НАРК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 628. Л. 169.

«Красный пахарь», «Красная борозда» и т. д., но ни одно из названий не удовлетворяло деревенских. И тут встал крестьянин Маньшин: «Давайте назовем наш колхоз «Красный воробей!»». Это название всем пришлось по душе. Так появился в Заонежском районе колхоз «Красный воробей». Незадолго до войны название колхоза исчезло. При объединении мелких колхозов его объединили с колхозом имени Калинина и объединенный колхоз стал носить имя всесоюзного старосты.³⁶

В Заонежском районе Карелии, как и повсюду колхозы были созданы в каждой деревне. И. А. Костин и А. И. Мошин в своей книжке «Колхозы Заонежья» отмечают, что «слово «красный» в названиях колхозов занимало почетное место», например, «Красная заря», «Красный берег», «Красный боец», «Красный ботвинец», «Красный Октябрь», «Красный пахарь», «Красный Север», «Красная сельга», «Красный шуньжанин» и др.³⁷

Массовое использование *красного* цвета в названиях колхозов тоже не обошлось без внимания со стороны частушечников из народа. Правда, в таких частушках самые распространенные, в том числе и красные, названия колхозов обыгрывались в сатирических тонах:

А в колхозе «Красный лапоть»
Очень дружный коллектив:
Даже «Барыню» играют
На кладбищенский мотив.

Хорошо у нас в колхозе
Под названьем «Светлый путь»:
Одеваемся в отрепья,
Ноги не во что обушь.³⁸

Жизнь колхозного крестьянства, коллективный труд, использование на полях новой техники нашли отражение в устном народном творчестве, и в нем часто встречается слово *красный* как символ советской страны:

Ой, споем, моя подруга,
О колхозе «Красный май».
Он собрал во всей округе
Самый лучший урожай.

Я комбайном рожь косила,
А теперь овес кошу.
Красный орден получила,
На груди его ношу.³⁹

Колхозники сдавали хлеб и прочую сельскохозяйственную продукцию в качестве обязательных поставок государству. В качестве пропаганды колхозного строя ввели так называемые *красные* обозы – обозы, организуемые крестьянами для сдачи хлеба по твердым ценам на государственные ссыпные пункты. В годы советской власти автомашины и телеги с первым хлебом принято было украшать *красными* флагами и транспарантами. Это явление не замедлило появиться в частушках, но колхозники пели не только о выполнении обязательств по хлебозаготовкам перед государством, но и последствиях сдачи хлеба «под метелку»:

Наша речка у обрыва
Заросла березами.
Государству хлеб сдаем
Красными обозами.⁴⁰

Государству хлеб сдаем
Красными обозами,
Сами будем хлеб мы печь
С мякиной, с занозами.⁴¹

Сельских девушек и женщин призывали активно участвовать в коллективизации. Отсюда появился такой лозунг: «Крестьянка! Коллективизируй деревню! Вступай в ряды *красных* трактористок!». Девчата на деревенских посиделках сразу же сочинили частушку:

Купи, маменька, на платье,
Постарайся кумачу.
Я на курсы поступаю,
Трактористкой быть хочу.⁴²

В 1930-е годы по-иному стала выглядеть повседневная и праздничная одежда сельских жителей, в частности, использование нарядов красного цвета. Традиционно *красный* цвет в народной одежде воспринимался как праздничный. *Красная* рубашка, *красный* сарафан, *красный* платок – все это детали праздничного крестьянского костюма. После революции *красный* цвет в одежде стал означать принадлежность к сторонникам советской власти, строителям нового советского общества. *Красная* косынка была обязательным головным убором ком-

³⁶ Мошин А. И. Очарование Заонежьем : истор. зам. о Заонежье. Петрозаводск, 2007. С. 245–246.

³⁷ Земля Заонежья. Вып. 12. Колхозы Заонежья / под ред. Костина И. А., Мошина А. И. Петрозаводск, 2004. С. 4.

³⁸ Заветные частушки из собрания А. Д. Волкова : в 2 т. Т. 2. Политические частушки / сост. А. В. Кулагина. М., 1999. С. 40, 44.

³⁹ Частушки Воронежской области. Воронеж, 1953. С. 62; Русские частушки. М., 1956. С. 307.

⁴⁰ Русские частушки. М., 1956. С. 299.

⁴¹ Заветные частушки из собрания А. Д. Волкова : в 2 т. Т. 2. Политические частушки. С. 43.

⁴² Частушка / предисл. В. Ф. Бокова. М.-Л. : Советский писатель, 1966. С. 319, 355.

сомолки, работницы-активистки и крестьянки-колхозницы. *Красная* кофта, *красное* платье олицетворялись с новой жизнью и светлым будущим.

Купи, мама, мне на кофту,
Постарайся кумачу.
С комсомольцем гулять буду.
С богатеем не хочу.

Я надену *красно* платье
И пойду на сенокос.
Все равно единоличники
Запишутся в колхоз.⁴³

Коллективизация внесла изменения в уклад жизни, быт сельских жителей. В колхозах изменилась не только организация труда, но и проведение досуга. Теперь проводились *красные* гулянки, *красные* посиделки и даже *красные* свадьбы, а местом народных собраний и молодежных вечеринок был сельский клуб и *красный* уголок избы-читальни, помещение для политической и культурно-просветительной работы. Для малых народов Севера создавались такие опорные пункты культурно-просветительской работы, как: *красный* чум и *красная* яранга, а для жителей Казахстана и Средней Азии – *красная* чайхана и *красная* юрта. В русских деревнях сочиняли частушки о *красных* уголках:

Эх, товарочка моя,
Пойдем на собрание,
Зайдем в *красный* уголок
К Васе на свидание.

Мы пошли с веселой песней
В новый *красный* уголок,
Все запело, заиграло –
Стены, пол и потолок.⁴⁴

Несмотря на то, что кооперирование выступало как форма объединения и вовлечения крестьянства в коллективизацию сельского хозяйства, в колхозно-совхозной системе не нашлось места настоящей кооперации. В стране формально существовала колхозно-кооперативная собственность, но в действительности советские колхозы не имели ничего общего с кооперативными товариществами. Потребительские общества на селе (сельпо), районные союзы потребительских обществ выполняли функции раздаточных контор, способствовали проведению сплошной коллективизации, а затем изъятия сельхозпродукции у колхозников в порядке государственных заготовок. *Красная* кооперация вписалась в командно-административную систему советского общества, а ее подлинное назначение и социальная сущность были забыты на несколько десятилетий.

*Титов С. М., зав. отделом,
Карельский государственный краеведческий музей*

Командиры и комиссары Онежской флотилии (1918–1920 гг.)

В декабре 1919 г. в Петрозаводске побывал командующий Морскими Силами Советской Республики Е. А. Беренс. Целью визита было проведение инспекторской проверки на кораблях, в портах и базах Онежской озерно-речной флотилии. Флотилия, только что успешно завершившая кампанию 1919 г., находилась на зимовке и готовилась к новой военной навигации. Ознакомившись с положением дел, командир остался доволен увиденным и, отметив огромный объем выполненной моряками боевой и организационной работы, подчеркнул, что «работа эта была возможна лишь при наличии сознательного отношения всех товарищей моряков флотилии к своим обязанностям, при взаимном доверии и спайке».¹

Слова эти примечательны тем, что среди моряков Онегофлота (или Онфлота, как для краткости называли тогда Онежскую озерно-речную флотилию) были выходцы практически из всех сословий и классов России: от крестьян и пролетариев до потомственных дворян – сыновей высоких чиновников и адмиралов. В императорском флоте одни из них были матросами, другие – офицерами и отношение их к Октябрьской революции и власти большевиков было разным. Разным оно было изначально, а последовавшие затем события, разворачивавшиеся на фоне революционных перемен, ожесточенной гражданской войны и открыто декларируемого недоверия между людьми, и вовсе должны были развести их по разные стороны баррикад. Однако этого не произошло и, как отмечалось в одном из ранних советских изданий по истории гражданской войны, уже самим своим появлением Онежская флотилия была обязана усилиям «одинок старое офицерства – с одной стороны, и кучки моряков Балтийского флота – с другой».²

⁴³ Частушки / сост. Л. А. Астафьева. М., 1987. С. 162–163.

⁴⁴ Частушки Воронежской области. Воронеж, 1953. С. 67, 68.

¹ Морозов К. А. Онежская флотилия в годы гражданской войны и иностранной интервенции (1918–1920). Петрозаводск, 1961. С. 111.

² Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Т. II (Северо-запад). Ч. 2. Озерные и речные флотилии. Л., 1926. С. 39.

Позднее, правда, обо всем этом постарались забыть. В 1927 г. в журнале «Морской сборник» была опубликована статья, автор которой, скрывшийся за псевдонимом Онежский, анализируя состояние партийно-политической работы в Онежской флотилии, заключил, что долгое время «одним из больных вопросов... являлось отношение массы моряков к командному составу».³ Приведя несколько, как выяснилось буквально сразу, весьма сомнительных примеров,⁴ он сделал вывод, что изначально «к бывшим офицерам рядовые моряки не питали особого доверия» и только после создания во флотилии политотделения конфликты исчезли, и «между командно-политическим составом и рядовыми матросами установились хорошие, обеспечивавшие дружную работу взаимоотношения». Нетрудно понять, на что была нацелена эта публикация, однако похоже, что эффект получился обратный, и внимательный читатель мог легко догадаться, что с партийными делами, равно как и с комиссарским составом в Онежской флотилии дела обстояли неладно.

В последующем эту тему уже старались не трогать, а после 1937 г. и вовсе предали забвению. В целом деятельность флотилии по-прежнему оценивалась довольно высоко,⁵ но о людях ее после того, как были репрессированы командующий, комиссар, флагманские специалисты, начальники дивизионов и многие из командиров кораблей лучше было не вспоминать. После Великой Отечественной войны тема войны гражданской отошла на задний план, тем более что в 1948 г. к списку репрессированных в 30-е гг. добавился и бывший начальник штаба Онфлота. Так продолжалось более 10 лет и только в 1961 г. в Петрозаводске вышла в печати работа К. А. Морозова «Онежская флотилия в годы гражданской войны и иностранной интервенции (1918–1920)», в которой впервые были названы фамилии основных участников боевых действий на Онежском озерном фронте.⁶ Правда, время продолжало диктовать свои условия, и о том, что многие из этих людей были бывшими офицерами, говорить еще не полагалось. Точно так же не полагалось упоминать и о некоторых событиях партийно-политической жизни флотилии. Причина тому крылась в том, что отдельные факты ее для идеологов той поры были очень неудобными и никак не вписывались в рамки утвержденных пропагандистских схем.

В последующие годы к истории Онежской озерно-речной флотилии ученые обращались очень редко,⁷ а уж тема командно-политического состава Онфлота, за исключением ряда статей биографического характера,⁸ и вовсе осталась без какого-либо внимания. Лишь в изданной в 1992 г. «Боевой летописи Военно-Морского Флота, 1917–1941» наряду с общей хронологией связанных с флотилией событий можно было найти некоторые данные о ее командующих и комиссарах, а также фамилии командиров кораблей (к сожалению, не всех).⁸ Между тем важность этой темы очевидна, причем не только для истории самой флотилии, но и для истории гражданской войны в России в целом. Как и почему победили большевики? Мудростью своей политики или же, как нередко заявляют сейчас, благодаря тотальному террору и насилию? А может быть, были тому и другие причины?

Формирование Онежской озерно-речной флотилии началось 17 июня 1918 г., когда приказом № 144 Военного совета Северного участка отрядов завесы и Петроградского района обороны был назначен ее первый начальник. Им стал старший лейтенант (тогда уже бывший) Балтийского флота Д. И. Федотов. В тот же день он издал приказ по флотилии № 1, в котором объявил о своем вступлении в должность. 8 дней спустя, 25 июня был подписан приказ № 2, согласно которому помощником начальника флотилии и начальником базы назначался бывший лейтенант Балтфлота Э. С. Панцержанский. Еще через 5 дней, 1 июля появился приказ № 3, которым в состав флотилии зачислялись еще 7 человек, также из числа бывших морских офицеров.⁹ Всего же, судя по записям в книге приказов начальника флотилии, до конца навигации 1918 г. на различные командные должности было зачислено 24 человека. По предварительным данным, 14 человек из этого числа были кадровыми офицерами Балтийского флота (выпускниками Морского корпуса, Отдельных гардемаринских классов или Морского инженерного училища), 7 – офицерами военного времени (призванными из запаса моряками торгового флота или окончившими краткосрочные курсы), 1 – прикомандированным офицером Генерального штаба. Сведения об образовании остальных пока отсутствуют.

Задача, стоявшая перед этими людьми, была непростой. Онежская флотилия рождалась в условиях кризиса в системе государственного управления и экономике послереволюционной России и продолжавшегося, несмотря на прилагавшиеся усилия, развала армии и флота. Немаловажным, помимо прочего, было и то, что вплоть до февраля 1919 г. флотилия находилась в подчинении Военному, а не Морскому ведомству (то есть армии, а не флоту), что, по признанию самих моряков, было «глубочайшей несообразностью». Сухопутное начальство

³ Онежский. Политработа в Онежской флотилии в 1919 году // Морской сборник. 1927. № 6.

⁴ Степанов Г. А. Необходимые поправки // Морской сборник. 1927. № 8–9; Н. Налет белых на базу Онежской флотилии – Петрозаводск 18 августа 1919 г. // Морской сборник. 1927. № 8–9.

⁵ Пухов А. Балтийский флот в обороне Петрограда. М.–Л., 1939.

⁶ Морозов К. А. Указ. соч.

⁷ Боголепов В. П. Флагман I ранга Э. С. Панцержанский // Военно-исторический журнал. 1968. № 6.

⁸ Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1917–1941 / Н. Ю. Березовский, С. С. Бережной, З. В. Николаева. М., 1992.

⁹ РГА ВМФ. Р-124. Оп. 1. № 8. Л. 1 об., 2, 2 об.

порой не хотело, а чаще не могло сделать то, что требовалось для нормального функционирования флотилии как военно-морской организации.¹⁰

Еще большей проблемой было то, что Советская власть долгое время никак не могла определиться в своем отношении к бывшим офицерам императорской армии и флота. Большевикам, которые в октябре 1917 г. взяли за строительство «нового мира», старое офицерство оказалось ненужным и они приложили все усилия, чтобы уничтожить само понятие офицерского корпуса. 30 ноября 1917 г. были упразднены офицерские чины, знаки различия и ордена, 16 декабря все военнослужащие были уравнианы в правах, вслед за чем армейская власть начала строиться на выборных началах, а вся полнота ее перешла к военно-революционным комитетам.¹¹

3 марта 1918 г. был подписан Брестский мир с Германией и ее союзниками. В соответствии со статьей V договора, Россия должна была «незамедлительно» произвести демобилизацию своей армии.¹² Значительная часть офицерства осталась не у дел. Кто-то после этого подался за границу, кто-то – в места, где, по слухам, происходило формирование антибольшевистских армий, а большинство начало приспосабливаться к новой жизни, заняв по отношению к власти большевиков выжидательную или «враждебно-выжидательную» позицию.¹³

Однако теперь уже сами большевики начали пересматривать свои взгляды на строительство вооруженных сил. Подписание Брестского мира не избавляло Россию от угрозы нового германского наступления, а успешные действия белогвардейской Добровольческой армии на юге таили опасность разрастания гражданской войны. Еще зимой 1918 г. – 15 января и 11 февраля – Совнарком обнародовал декреты об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Рабоче-Крестьянского Красного Флота. Их предполагалось создавать на основе добровольного найма и в соответствии с жесткими классовыми принципами.

Но уже месяц спустя стало ясно, что такой подход не позволит быстро перейти к массовой армии, создание которой сделалось велением времени. И если с отказом от добровольной службы еще можно было повременить, то строго классовые принципы становились серьезным препятствием при формировании боевых частей и от них пришлось отказаться. Своих – рабоче-крестьянских – командиров у большевиков в нужном количестве не было. Попытки воспользоваться помощью бывших союзников по Антанте успеха не возымели, а потому пришлось обратиться к услугам старого, недавно отвергнутого офицерства.

Правда, сами офицеры в Красную Армию по-прежнему идти не желали, но способы привлечь их на службу все же нашлись. Реальность возобновления войны с Германией, несмотря на только что подписанный мир, была очень высокой, причем не только весной, но еще и в июне – начале июля 1918 г. В этих условиях уже в начале марта началось формирование так называемых войск (или отрядов) завесы – системы оперативных объединений, предназначенных для прикрытия главных операционных направлений от возможного немецкого наступления.¹⁴ Части завесы оказались первыми, куда были допущены бывшие офицеры и куда они, чувствуя ответственность перед Родиной, в большем или меньшем количестве пошли сами. За большевиков им воевать не хотелось, а с немцами у них были старые счёты.

Этим, однако, дело не ограничилось. 19 марта 1918 г. Совнарком принимает решение о широком привлечении офицеров в Красную Армию и Красный Флот. 26 марта приказом Высшего Военного Совета Республики в армии отменяется выборное начало. 5 апреля учреждается аттестационная комиссия, в функции которой входило составление списков и сбор сведений о лицах, приглашаемых на работу в Военное ведомство. В это же время в употребление начал входить термин «военные специалисты» («военспецы»), коим стали обозначать генералов, адмиралов и офицеров старой армии, привлеченных на службу в Красную Армию и Красный Флот. Однако доверия к этим людям большевики по-прежнему не испытывали, а потому уже в марте 1918 г. рядом с военными специалистами появляются военные комиссары. Являясь, по словам Л. Д. Троцкого, «непосредственными политическими органами Советской власти при армии», они должны были, помимо прочего, контролировать деятельность командиров из числа бывших офицеров.¹⁵

Между тем поле для такого контроля становилось все шире. Потерпев неудачу с созданием добровольческой армии, большевики ввели всеобщую воинскую повинность. Сначала она коснулась рядового состава, но уже 29 июля 1918 г. декретом Совнаркома была введена мобилизация бывших офицеров и военных чиновников.¹⁶ Этим самым был заложен мощный фундамент для создания регулярной Красной Армии и регулярного Красного Флота. Однако полного согласия между новой властью и старым офицерством по-прежнему не было. В своей докладной записке от 8 июля 1918 г. военный руководитель Высшего Военного Совета Республики

¹⁰ Годовой отчет деятельности Онежской флотилии с 1 декабря 1918 г. по 1 декабря 1919 г. Петрозаводск, 1920. С. II–IV.

¹¹ Галин В. В. Интервенция и гражданская война. М., 2004. С. 31–37.

¹² Брестский мир (3.03.1918 г.). Режим доступа: <http://www.hrono.ru/dokum/brest1918.html>.

¹³ Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917–1920 гг. М., 1988. С. 37.

¹⁴ Гражданская война и военная интервенция в СССР : энциклопедия. М., 1983. С. 211; Войска завесы. Режим доступа: <http://guides.eastview.com/browse/guidebook.html?sid=24157&bid=120&enc=rus>.

¹⁵ Кавтарадзе А. Г. Указ. соч. С. 13, 65, 79, 96; Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 106; Троцкий Л. Д. Нам нужна армия. Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl665.htm>.

¹⁶ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 559, 756–757.

бывший генерал М. Д. Бонч-Бруевич отмечал, что «большинство офицеров хоть и признает Советскую власть как фактически существующую в стране, но не стоит на платформе находящейся у власти политической партии...». Сама же партия, хоть и призвала офицеров на свою службу, продолжала относиться к ним с недоверием. Отношение к военспецам сплошь и рядом оставалось враждебным, в связи с чем тот же М. Д. Бонч-Бруевич настоятельно призывал «прекратить травлю бывшего командного состава».¹⁷

В такой обстановке перед командованием Онежской флотилии стоял целый комплекс задач, одной из главных среди которых было комплектование экипажами предназначенных для вооружения судов. Сложность здесь заключалась в том, что нельзя было допустить на корабли дух царившей тогда на флоте революционной вольницы. В этот период набор матросов осуществлялся на принципах добровольного найма, и надо отдать должное и начальнику флотилии Д. И. Федотову, и его помощнику Э. С. Панцержанскому, и другим командирам, а также наиболее сознательной части матросов, которые смогли не допустить появления во флотилии разного рода «жоржиков» и «клевашников», коими тогда полны были военные гавани России.

К 15 августа 1918 г. на Онежском озере флотилия имела 7 мобилизованных судов, на которых числилось 130 человек командного и рядового состава. В Лодейном Поле достраивались два заградителя («Березина» и «Яуза»). Туда же в сентябре из Финляндии прибыл третий («Шексна»). С Балтийского флота было получено артиллерийское и пулеметное вооружение, всевозможными путями собиралось необходимое имущество и снаряжение. Экипажи были заняты переоборудованием и достройкой своих кораблей, причем, как отмечалось позднее, «работы производились с редкой добросовестностью» (что для того времени было сродни чуду). Что касается отношения матросов к командирам (бывшим офицерам), то оно «было ровным и корректным. Не было ни одного случая невыполнения приказа начальников, несмотря на то, начальники в то время имели в отношении своих команд одни обязанности и никаких прав».¹⁸

Между тем, в эти же самые дни, 2 августа 1918 г., начальник флотилии военный моряк Д. И. Федотов отправляет в адрес вышестоящего командования послание, в котором сообщает, что «до сего времени во флотилии нет комиссара» и просит «ускорить решение этого вопроса». Судя по всему, ответа не последовало, и 11 августа вслед за первым письмом уходит второе. В нем снова указывается на отсутствие комиссара и подчеркивается, что создавшиеся обстоятельства «настоятельно требуют присутствия во флотилии политического комиссара». Самое же любопытное заключается в том, что, видимо, отчаявшись добиться чего-либо от начальства, моряки решаются на какие-то самостоятельные действия. Ответом на них явилось датированное 13 августа уведомление, в котором политотдел Военного совета Северного участка и Петроградского района сообщал, что «комиссар Онежской флотилии намечен и в скором времени будет назначен, а по сему выборы (курсив мой. – С. Т.) такового из среды командного состава считает недопустимым».¹⁹ Ровно через неделю, 20 августа 1918 г. флотилия наконец-то получила своего комиссара. Им стал Я. М. Клявин.²⁰

Как уже отмечалось, летом и осенью 1918 г., по имеющимся пока сведениям, на командные должности в Онежскую флотилию были зачислены 24 бывших офицера. Из них один (В. И. Томсон) был уволен приказом начальника флотилии в сентябре 1918 г. и еще один (чин Генерального штаба Е. И. Исаев) в ноябре был переведен в Полевой штаб Реввоенсовета Республики. Тогда же по неизвестным пока причинам был отстранен от должности начальник флотилии Д. И. Федотов, а на его место был назначен Э. С. Панцержанский.²¹ Помимо этого в конце 1918 – начале 1919 г. из этого списка по неизвестным пока причинам выбыло 4 человека, а еще 1 человек (А. Е. Коваленко) был переведен на Балтфлот, но к осени 1919 г. снова вернулся во флотилию. Остальные 16 человек оставались во флотилии и за исключением одного, попавшего в плен к белым в июне 1919 г., несли свою службу вплоть до ее расформирования весной 1920 г.

11 декабря 1918 г. корабли флотилии, пройдя за кампанию 9491 миль,²² закончили свою первую навигацию и встали на зимовку в Петрозаводске. Гражданская война в России к этому времени продолжалась уже почти полгода, и многим в партии большевиков была очевидна правильность решения о привлечении в Красную армию и Красный флот военных специалистов из числа бывших офицеров.²³ Однако были у этой политики и убежденные противники. Справедливости ради надо сказать, что нередко сами военспецы, переходя к белым или исчезая со службы «с народными деньгами»,²⁴ провоцировали подобное к себе отношение. Однако решающими все-таки были унаследованная еще с 1917 г. открытая враждебность части красноармейских масс и нежелание определенной группы коммунистов (в том числе высокопоставленных) смириться с присутствием в рядах армии и флота «буржуазных элементов». Результатами этого были самочинные суды, санкционированные свыше расправы и продолжавшиеся как в центральной, так и периферийной прессе откровенные «антиофицерские» выпады.

¹⁷ Кавтарадзе А. Г. Указ. соч. С. 95–96.

¹⁸ РГА ВМФ. Р-124. Оп. 1. № 8. Л. 31–33; Годовой отчет. С. 87.

¹⁹ РГА ВМФ. Р-124. Оп. 1. № 12. Л. 33, 63, 78.

²⁰ Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1917–1941. М., 1992. С. 691.

²¹ РГА ВМФ. Р-124. Оп. 1. № 8. Л. 105 об., 150 об., 184 об.

²² Там же. Л. 175–175 об.

²³ Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 106; Галин В. В. Указ. соч. С. 67.

²⁴ Олонецкая коммуна. 1919. 1 янв. (№ 1). С. 5.

Не избежала этого и Олонецкая губерния. 9 января 1919 г. в газете «Олонецкая коммуна» была опубликована статья, автор которой прямо заявлял, что «штабы Красной армии кишмя кишат чиновниками царского времени, во главе дивизий, бригад, полков, дивизионов стоит кадровое офицерство», проникающее в Красную армию «не строить ее, а разрушать». В этой связи «чистка командного состава», избавление его от «ненужного мусора» объявлялись «главной работой коммунистов», а сами коммунисты должны были встать на место «желто-красных офицеров».²⁵

Без сомнения, подобного рода заявления напрямую касались и Онежской флотилии, среди командиров которой в конце 1918 г. значились одни беспартийные военспецы. Лишь в начале 1919 г. среди них появился первый коммунист. Им был бывший мичман Балтфлота Н. Н. Варзугин – представитель известной в Олонецком крае фамилии мореходов и капитанов. В последующем среди командиров появятся еще несколько членов партии, но в целом, как сокрушался позднее Онежский, «партийная прослойка среди комсостава была ничтожна...».²⁶

Между тем положение флотилии было очень сложным. Нужно было ремонтировать и вооружать корабли, а денег для этого не было. Нужно было кормить людей, а с продовольствием ощущались серьезные проблемы. Нужно было одевать и обувать матросов и старшин, но флотского обмундирования на армейских складах не было, флот ничем делиться не собирался, а потому в зимнюю пору иные из моряков были вынуждены обходиться летней формой («майские брюки при 25-градусном морозе»). Эти и с ними ряд других факторов заставили командование обратиться к вышестоящему начальству с просьбой о пересмотре в Морском Генеральном штабе положения об озерно-речных флотилиях – «этих бедных родственниках флота».²⁷

1 февраля 1919 г. Онежская флотилия была изъята из ведения Военного (сухопутного) ведомства и передана в подчинение Генерального Морского штаба. Легкой жизнь после этого не стала, но все же некоторые существенные сдвиги были налицо. Было подготовлено новое штатное расписание, в соответствии с которым во главе флотилии стал не начальник (как то было раньше), а командующий. Своего начальника наконец-то получил штаб флотилии. На эту должность 19 марта 1919 г. был назначен Г. А. Степанов (лейтенант), служивший ранее командиром заградителя «Шексна». С изменением штатного расписания структура боевых соединений приняла привычные для моряков очертания и на место отрядов вооруженных пароходов и плавучих батарей пришел дивизион канонерских лодок.

Весной произошло заметное увеличение корабельного состава флотилии. В конце марта ей из Балтфлота был окончательно передан базировавшийся на Лодейное Поле дивизион заградителей. В начале апреля 1919 г. была расформирована Волхово-Ильменская озерно-речная флотилия. Тогда из нее в состав Онежской флотилии были переданы 4 сторожевых судна и 2 сторожевых катера, из которых был сформирован 1-й дивизион сторожевых судов. 11 июня 1919 г. Онежская флотилия получила еще 6 судов бывшей Волхово-Ильменской флотилии. Из них сформировали 2-й дивизион сторожевых судов, базировавшийся на Новую Ладугу.

Помимо этого появилась возможность наладить работу береговых технических служб. 1 марта 1919 г. военная (бывшая казенная или заводская) гавань Петрозаводска стала портом-базой Онфлота. Командиром порта-базы был назначен бывший прежде помощником начальника флотилии Г. А. Балонкин (подпоручик по Адмиралтейству). Корабельный инженер А. А. Гермониус (подпоручик) перестал быть старшим артиллеристом, коим, в соответствии со старыми штатами числился еще с 1 июля 1918 г., и теперь уже официально стал корабельным инженером флотилии.

Эти, а с ними и ряд других перемен, имевших место во флотилии зимой и весной 1919 г., имели большое значение. Однако не меньшей по значимости была и повседневная работа с рядовым и старшинским составом. Тем более что происходило все в условиях скудного снабжения и вызванного зимой вынужденного бездействия. Командный состав должен был поддерживать дисциплину и порядок и, что было очень важно, организовать боевую учебу. Перспектива участия флотилии в боевых действиях в период грядущей навигации была очевидной, а подготовка корабельных специалистов оставляла желать лучшего. Многие из моряков потеряли приобретенные прежде навыки и их нужно было восстановить, а кого-то нужно было учить заново. К тому же по отдельным специальностям ощущался некомплект. Особенно это касалось комендоров, от уровня подготовки которых, пожалуй, в первую очередь зависела боеготовность кораблей. Занятия с ними проводились с января по май и, несмотря на незавершенность, дали очень хороший результат. Это уже в июне–июле почувствовали на себе англичане, американцы и белогвардейцы, и, видимо, не зря в отчете флагманского артиллериста флотилии А. Я. Иванова было сказано буквально следующее: «Состав комендоров был весьма хороший – все любящие свое дело и очень редко случались какие-нибудь погрешности с их стороны».²⁸

В целом же надо признать, что в нелегкую зиму 1918–1919 гг. личный состав флотилии показал высокую организованность и дисциплину. Достаточно сказать, что помимо плановой учебы по специальностям проводились уроки по общеобразовательным дисциплинам, строевые занятия и даже, как вспоминал Г. А. Степанов, «занятия по физической подготовке».²⁹ Довелось морякам участвовать и в ликвидации чрезвычайной ситуации:

²⁵ Там же. 1919. 9 янв. (№ 6). С. 1.

²⁶ Онежский. Указ. соч. С. 6.

²⁷ Годовой отчет. С. VIII, 87.

²⁸ Там же. С. 114.

²⁹ Степанов Г. А. Формирование Онежской озерно-речной флотилии // Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. № 191. Л. 5.

тушении большого пожара, вспыхнувшего в Петрозаводске в ночь на 19 марта 1919 г., когда сгорели 6 больших домов и городское пожарное депо. Как было сказано в постановлении Петрозаводского горисполкома, «...т[оварищи] матросы по первому призыву прибыли на место пожара и самоотверженно работали до тех пор, пока не был пожар ликвидирован окончательно...». Нельзя не заметить, что и для самого Петрозаводского горисполкома флотилия не была чужой. С конца декабря 1918 г. по май 1919 г. его членами были матросы Онфлота Я. Лидак, А. Исаев и А. Галашов, причем последний характеризовался как «необходимый и незаменимый работник».³⁰

В течение всего 1919 г. происходило постепенное увеличение численности личного состава флотилии. К середине мая в судовых экипажах трех дивизионов в Петрозаводске (дивизион канонерок), Лодейном Поле (дивизион заградителей) и Череповце (дивизион сторожевых судов) значились 442 моряка³¹ (против 130 в Петрозаводске на 15 августа 1918 г.). На 31 октября на базах Петрозаводск, Лодейное Поле, Новая Ладога и Вознесенье числились 1265 человек (включая 30 человек гидроавиаотряда), из которых плавсостава было 722 человека, а береговых частей – 513.³² К 1 декабря 1919 г. количество людей во флотилии составляло 1257 человек

(в том числе 106 вольнонаемных), из которых 106 относились к командному составу.³³ Что касается гидроавиаотряда, то в нем в начале 1920 г. служили 39 человек, включая сюда 4 летчиков и одного летчика-наблюдателя.³⁴

Таким образом, нетрудно подсчитать, что в течение года численность командиров всех рангов и специальностей во флотилии выросла практически в 5 раз. При этом надо учитывать, что на деле лиц комсостава было еще больше, так как некоторые из них состояли в Онегофлоте непродолжительное время. К концу 1919 г. флотилия представляла собой весьма сложное хозяйство, в котором помимо дивизионов боевых кораблей значились отряд вспомогательных судов и транспортов, гидроавиаотряд, базы технического обслуживания, водолазная команда, медицинская и хозяйственная службы, автопарк и т. д.. Понятно, что не везде здесь требовались профессиональные моряки, а потому иные из должностей занимали люди сугубо штатские. Так, флагманским врачом до августа 1919 г. был доктор Дофельд, после чего его сменил Р. А. Кох. На должности интенданта флотилии значился бывший губернский секретарь К. К. Винклер, а помощником командира порта-базы Петрозаводск был бывший коллежский советник В. М. Соболев.³⁵ Рассказать обо всех этих людях возможности пока нет. Поэтому ограничимся общими наблюдениями, уделив основное внимание чинам штаба и командирам числившихся в составе флотилии кораблей.³⁶

Вопрос о том, как – добровольно или по мобилизации – поступали на службу в Онфлот его первые командиры, остается пока открытым. Однако если учесть, что летом 1918 г. флотилия входила в состав войск завесы, то можно предположить, что процесс этот тогда был скорее добровольным, нежели принудительным. Что касается командиров 1919 г., то здесь речь в большинстве случаев может идти о мобилизации или (что случалось нечасто) о временном откомандировании из состава Балтфлота. Назначение во флотилию осуществлялось распоряжением либо главного управления по делам личного состава наркомата по морским делам (Москва), либо управления личного состава Балтийского флота (Петроград). В отдельных случаях командование флотилии само проявляло инициативу и выступало с просьбой в различные инстанции о переводе в его распоряжение того или иного военного моряка или специалиста. Таким образом, в частности, в Онфлот попал бывший сослуживец командующего по Шхерному отряду судов Балтфлота А. А. Страустин. Так же из управления Мурманской железной дороги был переведен механик Г. А. Тароев (прапорщик) – «как крайне необходимый специалист».³⁷

Надо заметить, что подобного рода обращения не были случайными. Вступив в конце мая 1919 г. в боевые действия, флотилия в течение всей кампании испытывала острый дефицит в подготовленных командных кадрах. Подавляющее большинство служивших в Онфлоте офицеров были молодыми людьми в возрасте до 30 лет, имевшими в старом флоте звание мичмана или прапорщика по морской части. Морского опыта у многих было очень мало, а у иных он и вовсе отсутствовал. При этом надо заметить, что командиры, прибывшие весной 1919 г. были подготовлены заметно хуже тех, что начали свою службу во флотилии в предшествующий период. По этой причине командующий был вынужден обратиться в Генеральный морской штаб с просьбой прислать опытных кадровых офицеров, отмечая, что «присланные никуда не годятся, в большинстве случаев никогда

³⁰ НАРК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 2/20. Л. 62, 75.

³¹ РГА ВМФ. Р-124. Оп. 1. № 80. Л. 10.

³² Там же. № 83. Л. 534.

³³ Годовой отчет. С. 349.

³⁴ РГА ВМФ. Р-124. Оп. 1. № 140. Л. 4–5.

³⁵ Годовой отчет. С. 348.

³⁶ Данные по комсоставу Онфлота приводятся по следующим источникам: Годовой отчет. С. 348–358; РГА ВМФ. Р-124. Оп. 1. № 140. Л. 1–3; Список офицерских чинов русского императорского флота. Царствование Николая Второго / сост. В. Ю. Грибовский. Режим доступа: <http://www.petergen.com/publ/omsmn2.shtml>.

³⁷ РГА ВМФ. Р-124. Оп. 1. № 83. Л. 26, 60, 173.

не плававшие на боевых кораблях...».³⁸ Еще раз подобный вопрос был поставлен перед Реввонсоветом Балт-флота после неудачного для флотилии боя 3 августа 1919 г. Тогда, правда, речь шла уже о «целевой» заявке: требовались «несколько человек комсостава на должность помощников командиров».³⁹ Но в большинстве случаев такие запросы оставались без внимания.

Если же вести речь об уровне подготовки чинов штаба, начальников дивизионов и командиров боевых кораблей Онфлота, то здесь вырисовывается следующая картина. Командующий флотилией Э. С. Панцержанский, начальник штаба Г. А. Степанов и флагманские специалисты – артиллерист А. Я. Иванов, штурман – К. А. Мигаловский, инженер-механик А. Ф. Сушинин и начальник оперативного отдела Н. С. Наддачин – принадлежали к числу кадрового офицерства и имели в императорском флоте лейтенантские звания. Занимавший должность начальника распорядительной части М. И. Акулин (мичман) был офицером военного времени.

В дивизионе канонерок, имевшем 8 судов, кадровыми, помимо начальника Б. В. Билевича (лейтенант), были инженер-механик А. В. Яковлев (мичман инженер-механик), командир канонерки № 1 К. А. Беспальчев (мичман), командир канонерки № 3 А. И. Сергиевский (мичман) и командир канонерки № 7 К. В. Никонов (мичман). Остальные – А. Я. Пуга (командир канонерки № 2, поручик по Адмиралтейству), А. А. Зеленин (командир канонерки № 4, мичман), А. А. Страустин (командир канонерки № 5, подпоручик по Адмиралтейству), Н. Н. Варзугин (командир канонерки № 6, мичман) и П. Г. Шишмолин (командир канонерки № 8, мичман) – были офицерами военного времени, призванными на военную службу из торгового флота.

Из них опытом командования кораблем располагали лишь несколько человек, в частности, К. В. Никонов, А. А. Страустин и, возможно, Н. Н. Варзугин. Остальным пришлось учиться уже на ходу, что, естественно, не могло обойтись без происшествий. 16 сентября 1918 г. в Петрозаводске произошло столкновение парохода «Петрозаводск» с дровяной баржей. Виновником этому, по-видимому, был командир «Петрозаводска» К. А. Беспальчев, впервые в тот день ступивший на корабельный мостик.⁴⁰ Еще более неприятная история произошла 7 июня 1919 г., когда на полном ходу, уклоняясь от бомб, сброшенных с английского гидроплана, «сошла со створа и села на мель» канонерка № 4. Для ее командира, А. А. Зеленина, это был первый боевой поход и первый бой, и тогда, пожалуй, только чудо (туман и непогодливость британских пилотов) спасло корабль от гибели.⁴¹

В дивизионе заградителей наряду с начальником дивизиона В. Е. Бурачком (лейтенант) кадровыми были командир заградителя «Яуза» В. Н. Федотов (лейтенант), первый командир заградителя «Березина» А. К. Иноев (лейтенант) и сменивший его в конце мая 1919 г. Б. В. Мусселиус (мичман). Командир заградителя «Шексна» В. Е. Эмме (мичман) окончил Отдельные гардемаринские классы в 1918 г. Инженер-механиком дивизиона был К. В. Меринов (мичман инженер-механик).

В 1-м дивизионе сторожевых судов кадровым офицером был только первый его начальник Н. С. Наддачин. Сменивший его в конце июля 1919 г. В. А. Линдебек (капитан по Адмиралтейству) был, по всей вероятности, призван на флот в годы Первой мировой войны из запаса. Что касается начальников 1-го и 2-го отделений этого дивизиона – М. Б. Ландсмана (прапорщик по морской части) и Н. А. Терентьева (подпоручик по Адмиралтейству), инженера-механика Г. В. Соловьева, а также командиров судов – П. Н. Яльцева (мичман), С. П. Алфеева (гардемарин) и В. Ф. Страумера (прапорщик по Адмиралтейству), – то все они были либо офицерами военного времени, либо недавними выпускниками учебных заведений.

Во 2-м дивизионе сторожевых судов, начальником которого был Ф. А. Сарычев (старший лейтенант), кадровыми (помимо начальника) были механик К. М. Коплус (лейтенант инженер-механик) и четверо из шести командиров судов: М. А. Линдебек (старший лейтенант), П. А. Евдокимов (мичман), Е. В. Дымман (мичман) и Г. Е. Грудинин (мичман). Бывшие мичманы В. И. Карамзин и Н. С. Малаха были офицерами военного времени.

7 августа 1919 г. в Петрозаводск прибыл эсминец «Сторожевой», числившийся в списках флотилии до 4 октября. Командиром корабля первоначально был И. И. Алферов (лейтенант), но 1 сентября его по неизвестной пока причине сменил флагманский артиллерист флотилии А. Я. Иванов. Оба они были кадровыми офицерами Балтфлота. Таковыми же являлись и помощники командира эсминца: сначала Н. С. Подгоржецкий (мичман), а с 1 сентября Н. Ф. Вальдман (мичман).⁴²

Помимо этого в сентябре 1919 г. флотилия получила 2 плавучие артиллерийские батареи (несамоходные баржи с 203-мм орудиями). Ими командовали офицеры военного времени В. В. Трояновский (прапорщик по морской части) и уже известный нам А. Е. Коваленко (мичман).

Таким образом, в поле зрения у нас оказалось 41 человек командного состава Онежской флотилии, включая сюда 7 чинов штаба, 10 командиров дивизиона канонерок, 6 командиров дивизиона заградителей, 15 командиров обоих дивизионов сторожевых судов, командира эсминца «Сторожевой» и двух командиров

³⁸ Цит. по: Дубровская Е. Ю. Озерный фронт в Карелии: Онежская военная флотилия в 1918–1920 гг. // Двинская земля. Вып. 4. Вельск, 2005. С. 150.

³⁹ РГА ВМФ. Р-124. Оп. 1. № 180. Л. 268.

⁴⁰ Там же. № 16. Л. 121–125.

⁴¹ Годовой отчет. С. 25–26.

⁴² РГА ВМФ. Р-124. Оп. 1. № 80. Л. 33, 107.

плавучих батарей. Из этого числа кадровыми офицерами были 23 человека, офицерами военного времени и выпускниками учебных заведений – 18 человек. Большинство из них, как уже отмечалось, на первых порах не имело должного морского и военного опыта. Но, как показало время, командирская учеба прошла очень быстро и весьма успешно. Этот факт не остался незамеченным и получил соответствующую оценку в конце 1919 г.: «...Настоящий командный состав флотилии после ряда полученных боевых крещений в минувшую кампанию вполне удовлетворяет уже своему назначению, а пополнение в течение зимней кампании некоторых теоретических знаний сделает его окончательно полезным для флотилии».⁴³

По-разному обстояли во флотилии дела с корабельными офицерами-специалистами. С механиками, судя по всему, сложностей не было. Своего механика имел каждый дивизион, не говоря уже о флагманском механике штаба флотилии. Еще меньше проблем было со штурманами, к числу которых относилась значительная часть командиров Онфлота. Понятно, что уровень их подготовки мог быть разным, но в любом случае он был выше, чем у большинства капитанов местного пароходства. Были среди военных моряков и специалисты высокого класса. Так, в сентябре 1918 г. командиром вооруженного парохода «Петрозаводск» К. А. Безпальчевым было проведено гидрографическое обследование северной части Онежского озера (Повенецкого и Заонежского заливов). Благодаря этому в начале 1919 г. в Петрограде был издан комплект карт, ставших большим подспорьем в обеспечении безопасности плавания в зоне боевых действий.⁴⁴

По-иному обстояли дела с минерами и артиллеристами. Должность флагманского минера в течение всей кампании 1919 г. была вакантной, а на кораблях минер имелся лишь на заградителе «Яуза» (мичман Б. А. Мантуров). До поры до времени это не имело особого значения. Однако когда в октябре флотилия перешла в наступление, ей пришлось столкнуться с выставленными белогвардейцами в Повенецком заливе минными заграждениями. Ситуация сложилась напряженная, и выйти из нее удалось во многом благодаря тому, что с минным делом были хорошо знакомы и командующий флотилией Э. С. Панцержанский, и начальник штаба Г. А. Степанов. В итоге начштаба самому пришлось участвовать в подготовке катерных тралов, а комонфлот, взяв с собой минера Б. А. Мантурова, должен был лично выйти на приспособленном под тральщик буксире «для обучения личного состава обращению с тралом, а командира буксира к маневрированию».⁴⁵

Самой же сложной была ситуация с артиллеристами. В конце 1919 г., подводя итоги боевой деятельности артиллерии флотилии в летне-осеннюю кампанию, флагманский артиллерист А. Я. Иванов отмечал хорошее, несмотря на интенсивную стрельбу, состояние корабельных пушек. Это он ставил в заслугу командирам кораблей и их помощникам, которые «очень внимательно и заботливо относились к артиллерии». Однако одними заботами обойтись было невозможно. Из пушек нужно было уметь стрелять (вернее сказать, уметь управлять огнем), а вот с этим-то как раз и были главные сложности. В своем большинстве, как писал А. Я. Иванов, командиры «мало были знакомы с этим делом, а некоторые даже первый раз встречались с пушками».⁴⁶

Во флотилии, как оказалось, было всего два подготовленных офицера-артиллериста: флагман А. Я. Иванов и артиллерист дивизиона заградителей И. И. Мантлевич (мичман). В течение зимы и весны 1919 г. с командирами кораблей были проведены теоретические занятия, подкрепленные практическими стрельбами, что дало определенный результат. Однако в целом нехватка квалифицированных специалистов по артиллерийской части ощущалась в ходе всей кампании. По этой причине командование флотилии несколько раз обращалось в Балтийский флот с просьбой дать артиллериста, но, как записал А. Я. Иванов, «там в этом отказали».⁴⁷

Причины этих отказов неизвестны и непонятны. С одной стороны, в навигацию 1919 г. Балтфлот принимал активное участие в боевых действиях, причем не только в Финском заливе, но и других местах. С другой, состояние его было настолько плачевным, что общее количество небоеспособных судов намного превышало состав ДОТа (Действующего отряда кораблей). А ведь на всех этих судах имелись команды и командиры. Думается, что в таких условиях не было особой трудности в том, чтобы отправить в Петрозаводск одного или нескольких опытных специалистов из числа бывших офицеров. Лишь в самом конце 1919 г. флотилия, наконец-то, получила двух артиллеристов. Артиллеристом дивизиона канонерок стал Н. Ф. Вальдман (мичман), до этого служивший во флотилии помощником командира эсминца «Сторожевой». Помимо него в списках комсостава в качестве командира посыльного судна № 2 значился артиллерист А. П. Перковский (капитан 2 ранга).⁴⁸ Правда, прибыл он, судя по всему, уже после окончания кампании и пробыл в Петрозаводске совсем недолго. Так что пострелять из пушек на Онежском озере ему так и не удалось.

Как видим, с уровнем подготовки и составом командиров Онфлотилии дела обстояли по-разному и не всегда благополучно. Разным было их отношение к своим служебным обязанностям, разным – отношение к ним матросов и старшин. Тут, как было сказано в «Годовом отчете деятельности Онежской флотилии», все в значительной мере зависело от самих командиров. В целом, это отношение характеризовалось как «вполне удовле-

⁴³ Годовой отчет. С. 88.

⁴⁴ Безпальчев К. А. Очерк гидрографического освоения Онежского озера в 1918–1919 гг. // Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. № 191. Л. 15–26.

⁴⁵ Годовой отчет. С. 47.

⁴⁶ РГА ВМФ. Р-124. Оп. 1. № 256. Л. 7 об.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Годовой отчет. С. 349, 356.

творительное»,⁴⁹ но бывало, что матросы ставили и более высокие оценки. При этом происходило это не только после побед, но и в моменты поражений. В частности, после неудачного для флотилии боя 3 августа 1919 г., когда в Заонежском заливе была разбита дозорная группа кораблей и 3 судна были захвачены белыми, матросы, собравшись на митинг и пообещав биться до победы, не забыли провозгласить: «Слава и честь храбрым командирам».⁵⁰

Факт, что практически все командные должности в составе Онежской флотилии занимали бывшие офицеры (пусть даже не имевшие прежде высоких чинов и званий), имел немаловажное значение. Офицеры (так их порой называли в Петрозаводске даже в 1919 г.), несмотря на сложности и противоречия своего нового положения, принесли с собой знания, опыт и привычный флотский порядок. Благодаря их усилиям летом 1918 г. удалось избежать проникновения во флотилию матросской псевдореволюционной вольницы. Зимой 1918–1919 гг. они сумели подготовить матросов к боям, а корабли – к походам. Благодаря этому, несмотря на непростые условия, в которых летом и осенью 1919 г. разворачивались боевые действия, флотилия смогла довести их до победного конца.

Сегодня это может показаться само собой разумеющимся, но тогда ситуация была другой, и все могло быть иначе. В качестве примера можно привести положение, сложившееся в 1918–1919 гг. в красной Северо-Двинской флотилии. Там офицеров практически не было, и кораблями управляли командиры из числа речников и коменданты из военных моряков. Подобное положение могло бы порадовать сердце любого «правового» коммуниста, если бы не плачевное состояние флотилии. «Всюду сквозило отсутствие опытной направляющей руки, схематичности и планомерности», а среди судовых команд наблюдалось «разделение... на аристократию – военных моряков и низшее сословие – речников».⁵¹ Заметим, что на Онежском озере, где всем заправляли бывшие «золотопогонники», и порядка было больше, и «пролетарского барства» не ощущалось.

Говоря о комсоставе Онежской флотилии, нельзя не упомянуть о действовавших в ее составе морских летчиках. 12 августа 1919 г. в Петрозаводск из Ораниенбаума прибыл эшелон с личным составом и самолетами 3-го (позднее 4-го, а еще позднее 6-го) гидроавиаотряда. Численность личного состава отряда составляла 30–39 человек. Из них летчиков одновременно было от 3 до 5 человек, а всего до весны 1920 г. через отряд прошло 8 летчиков и 2 летчика-наблюдателя. Из них в боевых действиях в августе–ноябре 1919 г. приняли участие 6 летчиков. Все остальные прибыли позднее.⁵²

Наиболее опытным из числа онежских пилотов был начальник отряда морской летчик, выпускник Морского корпуса и Бакинской школы морской авиации 1916 г. Л. В. Ковалевский (лейтенант). Летчик К. В. Школов (мичман) летал с 1917 г., С. Ф. Паенков окончил Школу летчиков в 1918 г., а Н. В. Гордеев, В. К. Бергстрем и К. В. Сеницын (летчик-наблюдатель) – в 1919 г. Кроме того в авиаотряде числились летчики Клементьев, А. Степанов и Г. Ковалевский, но сведений о них пока не обнаружено. Известно лишь, что А. Степанов, прибывший в Петрозаводск в середине сентября, был комиссаром 4-го гидроавиаотряда. Летчик-наблюдатель К. Вейгелин, хоть и был в списках отряда, но в момент составления документа находился при Управлении морской авиации и пока неизвестно, довелось ли ему полетать над Онежским озером.

Выше уже говорилось, в каких условиях находились военные специалисты в Красной армии и Красном флоте в 1918 – начале 1919 г. Положение их было неопределенным и вызывало острые дебаты. Конец им был положен в марте 1919 г. на VIII съезде РКП(б), который определил основные принципы перехода к массовой регулярной армии. Важнейшим из них являлось широкое использование опыта и знаний бывших генералов и офицеров при условии контроля за их деятельностью со стороны военных комиссаров.⁵³ Теоретическим спорам вроде бы был положен конец, но на практике все обстояло не так просто.

Как вспоминал А. П. Белобров (мичман, командир эсминца «Амурец»), 9 апреля 1919 г. в Петрограде на совещании командного состава выступил член Реввоенсовета Балтфлота В. И. Зоф, призвавший командиров «приступить к честной работе по созданию боеспособного Военно-морского флота независимо от политических убеждений во имя спасения Родины...». Командиры, надо полагать, особо не возражали, однако, даже после этого совещания их положение продолжало оставаться «чрезвычайно неясным». Отношение к комсоставу со стороны политотдела флота было по-прежнему недоброжелательным. «Каждый командир без разбора, механически подозревался в желании противостоять новому строю». На кораблях со стороны комиссаров и некоторых коммунистов искусственно создавалась обстановка недоверия к офицерам. Как специалисты – артиллеристы, штурманы, механики – офицеры пользовались авторитетом, но личное оружие – револьверы, кортики и сабли – у них было изъято, а сами они неоднократно давали подписки о том, что в случае измены или предательства будут арестованы члены их семей.⁵⁴

В этой связи можно утверждать, что положение комсостава Онежской флотилии существенно отличалось от положения комсостава Балтийского флота. Одним из доказательств тому может служить приказ командую-

⁴⁹ Там же. С. 396.

⁵⁰ Олонецкая коммуна. 1919. 8 авг. (№ 178). С. 3.

⁵¹ Гражданская война. Боевые действия... С. 84.

⁵² РГА ВМФ. Р-124. Оп. 1. № 140. Л. 4–5; № 146. Л. 2, 5, 12, 22, 26, 30; № 170. Л. 9–10.

⁵³ Кавтарадзе А. Г. Указ. соч. С. 130.

⁵⁴ Белобров А. П. Действия эскадренных миноносцев в Видлицкой операции в Ладожском озере 27 июня 1919 г. : (воспоминания участника) // Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. № 191. Л. 78–81.

щего от 25 марта 1919 г. № 84 § 7, касающийся порядка хранения ручного огнестрельного оружия на судах и командах флотилии. В приказе, в частности, говорилось, что винтовка или револьвер с патронами выдается каждому военному моряку под расписку. «При переводе, командировке, отпуске или посылке в госпиталь военные моряки должны сдавать свое оружие и патроны *командиру* (курсив мой. – С. Т.) или начальнику команды. Винтовки и револьверы, невыданные на руки (за некомплектом), хранятся у *командира* или начальника команды».⁵⁵

Приказ этот, дававший оружие в руки военспецов, а потому немислимый для Балтийского флота, для Онежской флотилии был естественным, и основанием тому служили некоторые особенности деятельности ее партийно-политических органов. Комиссаров было всего несколько человек (Я. М. Клявин, К. И. Лукст, А. И. Силкин), а численность коммунистов среди моряков долгое время оставалась незначительной. Так, осенью 1918 г. в отряде вооруженных пароходов и плавучих батареях было не более 10 членов партии (включая сюда и комиссаров). Весной 1919 г. в том же отряде, ставшем теперь дивизионом канонерок, числилось чуть более 20 коммунистов.⁵⁶ Попытки создания единой партийной организации (коллектива коммунистов) к успеху не привели, а с началом навигации, когда все разошлись по кораблям, между коммунистами и вовсе была потеряна «всякая организационная спайка».⁵⁷

К началу боевых действий комиссары имелись во всех дивизионах, базах и на кораблях. При этом надо учитывать, что в силу специфики деятельности флотилии главную роль играли комиссары кораблей, которые в составе своих экипажей непосредственно участвовали в боях с катерами и самолетами противника. Однако, будучи членами партии большевиков, они не были профессиональными политработниками и в списках команд значились не комиссарами, а судовыми специалистами (комендорами, кочегарами и т. д.). Как писал о них позднее Онежский, «...это в большинстве были хорошие вояки, умевшие в критические минуты держать массы под своим влиянием, но в широком смысле систематической политической работы среди моряков [они] почти не вели».⁵⁸ Исходя из этого следует понимать, что такой комиссар, занятый на вахте или на боевом посту, был не в состоянии выполнять самую, пожалуй, главную комиссарскую функцию: следить за командиром и контролировать каждый его шаг.

В таких условиях командирам предоставлялась полная свобода действий, которой они пользовались, не давая, заметим, никаких поводов усомниться в своих намерениях. За все время боев со стороны офицеров не было ни одного случая измены или предательства. Подозревать их в чем-либо и диктовать свои права у комиссаров не было ни оснований, ни возможностей. По этой причине и «взаимоотношение комиссаров с командирами и начальниками было вполне нормальное, даже дружеское».⁵⁹ В целом же, говоря о политработе во флотилии, Г. А. Степанов отмечал, что «в основном она была поставлена правильно и общее политико-моральное состояние личного состава было на высоте...».⁶⁰

Таким был взгляд военного профессионала, удовлетворенного отсутствием лишних помех в своей деятельности. На деле же не все складывалось столь гладко. По-особому, как ни парадоксально, складывались летом 1919 г. отношения между комиссарами и матросами. Виной тому «послужили незаконные действия некоторых комиссаров и недобросовестное отношение к служебным обязанностям». Авторитетом и доверием такие политработники не пользовались и, в конце концов, от них пришлось избавиться.⁶¹ В июне–июле 1919 г. группа моряков-коммунистов, недовольных, видимо, качеством партийно-политической работы, образовала Организационное бюро. В его задачу входило образование во флотилии политического отделения. За помощью в этом деле Оргбюро обратилось сначала в политотдел 7-й армии, потом в Балтфлот и центральные морские органы, потом в политотдел 6-й армии (она сменила 7-ю армию), но только после повторного обращения в Балтфлот вопрос был решен положительно. 20 июля 1919 г. в Петрозаводск прибыл заведующий политическим отделением матрос В. А. Яблонский, а 1 августа состоялось утверждение политотделения Онежской флотилии в Балтийском флоте.⁶²

С самого начала между новым политотделом и старыми комиссарами начались трения, которые были прекращены кардинальным способом. 13 августа 1919 г. Онежская флотилия «по частям административной, хозяйственной и технической» была присоединена к Балтфлоту, вслед за чем произошли и крутые перемены в ее политическом руководстве. Политотделение осталось и продолжило свою работу, а большинство комиссаров лишилось своих постов. 19 сентября новым комиссаром флотилии был назначен балтийский матрос И. М. Лудри, а бывший комиссар Я. М. Клявин был исключен из партии, попал за разные деяния под суд и 16 октября был приговорен к 3 годам принудительных работ. Вместе с ним, только по другой статье, 1 год принудительных работ получил бывший комиссар базы Вознесенье К. И. Лукст.⁶³ В этой истории все вроде бы

⁵⁵ РГА ВМФ. Р-124. Оп. 1. № 256. Л. 15.

⁵⁶ Морозов К. А. Указ. соч. С. 29–30.

⁵⁷ Годовой отчет. С. 390.

⁵⁸ Онежский. Указ. соч. С. 7.

⁵⁹ Годовой отчет. С. 389.

⁶⁰ Степанов Г. А. Необходимые поправки. С. 54.

⁶¹ Там же; Онежский. Указ. соч. С. 6.

⁶² Годовой отчет. С. 391.

⁶³ Олонецкая коммуна. 1919. 10 окт. (№ 229). С. 3; 1919. 19 окт. (№ 237). С. 2.

понятно, но хочется привести слова из воспоминаний К. А. Безпальчева. 40 лет спустя, говоря о комиссарах флотилии, в том числе и о Я. М. Клявине и К. И. Луксте, он назвал их людьми, «о которых всю жизнь вспоминал с благодарностью и ... с благоговением».⁶⁴

Усилиями комиссара И. М. Лудри был сменен почти весь старый комиссарский состав, и партийная работа получила новое содержание. Одним из результатов ее явился невиданный прежде рост партийных рядов. Количество партячеек за осень 1919 г. увеличилось с 0 до 37, количество партийных коллективов – с 0 до 10, а численность членов партии достигла 600 человек (половина всей флотилии).⁶⁵

Однако вся эта бурная деятельность касалась, в основном, только матросов и старшин. Командиры в партию по-прежнему вступать не хотели. К концу 1919 г. из 103 человек комсостава членами РКП(б) были только 6 человек. При этом половина из них имела совсем малый партийный стаж, и, как писал потом Онежский, «в должной степени еще не закалилась».⁶⁶ Однако на боеспособность флотилии этот факт по-прежнему не оказывал никакого влияния. Пройдя за пять с половиной месяцев с боями 80280 миль, проведя несколько крупных десантных операций и очистив озеро от неприятеля, в середине ноября 1919 г. ее корабли встали на зимовку.⁶⁷ Началась подготовка к новой навигации. Однако ее не случилось. В марте 1920 г. белогвардейский фронт на Севере России развалился. После этого флотилия на Онежском озере стала ненужной и в мае ее расформировали.

Подводя итоги деятельности флотилии, нельзя не упомянуть и о понесенных ею потерях. Всего по имеющимся (явно неполным) данным умершими, убитыми, ранеными и пропавшими без вести с мая по ноябрь 1919 г. было потеряно 50 человек.⁶⁸ Из числа командиров были ранены А. И. Сергиевский, Н. Н. Варзугин, А. Я. Пуга, А. А. Зеленин и ряд других. Начальник Онежской лоцдистанции Н. А. Загоранский-Кисель (мичман) – 29 июня 1919 г. попал в плен к белым, а после войны навсегда покинул Россию. Трагически сложилась судьба морского летчика, комиссара 4-го гидроавиаотряда А. Степанова, взятого в плен белыми 10 октября 1919 г. и расстрелянного ими через некоторое время. Остальные командиры после расформирования флотилии продолжили свою службу в других местах. Позднее многие из них сыграли важную роль в возрождении советского флота.

История Онежской флотилии может служить прямым подтверждением правоты слов В. И. Ленина, который, говоря о военных специалистах, заявил без обиняков: «Если бы мы их не взяли на службу и не заставили служить нам, мы не могли бы создать армии».⁶⁹ Вместе с тем применительно к Онегофлоту слова эти нуждаются в уточнении. На Онежском озере, как мы могли уже убедиться, не было неусыпного комиссарского надзора, как не было и жестокого, всеподавляющего террора. Поэтому вряд ли можно говорить, что здесь кого-то «заставили служить». Действовавшая на Онежском озере флотилия была красной и советской, потому что воевала под красным флагом и принадлежала Советской России. Но большевистской она не была никогда, потому что решающую роль в ней играли не комиссары, а бывшие офицеры русского императорского флота. Они были далеки от коммунистических убеждений, но они оказались верны присяге, данной России. Эти люди не пошли на службу к англичанам и американцам, не уехали за границу, а, невзирая на огромные трудности и даже риск, остались на Родине и служили ей так, как того требовала честь русского морского офицера. В этой связи, обращая внимание тех, кто сегодня увлечен историей белого флота, хочется сказать, что в те годы воевать за Россию можно было не только под Андреевским, но и под красным флагом. Тем более что, как показало время, будущее было за ним, и советский период из истории российского флота вычеркнуть невозможно.

*Копанев В. Н.,
старший преподаватель Петрозаводского филиала
Санкт-Петербургской Академии управления и экономики*

Онежская военная флотилия в годы Великой Отечественной войны

Флотилия – это оперативно-тактическое соединение (совокупность) военных судов, предназначенное для выполнения боевых задач в определенном районе моря, реки, озера. Может включать в свой состав кроме кораблей авиацию, части морской пехоты, артиллерию и прочие службы для обеспечения боевой деятельности.

⁶⁴ Безпальчев К. А. Воспоминания военного моряка // Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. № 181. Л. 44.

⁶⁵ Годовой отчет. С. 392.

⁶⁶ Там же. С. 394; Онежский. Указ. соч. С. 6.

⁶⁷ Годовой отчет. С. X.

⁶⁸ Там же. С. 362–363.

⁶⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 313.

Основная задача – содействие армии в прикрытии водных флангов, оборона своих баз, обеспечение десантных операций.

Учитывая, что на территории Карелии и Ленинградской области находятся два самых крупных озерных водоема в Европе – Ладожское и Онежское озера – то, естественно, что с началом в 1941 г. военных действий, возникла необходимость поддержки соединений 23-й и 7-й армий в приозерных районах.

В связи с этим, 25 июня 1941 г., в день вступления Финляндии в войну на стороне фашистской Германии, на Ладоге была воссоздана Ладожская военная флотилия (ЛВФ) как боевое подразделение Балтийского флота. Вряд ли кто мог сомневаться, что в первую очередь финские войска постараются захватить потерянные в период «зимней войны» территории, в том числе и примыкающие к Ладожскому озеру. А буквально через несколько дней, в начале июля, штабом Морской обороны Ленинграда и озерного района принимается решение о создании Онежской военно-морской базы Ладожской военной флотилии со штабом в Петрозаводске. По приказанию контр-адмирала Челпанова Ф. И. туда направляется группа морских офицеров во главе с капитаном 2 ранга А. П. Дьяконовым.

Перед группой ставится задача: подобрать из судов Беломорско-Онежского пароходства (БОПа) пригодные для перевооружения и превращения их в боевые корабли. Вероятно, эти суда должны были пополнить состав Ладожской военной флотилии. В тот момент из наличного состава судов пароходства удалось отобрать 4 речных буксирных парохода и после их мобилизации в августе в Вознесенье, у истоков Свири, началось их перевооружение.

К 16 июля финские войска захватили Питкяранту и вышли на побережье Ладоги. Приказом Маршала СССР К. Е. Ворошилова от 10 августа 1941 г., который в то время являлся главнокомандующим Северо-Западным направлением, была поставлена задача «обеспечить полное господство наших сил над всем Ладожским озером, уничтожив все плавсредства противника; не допускать впредь создания каких-либо сил на воде и закрепления противника на берегу» [12].

Приказ не мог быть выполнен, поскольку к тому времени обстановка в районе Ладоги резко обострилась. Финским войскам удалось ударом в стык армий прорвать советскую оборону и выйти к берегам озера. Уже 2 августа финны разворачивают в Ляскеля штаб Ладожской финской флотилии и буквально через несколько дней они переправляют на Ладожское озеро около 150 катеров, 2 буксира, 4 немецких самоходных паромов, вооруженных 47-мм орудиями и пулеметами.

Немецкие паромы на Ладоге

На побережье устанавливаются 100- и 88-мм артиллерийские батареи. После захвата Сотравалы с 15 августа там располагается штаб финской флотилии, а главной корабельной базой становится Лахденпохья [10]. Сухопутные части финнов продолжали наступление по западному и восточному берегам и вскоре стали брать под контроль и прибрежные острова.

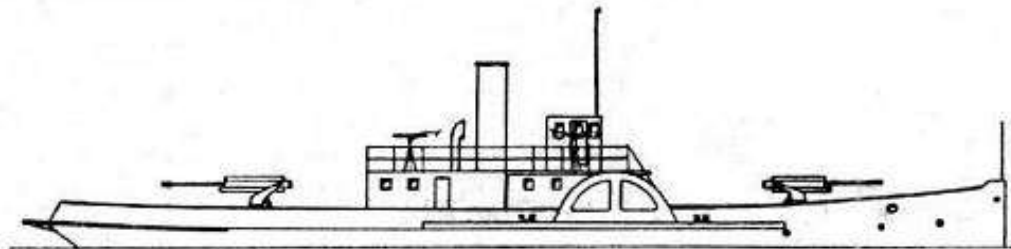
6 августа 1941 г. сразу после захвата Лахденпохья по решению К. Е. Ворошилова приказом заместителя наркома ВМФ И. С. Исакова Онежская база преобразуется в Онежскую военную флотилию с главной базой в Петрозаводске. Создание флотилии объясняется тем, что с продвижением финнов вдоль Ладоги в сторону Олонца и Лодейного поля и форсированием Свири, возникла не только угроза соединения финских войск с частями немецкой армии, но и выхода кораблей противника в Онежское озеро. Это напрямую угрожало как блокированию Мариинской водной системы, выводящей к Волге, так и Беломоро-Балтийскому каналу (выход к Белому морю). Противостоять этому и должна была Онежская флотилия с частями Красной Армии.

Командующим флотилией назначается начальник Онежской военно-морской базы А. П. Дьяконов, военным комиссаром С. М. Белокопытов. Командиры кораблей, корабельные специалисты, политработники направлялись из Ленинграда. В составе экипажей судов было немало работников Беломорско-Онежского пароходства: механик М. В. Тикачев, боцманы А. В. Робачев, И. Н. Устинков, котельный машинист А. И. Евстропков и др. [3, с. 9].

По воспоминаниям Маршала Советского Союза К. А. Мерецкова, когда войска 7-й армии были оттеснены за Свирь, часть войск этой армии была оттеснена севернее Петрозаводска. Именно корабли Онежской военной

флотилии смогли эвакуировать из Суйсари (Заонежье) части 272-й дивизии и перебросить их в район Свири, что позволило сдержать дальнейшее наступление финнов на этом направлении [5, с. 227].

17 августа штаб флотилии был переведен в Вознесенье, где шло переоборудование судов, и где можно было наиболее эффективно закрыть проход на Онего. После установления вооружения старые речные буксиры переводились в класс канонерских лодок (КЛ). На колесные буксирные пароходы «Огюст Бланки» (КЛ-11) и «Каляев» (КЛ-12), построенные еще в конце XIX в. в Германии и принимавшие участие в Гражданской войне, было установлено по два 76-мм, одному 45-мм орудию и по два 12,7-мм пулемету.

Колесный буксир «Огюст Бланки»

Вооружение двух других судов – буксиров «Ижорец-18» (КЛ-13) и «Мартиец-89» (КЛ-14), построенных в начале 30-х годов в Ленинграде, состояло из одного 45-мм орудия и одного 37-мм автомата. Во второй половине октября в состав флотилии вошли еще три буксира: «Мартиец-60» (КЛ-15), «Бакунин» (КЛ-40) и «Видлица» (КЛ-16, с апреля 1942 г. КЛ-41). Командиром последнего стал, получив погоны капитан-лейтенанта, один из опытных капитанов БОПа Ф. В. Манасеев.

Первое боестолкновение кораблей Онежской флотилии произошло с финнами на Свири, когда их войска 19 сентября вышли на правый берег реки в районе села Остречины. Советские войска, поддержанные артиллерийским огнем КЛ-12 (командир – военный инженер 2 ранга Митурич Р. Л.), сумели отбросить врага от берега и не допустить форсирования Свири. 23 сентября канонерские лодки КЛ-13 и КЛ-14 совместно с буксиром «Лосось» высадили десант из 72 бойцов отдельного дорожно-строительного батальона и 27 бойцов из народного ополчения около деревень Гакручей и Вязостров. К сожалению, десант успеха не имел.

Об ожесточенности боев в верхнем течении Свири говорит тот факт, что морякам Онежской флотилии во главе с командующим флотилии Дьяконовым А. П., совместно с 74-м разведывательным батальоном, пришлось осуществлять сухопутную оборону Вознесенья вплоть до 29 сентября 1941 г. Канонерские лодки флотилии практически не выходили из боя, поддерживая артиллерийским огнем армейские части. В этот день главная база флотилии была переведена в Вытегру, а оборону Вознесенья взяли на себя части 272-й стрелковой дивизии (генерал-майор Князев М. С.). И все-таки удержать Вознесенье не удалось. Противник сумел форсировать Свирь несколько ниже по течению, куда огонь корабельных орудий не доставал. 7 октября Вознесенье было занято финнами.

Войскам генерала Князева удалось остановить продвижение противника только 10 октября южнее, на рубеже реки Ошта, впадающей в Онежское озеро. И здесь помощь советским войскам снова оказали моряки флотилии. Канонерские лодки КЛ-11 и КЛ-13 артиллерийским ударом по скоплению сил противника на мысе Куликов и Каменной Гряде помогли остановить продвижение вражеских войск.

Опасение, что враг сможет прорваться к Мариинской системе, заставило советское командование усилить состав флотилии. В середине октября из Зеленодольска (на Волге), где на судоремонтном заводе строились бронекатера, на Онежскую флотилию были направлены 8 катеров. Их экипажи были укомплектованы в основном за счет моряков служивших в морских силах погранвойск и имевших боевой опыт.

Командовали бронекатерами мичманы Ерохин Н. А., Самохвалов И. А., Таранов В. Д., Чеботарев И. И., Шимков В. А., которые окончили Военно-морское пограничное училище. Командиром отряда бронекатеров был назначен старший лейтенант Ельников Яков Григорьевич. После окончания с отличием Военно-морского училища им. М. В. Фрунзе, он преподавал навигацию и маневрирование в военном училище [3, с. 39, 60].

Самолетами были доставлены минометы, для установки на корабли флотилии. Однако минометы боевого применения не получили. Вряд ли можно было достаточно эффективно вести прицельный навесной огонь с качающегося на волнах корабля. Бронекатера также не нашли в 1941 г. боевого применения. Почти сразу же по прибытию в Вытегру они, а также все остальные корабли флотилии, получили приказ уйти по Мариинской водной системе на зимовку в г. Молотов (ныне г. Пермь) на реке Каме. До места назначения флотилия дойти не сумела: корабли вмерзли в лед в районе г. Горький (ныне – Нижний Новгород).

27 ноября 1941 г. приказом наркома ВМФ № 01030 Учебный отряд кораблей реки Волга был переформирован в Волжскую военную флотилию (ВВФ) [4, с. 54]. А на следующий день, 28 ноября, Онежская военная флотилия была расформирована, и все ее корабли передавались вновь сформированной Волжской флотилии.

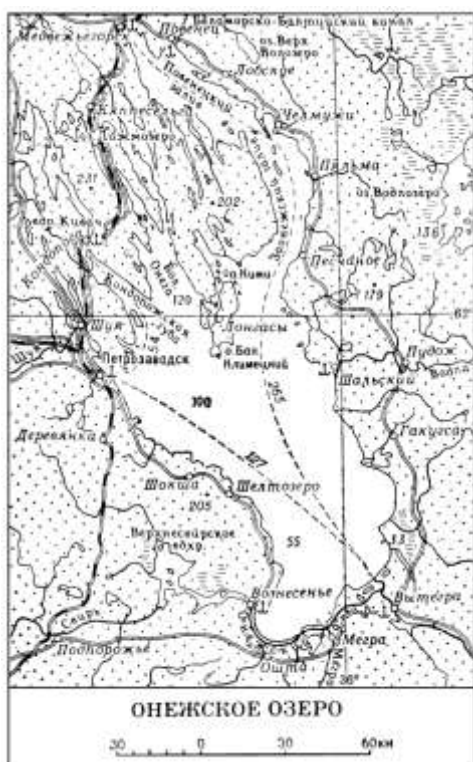
Подводя итоги деятельности Онежской военной флотилии в 1941 г. следует отметить, что непосредственно в боевых действиях она принимала участие только в течение месяца – с середины сентября по середину октября 1941 г. Главная сфера деятельности – артиллерийская поддержка советских войск, удерживающих берега Сви-

ри в районе Вознесенья. Следует иметь ввиду, что переоборудованные для боевых действий суда вряд ли обладали необходимыми для боев качествами: два из них были колесными пароходами дореволюционной постройки – КЛ-11 исполнилось 62 года, КЛ-12 – 56 лет, а КЛ-40 была в возрасте 36 лет.

Не совсем понятно решение об отправке кораблей флотилии на зимовку в такой далекий тыл – на Каму, в Предуралье. Подходящих речных портов с судоремонтными базами можно было найти и намного ближе: Череповец, Рыбинск, Ярославль и др.

И, тем не менее, именно артиллерийская поддержка советских частей 7-й армии канонерскими лодками не позволила захватить южное побережье озера и через Мариинскую систему выйти к Северной железной дороге: Архангельск – Вологда – Ярославль – Москва. Это могло отрезать Советский Север от центральных районов страны, а именно оттуда Советский Союз получал по ленд-лизу военную помощь от союзников, приходящую северными морскими конвоями.

Однако, понимая всю важность обеспечения флангов советских войск, упирающихся в Онежское озеро, 30 апреля 1942 г. приказом наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова на Волге формируется отряд боевых кораблей, направленных на Онегу. Но теперь вместо флотилии он именуется Онежским отрядом кораблей и подчиняется напрямую командованию ВМФ.

В отличие от флотилии первого формирования отряд получил значительное подкрепление. В его состав теперь кроме дивизиона канонерских лодок (7 единиц), входили два отряда бронекатеров (8 единиц), дивизион сторожевых катеров и катерных тральщиков из 9 кораблей, 31 отдельный батальон морской пехоты, который занимался кроме охраны базы и охраной южного побережья Онежского озера от Черных песков до Вытегры, а затем до Тудозера. В задачу батальона входила также и борьба с диверсионными группами. Командовал батальоном, сформированном в конце 1941 г. в Ярославле, старший лейтенант Молчанов Иван Сергеевич, впоследствии первый комендант г. Петрозаводска после его освобождения в 1944 г. [8].

Онежскому отряду кораблей была придана в оперативное подчинение одна эскадрилья 773 авиаполка. В качестве штабного корабля в составе отряда был бывший сетевой заградитель «Московский комсомолец», до войны принадлежавший московскому Осоавиахиму. Таким образом, теперь на Онежском озере действовало 25 боевых кораблей, а штатная численность вместе со всеми службами достигала около 2 тысяч человек. Командующим отрядом вновь был назначен капитан 2 ранга Дьяконов А. П., военкомом – Белокопытов С. М. В 1942 г. начальником штаба Онежского отряда кораблей был назначен Неон Васильевич Антонов, впоследствии командующий Онежской флотилией. До войны Н. В. Антонов служил в морской пограничной охране Дальнего Востока, а с началом Отечественной войны был командиром канонерских лодок на Балтике.

Местами базирования для судов отряда стали река Вытегра, Онежский обводной канал, проходящий вдоль южного берега озера, а также реки Андома и Водла [6, с. 783].

Для усиления артиллерийского вооружения на КЛ-11, -12 и -14 устаревшие 76-мм орудия были заменены более совершенными 88-мм зенитными полуавтоматами, имевшими большую скорострельность и угол подъема ствола для ведения зенитного огня.

Один из 4 полученных бронекатеров проекта 1124 (большие катера) имел две танковые башни с 76-мм пушками, на трех остальных катерах этого проекта из-за нехватки танковых башен даже для бронетанковых войск имелись по два орудия Лендера, открыто установленные на палубе катеров. Эти орудия имели дальность стрельбы до 8 км и угол возвышения ствола в 75 градусов. Четыре катера проекта 1125 имели по одному 76-мм орудью и по два 7,62-мм пулемета [13].

Бронекатер проекта 1125

По словам наркома ВМФ Кузнецова Н. Г., именно бронекатера оказались самими удачными кораблями для речных и озерных военных флотилий [3, с. 4].

Летом 1942 г. на Онегу с Волги были отправлены и две плавучие батареи – ПБА-97 и ПБА-98. Вооружение каждой – 152-мм орудие, 120-мм миномет и 4 пулемета калибром 12,7 мм. Плавбатареи успели дойти только до Ярославля, после чего их срочно вернули назад. Под Сталинградом начиналась великая Сталинградская битва [4, с. 54].

Обеспечивая действия 7-й Отдельной (рубеж реки Свирь и южное побережье Онего) и 32-й армии (восточный берег Онежского озера до Повенца), корабли действовали двумя группами. Северная группа кораблей, базировавшаяся на п. Шальский в устье р. Водлы, состояла из двух канонерских лодок, трех бронекатеров и сторожевого катера. Она обеспечивала снабжение 80-го стрелкового полка войск НКВД 32-й армии, охранявшего восточное побережье Повенецкого и Заонежского заливов. Южнее реки Водла до реки Вытегра стоял 185-й отдельный стрелковый батальон войск НКВД. Задачами северной группы являлись также разведка, дозоры, охрана водных коммуникаций, а также высадка разведывательных и партизанских групп на территорию противника. Высадка разведгрупп обычно осуществлялась катерами с прикрытием канонерскими лодками. В период навигации 1942 г. северной группой кораблей было высажено в тыл противника 15 разведгрупп, 126 человек, совершено более 70 боевых походов, в том числе 27 в дозор, проведено 5 артиллерийских обстрелов позиций противника.

Южная группа кораблей поддерживала фланг 368-й стрелковой дивизии совместно с 31-м отдельным батальоном морской пехоты, оборонявшим побережье от мыса Черные Пески до устья реки Вытегра (затем до Тудозера), вела разведывательные, поисковые и артиллерийские набеговые действия, несла дозорную службу. Особое значение приобрели набеговые действия, в которых участвовали канонерские лодки и бронекатера самостоятельно и во взаимодействии с авиацией. Корабли и катера 30 раз вели огонь по береговым объектам противника. На южном направлении с июня по октябрь было совершено 160 боевых выходов, в том числе 30 – для артиллерийских обстрелов, 3 – для поиска, 107 – в дозор [6, с. 785].

Кроме этого корабли Онежского отряда обеспечивали оборону города Вытегра и конвоирование судов на участках Вытегра – Шала; Вытегра – Андома.

Летом 1942 г. флотилия потеряла первый боевой корабль. По воспоминаниям А. Я. Забабурина, старшины сторожевого катера, 31 июля после высадки группы разведчиков в районе Петрозаводска, катер и сопровождавшая его КЛ-13 («Ижорец-18») после выполнения задания при возвращении на базу попали в жестокий шторм. Лодку накрыли две подряд высокие волны и она затонула. Сторожевой катер пытался спасти экипаж, но никого не обнаружил [2, с. 49]. Однако по закрытым данным причина гибели канонерской лодки осталась неизвестной [6, с. 786]. В октябре того же года при высадке разведчиков со СКА-112 автоматной очередью с берега был убит командир катера младший лейтенант Б. В. Одночко.

Только в ноябре Онежский отряд кораблей был отправлен на зимовку, на этот раз значительно ближе – в г. Рыбинск. Для обороны юго-восточного побережья Онежского озера был оставлен 31-й отдельный батальон морской пехоты. Приказом наркома ВМФ № 00132 от 31.12.42 г. отряд был переформирован в Онежскую военную флотилию [11].

В период с 14 мая по 14 июня 1943 г. тремя эшелонами корабли флотилии вернулись в район боевых действий на Онего. И почти сразу новая потеря – 1 июня при проведении поисковой операции КЛ-11, 12 и 41 были обнаружены авиацией противника, и в результате прямого попадания двух 100-килограммовых бомб КЛ-12 была потоплена. Спасти удалось только 22 человека, а 27 членов экипажа погибли [6, с. 788].

8 июля для поиска судов противника в районе бухты Гиморецкая были направлены два бронекатера и поддерживающая их КЛ-40. Обнаружив буксир противника с баржей и мотобот, катера открыли по ним огонь. Однако будучи обстрелянными огнем береговых батарей, дальнейшие действия прекратили и вернулись на базу [6, с. 789].

Таким образом, задачи, решаемые флотилией, оставались такими же, как и в 1942 г. Ситуация изменилась летом 1943 г.: состав флотилии пополнился 8 малыми сторожевыми катерами, 2 большими сторожевыми кораблями, 3 катерами-тральщиками и 7 торпедными катерами типа Г-5, на которых вместо торпедных аппаратов

стояли 24-ствольные установки М-8 типа «катюша» (82-мм реактивные мины). Две 16-ствольные установки «катюш» М-13 (132-мм снаряды) были установлены на больших сторожевиках. Корабль «Московский комсомолец» после установления на него артиллерийских орудий был переклассифицирован в канонерскую лодку. А полученный от промышленности большой охотник проекта 122 «Марсовой» стал ведущим кораблем дивизиона торпедных катеров.

Теперь появилась возможность достаточно эффективно бороться с береговыми артиллерийскими батареями, дотами и дзотами противника на линии передовой обороны. Поскольку технической документации вместе с новым оружием не пришло, то пришлось флагманскому артиллеристу (Муханин В. С.) и артиллеристу дивизиона (старший лейтенант И. В. Гринник) самостоятельно разобрать один из снарядов на составные части, составить эскизы и обучить личный состав [3, с. 101]. Именно здесь морские специалисты флотилии под руководством главного артиллериста ВМФ контр-адмирала Чистосердова В. В. разработали «Наставление по боевому применению реактивных установок на катерах ВМФ» [3, с. 102].

Наиболее крупной и успешной, но в то же время, пожалуй, единственной значимой боевой операцией за все предыдущее время, стало для флотилии участие в Вожегорской операции 22 августа 1943 г. Командованием 7-й Отдельной армии силами 368-й стрелковой дивизии было принято решение об уничтожении сильно укрепленного вражеского пункта в район Вожегорскы, что вблизи с. Ошта. Опорный пункт противника в этом районе имел трехорудийную батарею 120-мм орудий, порядка 10 батарей орудий среднего калибра (76- и 152-мм), зенитную батарею на мысе Коровенец и минометно-пулеметные точки.

Для выполнения задания были привлечены и силы Онежской флотилии, которая должна была артиллерийским огнем поддержать наступление 1228-го полка дивизии и уничтожить огневые точки противника. Как раз в августе на флотилию был назначен новый командующий – контр-адмирал Абанькин П. С., командовавший до этого Амурской военной флотилией.

Для выполнения этой задачи корабли флотилии были сведены в две оперативные группы. Одна из них – две канонерские лодки (КЛ-11 и -41), бронекатера № 21 и 42 и 2 сторожевых катера № 41 и 42 с установками «катюш» М-13, – должна была действовать из Онежского обводного канала, который подходил практически вплотную к передовой линии обороны. Другая группа в составе 6 малых минных катеров с установками «катюш» М-8 – со стороны Онежского озера [7 или Широкоград А. Б. Северные войны России. С. 789].

Прежде, чем кораблям подойти вплотную к вражеским позициям, морякам флотилии пришлось расчищать лесные завалы, которыми финны завалили Онежский обводный канал [1]. В соответствии с планом ровно в 4 часа утра дали залп реактивными снарядами катера озерной группы. Тут же последовал залп «катюшами» и артиллерийский огонь со стороны канала. Армейская артиллерия тоже открыла огонь, обеспечивая наступление пехоты. В результате этой, совместной с войсками операции, опорный пункт противника был уничтожен. Его потери составили более 200 человек убитыми, уничтожен дот, 4 дзота, два склада с боеприпасами, штабной дом, землянки, взяты пленные и ценные документы [3, с. 107]. В ходе боя погиб командир бронекатера № 21 И. И. Чеботарев и пулеметчик катера Г. Н. Ткаченко.

Все остальное время, до ухода на зимовку в октябре 1943 г., флотилия выполняла привычную для себя работу: выявление расположения артиллерийских батарей, вызывая огонь на себя, высадку разведгрупп в тыл противника, конвоирование транспортных судов для снабжения войск 32-й и 7-й отдельной армий. Но теперь для подавления артиллерийских батарей чаще всего использовалось реактивное оружие катеров.

Захватив в октябре 1941 г. западный берег Онежского озера, финны за два года оккупации создали здесь мощную оборону, опасаясь высадки советских десантов. На западном берегу были созданы два укрепрайона: один от Вознесенья до Петрозаводска (1-я финская онежская бригада береговой обороны), другой включал в себя Заонежский полуостров и остров Большой Климецкий (2-я бригада береговой обороны). Укрепрайоны имели в своем составе стационарные и мобильные артиллерийские батареи.

Уже 2 октября, сразу же после захвата Петрозаводска, на западный берег озера были перевезены 10 первых моторных катеров и доставлен личный состав будущей финской Онежской флотилии. В состав этой флотилии вошли после их вооружения и оставленные при эвакуации старые суда Беломорско-Онежского пароходства: «Курхумяки» (бывший колесный пароход «Роза Люксембург», «Контупохья» (колесный пароход «Розалии»), «Илмари» (бывший «Семга»), «Вяйне» (бывший «Пескарь»), «Эрки» (бывший «Буй») и пара малых буксиров. Эти суда имели на вооружении по два-три 75-мм и по такому же количеству 20-мм орудий. В июне 1942 г. на Онежское озеро был доставлен захваченный финнами в Финском заливе в августе 1941 г. советский бронекатер № 215 с 76-мм орудием в танковой башне [9]. Кроме этого, финская озерная флотилия имела несколько вооруженных быстроходных барж и две смешанные эскадрильи самолетов (Ju-88, He-111, Me-109, «Кэртис»), базировавшиеся на аэродромах и площадках в районе Петрозаводска [6, с. 786]. Состав флотилии (4-й морской батальон) менялся почти ежедневно.

В течение сентября–октября 1943 г. минные катера и бронекатера вели обстрел и выявление артиллерийских батарей в районах поселка Жабынец, сел Щелейки и Подщелье, мысов Самбо, Часовня, Чей-Наволоки и др.

В конце октября корабли флотилии ушли на зимовку в Череповец и Рыбинск. А в январе 1944 г. в Москве на сборе флагманских артиллеристов флотов и флотилий флагманский артиллерист Онежской флотилии выступил с докладом «Опыт применения реактивного вооружения с кораблей Военно-Морского флота», поскольку именно онежцы наиболее широко применяли с кораблей реактивную артиллерию [3, с. 110].

В район боевых действий корабли флотилии вернулись в середине мая 1944 г. Через месяц, в июне, советским командованием было принято решение о переходе войск 32-й и 7-й Отдельной армии в наступление и освобождении от врага Южной части Карелии и Ленинградской области. 20 июня части 1224 стрелкового полка 368-й дивизии пол командованием генерал-майора Сопенко В. К. в ходе наступления вышли на берег Свири. Попытка форсировать реку с ходу и создать плацдарм на правом берегу не удалась: противник открыл ураганный огонь.

Для помощи сухопутным частям в форсировании реки помогали моряки-онежцы. Были выделены корабли в количестве 17 вымпелов, доставлены рыбацкие лодки. Со стороны озера действовали минные катера с «катушками», в обводном канале – канонерские лодки [3, с. 114]. Кроме артиллерийской поддержки, корабли должны были высаживать морские десанты в тыл противника. Такую же артиллерийскую и десантную поддержку корабли флотилии должны были оказать и войскам 32-й армии, перешедшей в наступление севернее Петрозаводска. Однако, бронекатера под командованием Таранова установили, что 22 июня финские войска покинули территорию Заонежья и ушли с острова Большой Климецкий.

В ходе начавшейся в 5 часов утра 23 июня Свирско-Петрозаводской наступательной операции в переброске советских войск на правый берег Свири приняли участие все катера Онежской флотилии. Бронекатера не только переправляли пехоту и боеприпасы, но и соединившись попарно, сделав общий настил, переправляли минометы, артиллерийские орудия, конные упряжки вместе с лошадьми. Буквально за несколько часов только одна спарка из двух бронекатеров переправила 23 орудия, 35 автомашин, 47 повозок, 59 лошадей и около 3 батальонов пехоты. К концу дня захваченный плацдарм удалось расширить до 8 километров. Форсировав Свирь, советские части начали наступление в сторону Петрозаводска [3, с. 122].

Командиром дивизии Сопенко В. К. была поставлена задача по высадке 26 июня в 12.00 десанта в районе бухты Лахтинской, чтобы открыть пехоте дорогу на Петрозаводск. В десант была выделена группа порядка 100 солдат дивизии. В точно назначенное время 1-й отряд бронекатеров под командованием Шимкова А. А. высадил десант в бухте в районе села Шелтозера. Пока пехота действовала на берегу, катера артиллерийским огнем не давали противнику перебросить подкрепления из села. В результате боя был разгромлен батальон финской пехоты. Финские войска начали поспешное отступление в северо-западном направлении.

По приказу командующего Онежской флотилией Антонова Н. В. вечером 27 июня на корабли флотилии был посажен 31-й отдельный батальон морской пехоты для высадки его в качестве десанта в районе Уйской губы вблизи Петрозаводска. В 7 часов утра на следующий день первый бросок десанта зацепился за берег около села Деревянное под прикрытием залпов «катушек», артиллерийского и пулеметного огня с кораблей. Тем самым десант перерезал дорогу на Петрозаводск отступающим финским войскам. Часть батальона начала движение в сторону города.

После сообщения летчика из приданной флотилии эскадрильи 773 авиаполка, летавшего на разведку в районе Петрозаводска, о том, что в городе видны взрывы, пожары, город уничтожается противником, капитан 1 ранга Антонов Н. В. принимает решение о посылке группы кораблей на разведку непосредственно к городу. Большой охотник «Марсовой» в сопровождении второго отряда минных катеров под командованием Горячева В. В. получили приказание идти к городу. В это же время корабли под командованием командира дивизиона Крохина М. Ф. подошли непосредственно к причалам Петрозаводска. В 11.30 часов утра 28 июня к причалу подошел и «Марсовой». Противника в городе уже не было. Он оставил город заблаговременно. На причалах советские корабли встречали тысячи освобожденных петрозаводчан. Здесь же на причале возник стихийный митинг, а из носовой пушки «Марсового» был дан артиллерийский салют из 21 залпа в честь освобождения столицы Карело-Финской ССР. Первым комендантом Петрозаводска был приказом командующего флотилией назначен командир 31-го батальона морской пехоты Молчанов И. С.

29 июня 1944 г. в Петрозаводск с юга вошли передовые части 368 дивизии, а с севера части 313 дивизии. В этот же день был зачитан Приказ Верховного Главнокомандующего с объявлением благодарности всем частям, принимавшим участие в освобождении Петрозаводска. А 10 июля также Приказом Верховного Главнокомандующего дивизионы бронекатеров, канонерских лодок, минных катеров и 31-й батальон морской пехоты были удостоены почетного наименования «Петрозаводских». В этот же день Онежская военная флотилия была расформирована.

Канонерская лодка «Московский комсомолец» по Волге ушла в Каспийскую военную флотилию. 31-й отдельный батальон морской пехоты был передан штабу 7-й армии и срочно направлен на фронт и вместе с 70-й и 3-й морскими бригадами принимал участие в освобождении Южной Карелии. Участвовал батальон и в Петсамо-Киркенесской операции по освобождению Советского Заполярья и Северной Норвегии. Освободил Польшу и Чехословакию. Дивизион бронекатеров был переброшен на Чудское озеро, освобождал Эстонию. Закончил войну в Восточной Пруссии.

Летом 1946 г. в праздновании дня Военно-Морского флота в Москве приняли участие и моряки бывшей Онежской флотилии – экипажи трех бронекатеров и трех торпедных катеров. Командовал этой группой капитан 1 ранга Бутаков. Моряки кораблей, имевших почетное звание «Петрозаводских», пронесли по улицам столицы боевые вымпела Онежской военной флотилии. Отряд кораблей прошел по Москве-реке с показательной стрельбой, высадкой десанта и глубинного бомбометания [2].

Условия службы для моряков Онежской военной флотилии были невероятно тяжелыми. После боевых походов они не могли полноценно отдохнуть, поскольку жить приходилось на борту своих же кораблей

из-за отсутствия приспособленных для проживания казарм. Во время зимовок моряки жили в трюмах металлических барж, где, несмотря на маленькие печурки, температура в помещении редко доходила до 8 градусов тепла. В моторных отсеках бронекатеров практически невозможно было выпрямиться в полный рост и обслуживать работу двигателей приходилось в согнутом состоянии. В танковых башнях катеров отсутствовала вентиляция, и дышать артиллеристам приходилось пороховыми газами. На кораблях отсутствовали системы современной навигации, и ходить на боевые задания приходилось по шлюпочному компасу. Отсутствовала на катерах и надежная радиосвязь. Чтобы уберечь корпуса катеров от острых краев льдин во время замерзания водоемов, приходилось одевать их борта ниже ватерлинии в деревянные «шубы» из досок в 30–50 мм, что уменьшало скорость катеров.

И все-таки моряки Онежской военной флотилии свою задачу выполнили. Они не дали прорваться в Онежское озеро финским войскам и защитили стратегически важный для страны участок: Онежское озеро – Мариинская водная система. Самым непосредственным образом приняла участие в освобождении Петрозаводска от финской оккупации.

За все время военных действий потери флотилии в кораблях составили: 2 канонерские лодки (одна затонула в шторм, другая была потоплена авиацией противника), так же затонувший в шторм 1 катер-тральщик [14]. В личном составе потери флотилии составили 95 человек, из них 72 убитых и 5 пропавших без вести [15].

И, тем не менее, следует отметить, что боевая деятельность флотилии изучена еще явно недостаточно. Кроме сборника воспоминаний ветеранов флотилии «Боевые вымпела над Онего» и кратко затронутой истории флотилии в книге Широкограда А. Б. «Северные войны России», где действия моряков Онежской флотилии в Великой Отечественной войне показаны совместно с другими военными действиями на севере нашей страны, других полноценных исследований нет. Таким образом, история Онежской военной флотилии в годы Отечественной войны еще ждет своего исследователя для работы в военных, республиканских, местных архивах.

Источники и литература

1. Архив КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 6, д. 116.
2. Архив КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 6, д. 117.
3. Боевые вымпела над Онего : воспоминания моряков Онежской военной флотилии о Великой Отечественной войне. 3-е изд., доп. Петрозаводск : Карелия, 1986. С. 9.
4. Мальчиков С. М. Пылающая река. Двигатель. 2008. № 3. С. 54.
5. Мерецков К. На службе народу. М. : Политиздат, 1968. С. 227.
6. Широкоград А. Б. Северные войны России. М. : АСТ ; Мн. : Харвест, 2001. С. 785.

* * *

7. Абанькин Павел Сергеевич. Режим доступа: <http://www.warconflict.ru/rus/new/?action=shwprd&id=444>).
8. 31-й отдельный батальон морской пехоты. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/31-й_отдельный_ба-та-льон_морской_пехоты.
9. Внутренние озерные флотилии. Онежское озеро. Петсамо, озеро Сайми. Режим доступа: <http://www.battleships.spb.ru/КО/0196/Onega.html>.
10. Война на Ладогe. Режим доступа: <http://heninen.net/laatokka-war>.
11. Горьков Ю. Государственный Комитет Обороняет... (1941–1945) : цифры и док. Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/184667/read>.
12. Ладожская военная флотилия. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki>.
13. Платонов А. В. Советские мониторы, канонерские лодки и бронекатера. Ч. II. Режим доступа: <http://www.navylib.su/ships/monitory-2/06.htm>.
14. Потери ВМФ СССР на сайте «Военно-Морской флот СССР». Режим доступа: <http://www.navy.su/other/lost/onezhsk.htm>.
15. Россия и СССР в войнах XX века – Потери вооружённых сил : статист. исслед. / под ред. Г. Ф. Кривошеева. 2004. Режим доступа: http://www.soldat.ru/doc/casualties/book/chapter5_12.html.

Роль Беломорско-Балтийского комбината в становлении северных городов Карелии

«В самые важные, поворотные для России периоды исторического развития именно Русский Север оказывался вдруг на острие внимания государственной политики».¹

30-е гг. XX века стали переломными в истории СССР и отдельных его регионов. Карелия не была исключением. Переход от Новой Экономической Политики к административно-командной системе здесь нашел выражение в создании могущественной хозяйственной машины Беломорско-Балтийского Комбината (ББК), который являлся решающим фактором экономического, социального, культурного развития республики на протяжении всего указанного периода. Безусловно, все обозначенные процессы, были причиной урбанизации Карелии. Долгое время литературы, рассматривающей проблему исправительно-трудовых лагерей и их участия в развитии экономики, не было. Первые фундаментальные исследования появились лишь в период перестройки. Увидели свет такие работы как «ГУЛАГ: экономика принудительного труда», «ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои». Среди работ, рассматривающих процессы урбанизации Севера России, следует назвать кандидатскую диссертацию А. А. Беловола, статьи Л. А. Максимовой, написанные на материалах Республики Коми. В 1990-е гг. появляются первые исследования М. И. Лаптева, В. Г. Макурова, О. А. Никитиной, подготовленные на материалах карельских архивов. После открытия архивов началось достаточно быстрое введение в научный оборот новых документов, что обусловило издание многочисленных сборников.

Эпоха коллективизации и массовых репрессий довела количество лагерей и заключенных в них до неслыханных раньше цифр. Лагерь постепенно переставал быть местом заключения и истребления, он превращался в гигантское предприятие по эксплуатации бесплатной рабочей силы. С 1930 г. все существующие лагеря находились в ведении Главного Управления Лагерей (ГУЛАГ). Сеть пенитенциарных учреждений охватывала преимущественно северные, сибирские, среднеазиатские и дальневосточные районы страны, как правило, мало или вовсе неосвоенные. Для успешного использования трудовых ресурсов заключенных создавались исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ). Одним из них был Беломорско-Балтийский ИТЛ, созданный в 1931 г. специально для организации строительства Беломорско-Балтийского канала. После завершения строительства и пуска в 1933 г. канала имени Сталина на основе лагеря был создан Беломорско-Балтийский комбинат, которому предоставлялось исключительное право эксплуатации канала, а также использование ресурсов и организация производства на прилегающих к нему территориях.

Комбинат обладал собственными лесоразработками, каменоломнями, фабриками, заводами, железнодорожными ветками, верфями и пароходством. Заключенными БелБалт Комбината в 1930-х годах велось строительство ряда крупных промышленных и транспортных объектов, их привлекали к сельскохозяйственным работам, в добывающие отрасли, на лесозаготовки, строительство городов.

Удивительно, но подневольный труд, по сути, являющийся насилием над личностью, нарушением всех мыслимых человеческих прав в тоже время решительно изменил экономическую ситуацию в Карелии. 1930-е гг. стали одним из наиболее продуктивных периодов в развитии народного хозяйства.

Итогом деятельности ББК в Карелии было создание целого ряда промышленных предприятий, и поныне составляющих основу ее экономического могущества. Ряд населенных пунктов, находящихся на территории, принадлежащей комбинату, получили возможность роста и развития.

Ярким примером может служить создание целлюлозно-бумажного комбината в Сегеже, который стал одной из наиболее крупных строек комбината на территории республики. Организация собственного целлюлозного производства открывала новые перспективы для развития бумажной отрасли. Сегежский ЦБК – по ряду производственных показателей занял лидирующие позиции в целлюлозно-бумажной промышленности Советского Союза. Первая очередь завода начала работу в марте 1939 г. Предприятие было оснащено передовым по тем временам оборудованием.

Организация крупного производства предусматривала стечение большого количества рабочих, поэтому незамедлительно началось активное строительство жилых домов. Прежние деревянные строения заменялись каменными, появлялись новые улицы и переулки.

Показательна также история города Беломорска. Здесь в поселке Сорока, комбинатом был заложен Беломорский порт, стратегическая важность которого для ББК была обусловлена тем, что именно здесь канал выходил на открытые морские просторы. Для благоустройства жизни работников будущего порта незамедлительно началось строительство жилых домов. Изначально это были временные деревянные бараки, однако вскоре появились и первые постоянные строения из камня и кирпича. Были оборудованы 3 большие каменные школы, здание городской больницы, типография, кинотеатр, магазины. Уже в 1938 г. поселок Сорока и несколько близлежащих к нему деревень были объединены в город Беломорск.

¹ Гнетнев К. В. Беломорканал: времена и судьбы. – Петрозаводск, 2008. – С. 14.

Пожалуй, наибольшее влияние Беломорско-Балтийского комбината ощутила Медвежья Гора. Именно этот поселок первоначально был избран столицей ББК. Сюда, на заброшенный полустанок, прибывали первые эшелоны со строителями, стройматериалами и оборудованием. Усилиями работников БелБалтКомбината здесь были возведены здание банка, театр-клуб, школа, интернат, больница, библиотека. В 1935 г. открылась новая гостиница ББК НКВД. Она была построена специально для размещения и отдыха судовых команд океанских пароходов и туристов, путешествующих через Беломорско-Балтийский канал. В поселке также велось активное жилищное строительство. Усилия не пропали даром и 26 сентября 1938 г. Президиум Верховного Совета РСФСР преобразовал поселок Медвежья Гора в город Медвежьегорск.

ББК косвенно воздействовал и на развитие культурной среды в населенных пунктах Карелии. Лагерные театры, библиотеки, кинотеатры, клубы, в которых работали заключенные, нередко выдающиеся люди, заложили основу для дальнейшего культурного развития городов. Одним из самых ярких примеров является Центральный Театр ББК в Медвежьегорске. Созданный в годы строительства канала как клуб Беломорстроя, к концу десятилетия он превратился в настоящий оперно-драматический театр, в котором жители города и республики могли познакомиться с классикой театрального искусства от Эсхила и Шекспира до современных советских драматургов. Работниками театра были такие знаменитые заключенные как Леопольд Теплицкий, Вацлав Дворжецкий, Раиса Эверс, Алексей Алексеев, Лесь Курбас. Здесь были поставлены такие знаменитые произведения как «Царская невеста» Римского-Корсакова, «Русалка» Даргомыжского, «Горе от ума» Грибоедова, «Ревизор» Гоголя и многие другие. Однако, стоит заметить что культурные учреждения поддерживаемые комбинатом были средством прежде всего идеологического воздействия на заключенных и местное население.

Таким образом, в результате деятельности, осуществляемой Беломорско-Балтийским комбинатом на территории Карелии, происходило постепенное освоение ее ресурсов и создание собственной индустрии. Предприятия созданные комбинатом стали градообразующими для населенных пунктов Карелии, таких как Сегежа, Беломорск, Медвежьегорск. ББК способствовал созданию городской инфраструктуры, массово осуществлял жилищное строительство и создавал культурные объекты. В планы руководства комбината входило построение на базе его развивающихся городских поселений так называемых «социалистических городов» будущего, основную массу населения которых должны были составить освобождающиеся заключенные. Однако время показало, что люди, отбывшие здесь свой тюремный срок, стремились скорее вернуться на Родину, нежели остаться в Карелии. Кроме того, система, основанная на принуждении и насилии, не могла столь же успешно развиваться и функционировать. По мере того, как она постепенно утрачивала свою силу, города, созданные при ее поддержке, сталкивались со все более сложными проблемами, многие из которых им приходится решать и по сей день.

Зеленская Ю. Н.

Деятельность Петрозаводского городского совета в 1930-е гг.

Городской совет, муниципалитет, органы местного самоуправления – это неотъемлемая часть жизни любого города. И Петрозаводска в том числе. Накануне выборов в Петросовет, подводятся итоги и отчетные компании уходящего в отставку состава градоначальников. В 1930-е годы в Петрозаводске также проходили избирательные компании, выборы и отчетные мероприятия главных лиц города. Как и в настоящее время, деятельность Горсовета распространялась на все сферы жизни горожан. Совет курировал развитие здравоохранения, народного образования, промышленности, торговой системы, а также уделял большое внимание благоустройству города и способствовал становлению более комфортной жизни горожан.

С. В. Колосенок вспоминает: «Когда я подъезжал к Петрозаводску, в апреле 1930 г., он мне показался из окна вагона каким-то заштатным. И в самом деле, от вокзала до центра города дома деревянные, тротуары дощатые, не было ни водопровода, ни канализации».¹

Действительно, Петрозаводск 30-х годов предстает перед нами более похожим на поселок городского типа, нежели на столицу. В городе в конце 20-х годов фактически не было каменных построек, 99 % городских зданий были деревянными. В имевшихся каменных строениях располагались административные учреждения, больницы. Горожане жили в деревянных домах в ужасной тесноте. «Средний «возраст» деревянных построек – 40 лет. В квартирах не было никаких удобств. Воду горожане брали либо в колодцах, вырытых около домов, либо ходили на озеро или речки Неглинку и Лососинку. Отапливали помещения с помощью печек. У многих петрозаводчан были свои бани, так как общественная баня в городе была только одна. Вообще город больше походил на сельскую местность, т. к. рядом с домами были разбиты небольшие участки, где выращивалось все самое необходимое. В тяжелые годы эти палисадники оказывались хорошим подспорьем для горожан.

¹ Колосенок С. В. 30-е годы // На фронте мирного труда : воспоминания участников социалист. стр-ва. – Петрозаводск, 1976. – С. 264.

Поэтому совсем неудивительно, что одним из приоритетных направлений деятельности Горсовета в рассматриваемый период была работа по благоустройству города. Составление генерального плана, строительство водопровода, озеленение и благоустройство территории, решение жилищной проблемы, городской транспорт, энергоснабжение, состояние дорог, санитарная очистка, коммунальные предприятия – это лишь малая часть вопросов, которые предстояло решить Городскому Совету.

В 1931 году был собран планово-геодезический материал. К 1933 году было подготовлено 4 схемы расселения населения, общий проект перепланировки и детальный проект на центральную часть города. Данное предложение было признано отстающим от жизни города, забраковано и не утверждено.

В 1934 г. работа возобновилась. Горсоветом был заказан новый проект, который должен был быть разработан к 1 августа 1935 года. В городе была организована архитектурно-планировочная мастерская, в ведении которой было составление проектов отдельных кварталов, садов и парков, оформление фасадов и сооружение архитектуры малых форм. Более того, при президиуме Городского Совета был создан Архитектурно-планировочный Совет. С этого момента ни одно строительство, даже мелкое, не производилось без утверждения данного Совета как с архитектурной, так и с планировочной стороны.²

27 сентября 1935 года состоялось заседание Петрозаводского городского Совета, где обсуждался план благоустройства и развития г. Петрозаводска. Проект был рассчитан на 20–30 лет, стоимость всех работ по реконструкции города составляла 668 млн руб. Авторы проекта – представители Гипрогора Салофенко, Гофман, Мазай, Протопопова – предполагали разбить парк культуры и отдыха с городским стадионом, парашютной вышкой. На Голиковке должен был быть построен вокзал, а перед ним – расположиться площадь, украшенная фонтанами. Весь город должен был утопать в зелени парков, садов, бульваров и скверов. В центре города планировалось построить Дом правительства, а напротив – дворец культуры с театральным залом, с парком и спортивным стадионом. Депутаты планировали перенести все предприятия в восточную часть города, т. к. преобладающее направление ветров в городе – западное, следовательно, дым с предприятий не будет попадать в жилые районы города. Этот план был утвержден.

Однако средств для реализации всех идей и планов не хватало. Поэтому Петросовет подключал к благоустройству горожан, вклад которых в развитие города был значительным. В 1934 году в городе был объявлен «массовый поход за социалистическую реконструкцию и благоустройство Петрозаводска». «Грязный овраг в центре города у Онегзавода превратился в сад, каменистый с кочками и грязными лужами пустырь у Проммузея превратился в парк, был построен сквер у памятника В. И. Ленину, реконструированы все бульвары, был основан древесный, цветочный питомник, давший уже в текущем году 80000 цветов для садов и бульваров города, проведено благоустройство здания вокзала и площади при нем, в рабочих районах города проложено 5447 кв. м новых тротуаров...».³

Другой формой участия горожан в благоустройстве города была работа уличных комитетов. Всего в Петрозаводске их было организовано 20. Члены комитетов занимались очисткой дворов, ремонтом домов и заборов.

Однако следует отметить, что настроение горожан не было настолько пронизано инициативой и стремлением трудиться на благо города во вне рабочее время, как это представлял Горсовет в своих отчетах. Например, при обсуждении вопроса о благоустройстве города рабочий Онежского завода Трипецкий П. среди рабочих говорил: «Рабочего надо сначала накормить, а потом гнать на заботу. Видите, вздумали за счет рабочего благоустроить улицы города. Пусть работают, кому это надо, кто животы растит за счет рабочего, рабочему по паркам некогда гулять».⁴

В ноябре 1935 года произошло важное событие в жизни нашего города – была введена первая очередь водопровода.

Таким образом, был сделан первый шаг к отказу от привозной воды и постепенно водопровод вошел в жизнь горожан, как неотъемлемая часть быта.

В Петрозаводске развернулось интенсивное строительство. К 1934 году были построены новые промышленные предприятия – Лоскомбинат, Лыжная фабрика, Слюдяная фабрика, расширен и реконструирован Онегзавод, реконструирована Типография, открыт ряд вузов, техникумов, научных учреждений.

Понимая необходимость решения жилищной проблемы, Горсовет разворачивает жилищно-коммунальное строительство. Одним из первых был возведен Дом специалистов на пересечении Садовой улицы и проспекта Ленина. Во всех квартирах были водопровод, паровое отопление, канализация.

² Итоги выполнения решения ОК ВКП(б) от 22/IX 1933 г. Петрозаводским Горкомунотделом в период с 22/IX 1933 по 1/IX 1934 гг. // НАРК. Ф. 460, оп. 1, д. 21/238, л.15 об.

³ Из постановления пленума Петрозаводского городского Совета о реконструкции жилищного и коммунального строительства г. Петрозаводска // Петрозаводск : 300 лет истории : док. и материалы : в 3 кн. Кн. 3. 1903–2003. Петрозаводск, 2003. С. 215.

⁴ Докладная записка УНКВД и УГБ КАССР в Петрозаводский ГОРКОМ ВКП(б) о производственно-бытовых условиях рабочих Онежского завода и их настроениях в 1934 г. // Неизвестная Карелия : док. спецорганов о жизни респ. 1921–1940 гг. – Петрозаводск, 1997. – С. 217–218.

Рабочие ряда предприятий стали объединяться в коллективы для строительства. Например, 12 рабочих и служащих «Петростройтреста» объединились, чтобы построить для себя каменный 3-этажный дом на ул. Дзержинского. По планировке предполагалось разместить в доме двенадцать 3-комнатных квартир.

В рассматриваемый период в Петрозаводске возникла сеть учебных, научно-исследовательских учреждений, библиотек. Открыли свои двери дворец пионеров, филармония, кинотеатры. Гости города могли расположиться в новой гостинице «Северная». Была построена и сдана в эксплуатацию Соломенская ГЭС. Появились отделения связи в Зарецком и Первомайском районах и в Центре. Открылось воздушное сообщение с Ленинградом, поддерживалось регулярное сообщение с Пудожем. Курсировал железнодорожный транспорт. Количество автобусов увеличилось с 5 до 18.

Работу по благоустройству Петрозаводска приостановила Советско-финская война. Подводя итоги, необходимо отметить, что город за десятилетие изменился, превратился в настоящую столицу. Петрозаводск приобрел свое лицо. Конечно, было сделано не все, что запланировано. Но это нисколько не умаляет достигнутых результатов. Особенно нужно отметить инициативность горожан, так как в форме субботников они значительно помогали властям. И это сотрудничество могло бы продолжаться и дальше, если бы не война...

*Шорохова И. В.,
доцент, кандидат исторических наук*

Система политического просвещения художественной интеллигенции Карелии в период Хрущевской «оттепели»

Система политического просвещения – одна из существенных характеристик советского прошлого. Политическое просвещение выполняло важные функции: укрепление идеологического контроля над обществом, утверждение единообразия в мыслях и поступках советских граждан, проверка их на лояльность режиму.

Системой политического просвещения в СССР были охвачены все социальные группы, все возрасты и профессии.

Но политическое просвещение и воспитание художественной интеллигенции имело большее значение. Актеры, писатели, художники своей профессиональной деятельностью оказывали влияние на формирование общественного сознания и ценностей советского человека.

В системе политического просвещения художественной интеллигенции Карелии в середине 1950 – первой половине 1960-х гг. А произошли важные изменения. Связаны они были с тем, что в указанный период менялась страна. Н. С. Хрущев пытался отказаться от наиболее одиозных реалий сталинского режима. Это привело к некоторому смягчению политической системы Советского Союза, которое называют «оттепелью».

Изменения в системе политического просвещения художественной интеллигенции Карелии мы рассмотрим на примере состояния политической учёбы писателей и театральных деятелей республики. Из всех представителей художественной интеллигенции именно они в силу специфики работы и её массовости оказывали большее влияние на умы и настроения жителей Карелии.

Политическое просвещение художественной интеллигенции являлось важным фактором воспитания ее в качестве «помощника партии». Распространение идеологии через систему лекций, семинаров и кружков политического просвещения стало наиболее удобной формой поддержания лояльности в среде писателей и театральных деятелей. Однако за десятилетия своего существования эта система не менялась, заострилась и стала неинтересна всем ее участникам. Неэффективность политической учебы проявилась в середине 1950-х годов, в период оживления творческого начала в театральной и литературной областях.¹ Нам представляется, что процесс духовного преодоления художественной интеллигенцией Карелии политических рамок тоталитарного прошлого является важным достижением «оттепели» и потому заслуживает отдельного рассмотрения.

Если в 1920–1930-е годы значительная часть интеллигенции не состояла в партии, то в 1950-е годы началось массовое ее вступление в ряды членов ВЛКСМ, а затем – КПСС. Это привело по замечанию ряда исследователей, к более тесной привязке профессиональной интеллигенции к политике партии.²

Во второй половине 1940-х годов абсолютное большинство художественной интеллигенции поддерживало мероприятия ВКП(б) и принимало в них активное участие. Исследования, проведенные в разных регионах бывшего СССР, позволяют говорить о том, что «это определялось не только страхом, но и искренней верой в правильность большинства из проводимых мероприятий».

Особенно это было характерно для первых лет после смерти Сталина. Тогда начавшиеся процессы в политической жизни дали представителям художественной интеллигенции надежды на изменение политического режима. Кроме того, значительная часть молодой интеллигенции, воспитанная в советском обществе,

¹ Аксютин Ю. В. Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М. : РОССПЭН, 1995. С. 177.

² Байрау Д. Интеллигенция и власть. Советский опыт // Отечественная история. 1994. № 2. С. 129.

прошла соответствующую социализацию, поэтому в большинстве своем она выражала общее согласие с курсом, проводимым руководством.³

В 1950-е годы в Карелии в среде писателей и театральной интеллигенции возросло количество членов партии.

Членство в партии для большинства представителей художественной интеллигенции являлось гарантией более быстрого продвижения по карьерной лестнице, благоприятных условий для профессионального роста и издания произведений.⁴ Однако, как отмечали актеры и писатели в личной беседе с автором, наличие партбилета налагало на них определенные обязательства. Помимо выполнения профессиональных обязанностей, они должны были активно участвовать в политическом просвещении.⁵

В театрах Карелии в 1950-е – начале 1960-х годов существовала развитая система политического просвещения. Она предусматривала два варианта обучения. Наиболее загруженные работой актеры и режиссеры могли заниматься самостоятельно по индивидуальному плану. Выполненный объем работ в письменном виде представлялся для контроля консультанту, прикрепленному к обучающемуся.⁶ Эту форму политического образования выбирали немногие.

Представляется, что основной причиной низкой популярности самостоятельного политпросвещения было то, что при таком подходе приходилось все-таки читать литературу, писать зачетные работы.

В то время как вторая, коллективная форма обучения, предполагала меньшую ответственность.

Актеры и режиссеры имели право выбора между тем или иным политическим кружком, но не имели возможности вообще не посещать занятия. Если человек по каким-либо причинам затруднялся с выбором политического кружка, то его «определяла» партийная организация по своему усмотрению.⁷ Мы полагаем, что через систему идеологического просвещения посредством апелляции к политической сознательности и воспитания определенного мировоззрения осуществлялся контроль не только за общественными умонастроениями, но и за творческим процессом.

Если с 1953 года контроль над качеством идеологического просвещения несколько ослаб, то рубеж 1950–1960-х годов ознаменовался стремлением охватить политической учебой, сетью пропаганды всех представителей художественной интеллигенции Карелии. В 1960 году в Постановлении ЦК КПСС указано, что «усвоение коммунистического мировоззрения, овладение основами марксизма-ленинизма, глубокое понимание политики партии становится жизненной необходимостью для каждого советского человека».⁸

Важность идейного роста всячески подчеркивалась. Порой даже «недостойное поведение в быту» объяснялось «недостаточным идейно-политическим уровнем» артиста.⁹

В рассматриваемый период тематика кружков и семинаров политического просвещения практически не изменилась по сравнению со второй половиной 1940-х годов. Но форма подачи материала стала более разнообразной.¹⁰ Целью этих занятий было «постоянное разъяснение марксистско-ленинского учения, пропаганда теоретических положений о строительстве коммунизма».¹¹

Политические семинары и занятия старались связать с практической деятельностью и профессиональными интересами слушателей.¹²

Актерам и писателям Карелии предоставлялся широкий выбор тем для политических занятий.¹³ В 1959 году слушателям предлагались курсы по «Современному международному положению», «Советской литературе на современном этапе», «Марксистско-ленинской эстетике» и философии, лекции о воспитании детей, серия лекций «Из чего складывается культура советского человека» и ряд других.¹⁴

³ Сизов С. Г. Взаимоотношения интеллигенции и власти в советском обществе в 1946–1964 гг. на материалах Западной Сибири : автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук. Омск, 2002. С. 31.

⁴ Волков В. С. Членство интеллигентов в Коммунистической партии как фактор их социального и профессионально-служебного продвижения в СССР // Некоторые современные вопросы анализа российской интеллигенции : межвуз. сб. науч. тр. СПб., 1992. С. 45.

⁵ О задачах партийной пропаганды в современных условиях : постановление ЦК КПСС 9 января 1960 г. // КПСС о культуре, просвещении и науке : сб. док. М., 1963. С. 125–145.

⁶ НА РК (Национальный архив Республики Карелия). Ф. 447 (Фонд первичной партийной организации Финского драматического театра). Оп. 1. Д. 10. Л. 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18.

⁷ НА РК. Ф. 131 (Фонд первичной партийной организации Музыкально-драматического театра Петрозаводского ГК КПСС). Оп. 5. Д. 1. Л. 15.

⁸ О задачах партийной пропаганды в современных условиях : (Из Постановления ЦК КПСС, 9 января 1960 г.) // КПСС о комсомоле и молодежи : сб. резолюций, решений съездов, конф. партии, постановлений ЦК КПСС и др. парт. док. (1917–1961 гг.). М., 1962. С. 348.

⁹ НА РК. Ф. 131. Оп. 5. Д. 2. Л. 63; Оп. 4. Д. 8. Л. 7, 8.

¹⁰ НА РК. Ф. 3065 (Фонд Государственного Финского драматического театра). Оп. 1. Д. 1/19. Л. 6 об; Пыжиков А. В. Проблема культ личности в годы хрущевской оттепели // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 52.

¹¹ НА РК. Ф. 131. Оп. 5. Д. 1. Л. 16.

¹² О задачах партийной пропаганды в современных условиях : постановление ЦК КПСС 9 января 1960 г. // КПСС о культуре, просвещении и науке... С. 125–145.

¹³ НА РК. Ф. 131. Оп. 3. Д. 13; Ф. 447. Оп. 1. Д. 5.

¹⁴ НА РК. Ф. 131. Оп. 5. Д. 4. Л. 80–82 об; Ф. 447. Оп. 1. Д. 5. Л. 4, 11, 18, 25.

Тематические планы политических занятий наиболее полно сохранились в документации Музыкально-драматического театра. Самыми крупными по числу слушателей были несколько кружков по изучению истории КПСС и семинар по марксистско-ленинской эстетике под руководством Б. И. Хотянова. В нем участвовало большинство коммунистов Музыкально-драматического театра. Они слушали такие лекции, как «Искусство как форма общественного сознания», «Эстетическое отношение искусства к действительности».¹⁵

На семинаре по изучению политэкономии в основном рассматривались материалы съездов партии. Семинары по текущей политике, где занималась почти вся молодежь Музыкально-драматического театра, проходили под руководством Б. И. Хотянова и Л. М. Вильковича. На этих занятиях изучались материалы пленумов ЦК КПСС, сессий Верховного Совета, положения речей Н. С. Хрущева об управлении промышленностью и сельским хозяйством, международное положение СССР.¹⁶

Партийные органы республики регулярно организовывали для карельских писателей лекции на политические и творческие темы. Читались лекции об «Основных тенденциях развития послевоенной советской литературы», «О мастерстве советских писателей-прозаиков», «О новинках советской литературы...» за определенный период... Посещаемость этих лекций была разной: от 150 человек на лекциях, посвященных основным тенденциям развития литературы, до 26 слушателей о мастерстве русских классиков.¹⁷

С середины 1950-х годов стал практиковаться творческий подход к организации политической учебы коммунистов. Партийные организации старались отходить от стандартных, сухих методов подачи материала. Так, «партийная организация ССП нашла новые формы политической учебы» – «формы творческих дискуссий».¹⁸

Но это, скорее, исключение, чем правило. В целом же, неизменность тематики кружков и семинаров политического просвещения, а также перегруженность общества политикой (политизированными были творчество, информация и вся жизнь) стали основными причинами плохой посещаемости занятий карельскими актерами и писателями.

К концу 1950-х годов стало очевидно, что надежды на либерализацию режима, на смягчение партийного контроля над деятельностью творческой интеллигенции не оправдались. Это нашло отражение в резком падении интереса карельских писателей и актеров к политическому просвещению. В 1959 году в аналитической записке, оставленной для заведующего Отделом пропаганды и агитации Карельского обкома КПСС, указывалось, что в республиканском Союзе писателей «система политического просвещения не организована». Принятое на партийном собрании решение о коллективном посещении кружка «Идеологическая борьба на современном этапе» не выполнялось. Писатели были только на одном занятии. Самостоятельная политическая учеба в декабре 1959 года еще не началась, хотя должна была продолжаться уже двенадцать недель. В Карельском отделении ССП отсутствовали даже планы семинаров политического просвещения.¹⁹

Партийные организации пытались заставить художественную интеллигенцию присутствовать на занятиях. Этой проблеме посвящено большое количество партийных заседаний.²⁰ Это было связано с Постановлением Пленума ЦК КПСС от 21 июня 1963 года. В нем «Об очередных задачах идеологической работы партии» говорилось, что «для коренного улучшения идеологической работы требуется, чтобы вопросами коммунистического воспитания людей, идейной закалки кадров повседневно занимались все партийные органы сверху донизу».

От творческих работников стали требовать не просто посещения семинаров и кружков политического просвещения, но и активного в них участия. Оно подразумевало предварительную подготовку со стороны обучающихся.²¹ Кроме того, за двумя-тремя беспартийными прогульщиками закреплялось по одному коммунисту. Он должен был контролировать посещаемость ими занятий.²²

Однако и эти меры не привели к существенному изменению ситуации. Пассивность и неверие в 1950–1960-х годах, стали предтечами безверия и отторжения системы в конце 1960-х – 1970-х годах.²³

В этой связи интересно определить причины пропусков занятий обучающимися. В 1956–1957 годах актерами и режиссерами карельских театров выделялись такие обоснования, как чрезмерная загруженность работой, сухая, неинтересная подача материала, не связанность его с трудовыми задачами коллектива, отсутствие дискуссий и обсуждений.²⁴ У многих актеров рабочий день заканчивался далеко за полночь, поэтому и раннее время начала занятий, 9 часов утра, их не устраивало.²⁵

¹⁵ НА РК. Ф. 131. Оп. 5. Д. 6. Л. 43–44; Оп. 5. Д. 1. Л. 92–93; Оп. 5. Д. 5. Л. 54.

¹⁶ НА РК. Ф. 131. Оп. 5. Д. 1. Л. 92–93; Д. 2. Л. 63–65.

¹⁷ НА РК. Ф. 2923 (Фонд Союза советских писателей КАССР). Оп. 1. Д. 10/102 а и др.

¹⁸ НА РК. Ф. 3 (Фонд Карельского обкома КПСС. Отдел пропаганды и агитации). Оп. 7. Д. 36. Л. 98.

¹⁹ НА РК. Ф. 3. Оп. 10. Д. 113. Л. 26.

²⁰ НА РК. Ф. 131. Оп. 5. Д. 1. Л. 2, 32, 33; Д. 2. Л. 2, 65; Д. 7. Л. 57, 58; Оп. 4. Д. 8. Л. 7; Ф. 447. Оп. 1. Д. 13. Л. 11; Д. 14. Л. 21 об; Д. 20. Л. 9; Д. 16. Л. 10, 11.

²¹ О задачах партийной пропаганды в современных условиях : (Из постановления ЦК КПСС, 9 января 1960 г.) // КПСС о комсомоле и молодежи... С. 348–349; КГАНИ. Ф. 131. Оп. 4. Д. 8. Л. 7.

²² НА РК. Ф. 131. Оп. 4. Д. 8. Л. 7.

²³ Сагателян Г. Ш., Саечников В. С. Советское общество: политические кампании 50-х // Советское общество: будни холодной войны : материалы «круглого стола». М., 2000. С. 320.

²⁴ НА РК. Ф. 131. Оп. 5. Д. 1. Л. 32, 92; Д. 3. Л. 12; Ф. 447. Оп. 1. Д. 14. Л. 21 об; Социальное развитие советской интеллигенции. М. : Наука, 1986. С. 296.

²⁵ НА РК. Ф. 131. Оп. 5. Д. 2. Л. 3, 28.

В 1959 году появились более основательные оправдания плохой посещаемости политических кружков и семинаров. Актеры и режиссеры жаловались на невозможность эффективно заниматься, поскольку группы были укомплектованы представителями разных возрастов с разным уровнем образования. Молодежи с высшим образованием было неинтересно слушать подробные объяснения понятных и известных ей вещей. А без такого разъяснения старшее поколение часто не понимало сложный политический материал изучения.²⁶

К началу 1960-х годов даже коммунисты стали пропускать лекции и семинары. Когда так поступать стали коммунисты карельских театров, то беспартийные актеры начали активно ссылаться на то, что не имеют примера политической и идеологической сознательности в лице членов КПСС и руководства театрами.²⁷ Только в 1963 году на партийном собрании Финского драматического театра артистка Д. К. Карпова озвучила истинную причину рассматриваемого явления: политическое просвещение может быть успешным только при желании обучающегося.²⁸

Творческая интеллигенция и общество в целом в начале 1960-х годов разочаровались в политике партии. Они не увидели обещанных на XX съезде реальных качественных изменений в жизни страны. Чувствуя свою ответственность за неосуществленные преобразования, члены КПСС не пытались жесткими мерами вернуть контроль над представителями художественной интеллигенцией. Нежелание партийного руководства республики сделать политическое просвещение более творческим процессом, приближенным к профессиональной деятельности писателей и актеров Карелии, привело к отказу художественной интеллигенции республики от участия в нем. Люди, не повышавшие свой идейно-политический уровень, не верившие в коммунистические идеалы, не могли адекватно выражать политическую линию партии с театральных подмостков и передавать ее на страницах своих произведений.

Этим, на наш взгляд, отчасти были заложены основы свободомыслия художественной интеллигенции, которое проявилось более ярко в конце 1960-х – 1970-е гг.

Дианова К. А.,

Петрозаводский государственный университет, аспирант

Финляндия глазами краеведов Европейского Севера России в начале XX века

На рубеже XIX–XX веков в России наблюдался подъем краеведческого движения, свидетельством которого было возникновение различного рода историко-краеведческих обществ. На Европейском Севере России центром такого движения стало основанное в 1908 г. по инициативе местной администрации Архангельское общество изучения Русского Севера (далее – АОИРС). Данная организация стала крупнейшим дореволюционным краеведческим объединением в указанном регионе и послужило образцом при создании подобных организаций в Вологде (1909 г.) и Петрозаводске (1913 г.), уставы которых представляли собой «точный сколок с устава Архангельского общества, за исключением самого названия».¹

Вся деятельность АОИРС строилась вокруг издания собственного журнала «Известия АОИРС», в котором публиковались основные результаты работы данного Общества. Поскольку АОИРС ставило своей целью изучать Русский Север в историческом, географическом, бытовом, культурном и экономическом отношении,² то и авторы публикаций в «Известиях» стремились показать уникальность данного региона и тем самым привлечь внимание правительства к его проблемам. Кроме того, архангельские краеведы нередко обращались к исследованию соседних территорий, чтобы, изучив их опыт, перенять какие-то особые достижения для процветания Русского Севера. Одним из таких образцов для подражания стала Финляндия.

На страницах «Известий АОИРС» можно встретить ряд статей, посвященных изучению Финляндии, авторы которых предпринимали попытку проанализировать особенности данной территории,³ сравнить её с Русским Севером и оценить перспективы сотрудничества и обмена опытом между Финляндией и населением соседних с нею русских территорий. До революции 1917 г. практически все авторы отмечали высокий уровень развития Финляндии во всех отношениях и необходимость взаимодействия и следования её примеру с целью достижения такого же уровня. Одним из способов такого взаимодействия большинство авторов считало развитие экономических контактов: «В чаду политических, порой чисто академических пререканий, мы как бы запа-

²⁶ НА РК. Ф. 447. Оп. 1. Д. 16. Л. 10–11.

²⁷ НА РК. Ф. 131. Оп. 4. Д. 8. Л. 7–8; Оп. 5. Д. 7. Л. 57.

²⁸ НА РК. Ф. 447. Оп. 1. Д. 20. Л. 9–10.

¹ Трапезников В. Вологодское общество изучения Северного края и его музеи как очаги родиноведения : доклад, читанный 22 нояб. 1915 г. в заседании ВОИСК. – Вологда, 1916. – С. 5.

² Устав АОИРС. – Архангельск, 1908. – С. 3.

³ Например: Кузницкий С. Финляндия: ее население и культура в цифрах // Известия АОИРС. – 1911. – № 17. – С. 398–409; № 21. – С. 731–740; № 23. – С. 865–876.

мятовали какое имеет значение экономическая связь между Финляндией и остальной Россией; эта связь – неизменный множитель – коэффициент экономических интересов государства».⁴

Говоря о Финляндии, практически все авторы указывали её высокий уровень развития. Так, в одной из статей говорилось: «неоспоримо, разумеется, то несомненное обстоятельство, что в культурном отношении в смысле интенсивности и максимально продуктивности лесного хозяйства, хозяйства молочного с травосеянием, хлебопашества, мелиораций земельных угодий, товарообмена, индустрии и промышленности, вообще – Финляндия стоит неизмеримо выше, чем наш край, между тем не отграничивающийся от Финляндии абсолютно никакими естественными границами, абсолютно никакими естественными, природными, единственными прочными и подлежащими учету и базированию, признаками». Причину такого неравномерного развития русских земель по сравнению с Финляндией некоторые авторы видели в «отсутствии взаимного культурного и экономического влияния соседних производительных сил», и исправить такое положение по их мнению можно было лишь при помощи развития путей сообщения, которые способствовали бы упрочению взаимодействия с финнами.⁵

Другой автор, рассматривая Финляндию, с горечью отмечал, что «всюду мы, русские, вынуждены констатировать явления, которые в нашем национальном быту мы склонны считать за непостижимый идеал, ради приближения к которому мы страстно и упорно боремся... Всяду – грамотность, честность, трезвость, чистоплотность...».⁶ В связи с этим возникал вопрос, почему же «финны во всех подобных условиях, неизмеримо более тяжелых, чем условия в большей части Архангельской и Вологодской губерний, – достигли того, о достижении чего мы на нашем Севере и помышлять-то считаем «пустопорожним» делом». По мнению автора данной статьи, причина этому коренилась «в отношениях к делу, в отношениях к Северу в частности... Финляндию мы по праву считаем передовою страной. А между тем, в этой стране любовь к родине и чувство национального достоинства является краеугольным камнем воспитания, образования и всей деятельности – финской интеллигенции, администрации, народа. В отсутствии любви к своему Северу, в связи с общим равнодушием к Отечеству вообще – первопричина «проклятого» положения Русского Севера... Если многого достигли финны в деле культуры родного края... – то именно благодаря тому, что финны не роптали и не говорили лишь слова импотентного разочарования и отчаяния, а служили своему краю «рукодельной силой», делали дело, не начиная его сомнениями в своих силах и в крае. Они не плакались о «суровом климате» и «трудностях» огромных мелиораций, а имели целью возможно улучшить то, что есть».⁷

В то же время ряд авторов с радостью отмечали, что некоторые контакты между финнами и населением Русского Севера уже установлены, и в первую очередь они имели в виду отходничество карел в Финляндию. Краеведы указывали, что в первую очередь «карелы занимаются разносной торговлей в Финляндии: зимой домашних работ мало, а летом много, и потому карелы летом живут дома, а на зиму идут в Финляндию... Пребывание их в Финляндии продолжается месяцев семь, восемь и девять. Зимой домой приходят редко и то на очень короткое время».⁸

Практически все авторы отмечали положительное влияние таких контактов, поскольку «карелы во время пребывания в Финляндии научаются грамоте; потом, занимаясь на разных заводах и мастерских, приучаются разным ремеслам, обращению с машинами, применению машин на производстве. Но, к сожалению, субъекты, изучившие какое-нибудь ремесло или приспособившиеся к какому-нибудь делу, уже в Карелию возвращаются мало, а больше остаются в Финляндии, или уходят дальше – в Швецию, Норвегию и Америку. Главное, что приносят из Финляндии – это вежливое обращение, гостеприимство, трудолюбие, любовь к чтению, знаниям и здоровым и нормальным увеселениям. Благодаря этому случается, что некоторые карелы достигают высшего образования и занимают хорошее положение. Сами финляндцы идут навстречу к своим братьям-карелам в деле поднятия у них культуры. Финны издают газеты и журналы, исключительно посвященные карельскому вопросу. Также есть общества, поставившие своей целью просвещение карел».⁹

Следы взаимодействия и обоюдного влияния финнов и населения Русского Севера исследователи обнаруживали в различных аспектах культуры: «в языках и того, и другого появилось множество заимствованных слов; такое же взаимодействие существует и в области народного поэтического творчества, и в мифологии, и во всем культурном быте народов русского и финского».¹⁰ Всё это, по их мнению, свидетельствовало о глубоких исторических корнях сотрудничества с Финляндией, что в свою очередь должно было служить примером в современности.

Кроме того, архангельские исследователи всячески призывали к изучению Финляндии с краеведческой точки зрения, поскольку «познание Финляндии нам необходимо для учета возможного развития, в частности, нашего Края... Промышленное развитие Финляндии, с одной стороны – дает нам ценный пример тому, как можем и должны использовать мы свою «пристоличную пустыню», а с другой – связан с повышением в Финлян-

⁴ Беломорский край и Финляндия // Известия АОИРС. – 1910. – № 3. – С. 1.

⁵ Там же. – С. 4.

⁶ Из «Страны болот» // Известия АОИРС. – 1910. – № 15. – С. 2–3.

⁷ Там же. – С. 3–5.

⁸ Сношения архангельских карел с Финляндией // Известия АОИРС. – 1911. – № 7. – С. 561–562.

⁹ Там же. – С. 563–564.

¹⁰ Погодин А. Из области финно-русских культурных отношений // Известия АОИРС. – 1910. – № 4. – С. 2.

дии покупательской и потребительской способности, в удовлетворении которой Край может и должен бы играть не последнюю роль...».¹¹ При этом отмечалось, что только «в дружном единении с финской наукой русские ученые вскроют тайны нашего Севера».¹²

Отношение к Финляндии среди архангельских краеведов изменилось практически сразу после Октябрьского переворота, и во многом это было связано с политикой новой власти. Как известно, используя ленинский принцип права наций на самоопределение вплоть до отделения, в конце 1917 года Финляндия объявила о своей независимости и вышла из состава российского государства. Это вызвало определенное недовольство в среде краеведов – уже в первых номерах «Известий» за 1918 г. Правление АОИРС выступило с «Воззванием к русскому народу», в котором призывало не принимать некоторые постановления о создании независимой Финляндии с её претензией на лучшую часть нашего Мурмана».¹³ По мнению членов общества, новая власть совершит предательство национальных интересов, если отдаст Мурман финнам. В марте 1918 г. в Архангельске на собраниях членов Общества активно обсуждался данный вопрос, и Правлением АОИРС было решено развернуть широкую агитацию.¹⁴

Результатом такой деятельности стало создание при АОИРС специального бюро «По охране целостности и жизненных интересов Севера», которое стало центром мобилизации общественности на сопротивление планам нового правительства. Члены бюро провели несколько собраний с представителями общественных организаций Архангельска, выпустили ряд воззваний, а также отправили в Москву делегацию. Кроме того, данное бюро поставило перед собой задачу содействовать учебно-просветительской работе среди населения Мурманна.¹⁵

В связи с открытым противостоянием АОИРС и Архангельского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов уже с весны 1918 г. начались аресты и обыски, затронувшие некоторых членов АОИРС, поэтому на время работа Общества была приостановлена.¹⁶ Угроза закрытия АОИРС исчезла после свержения Советской власти в Архангельске 2 августа 1918 г., а образованное вскоре Временное правительство Северной области во главе с Н. В. Чайковским оказывало всяческую поддержку Обществу.¹⁷ После окончательного утверждения советской власти в начале 1920 г. АОИРС было ликвидировано.

Таким образом, в оценке Финляндии краеведами Европейского Севера России в начале XX века можно выделить два основных этапа. До 1917 г., пока Финляндия еще находилась в составе Российской империи, она воспринималась как образцовая территория, на которую следует ориентироваться и перенимать опыт всему населению русского Севера, в том числе и самим краеведам. После провозглашения независимости Финляндии в конце 1917 г. отношение к ней резко изменилось – она теперь воспринималась как чужое государство, нарушающее интересы населения Русского Севера; последнее стало одной из причин начала открытого противостояния АОИРС и советской власти.

¹¹ Беломорский край и Финляндия // Известия АОИРС. – 1910. – № 3. – С. 4–5.

¹² Погодин А. Из области финно-русских культурных отношений // Известия АОИРС. – 1910. – № 4. – С. 4.

¹³ Известия АОИРС. – 1918. – № 3–4. – С. 44.

¹⁴ Там же. – С. 90–91.

¹⁵ Известия АОИРС. – 1918. – № 5–6. – С. 139.

¹⁶ Дойков Ю. Много знали – выслать, расстрелять // Архангельск. – 1992. – № 135. – С. 7.

¹⁷ Постановление Временного правительства Северной области об отчислении средств Обществу. Проект об организации губернского комитета общественных организаций // ГААО. – Ф. 83. – Оп. 1–2. – Д. 92. – Л. 6.

Раздел 3. Секция «Культура. Библиотечное дело»

*Сергеев С. П., искусствовед, научный сотрудник
Музея изобразительных искусств Республики Карелия*

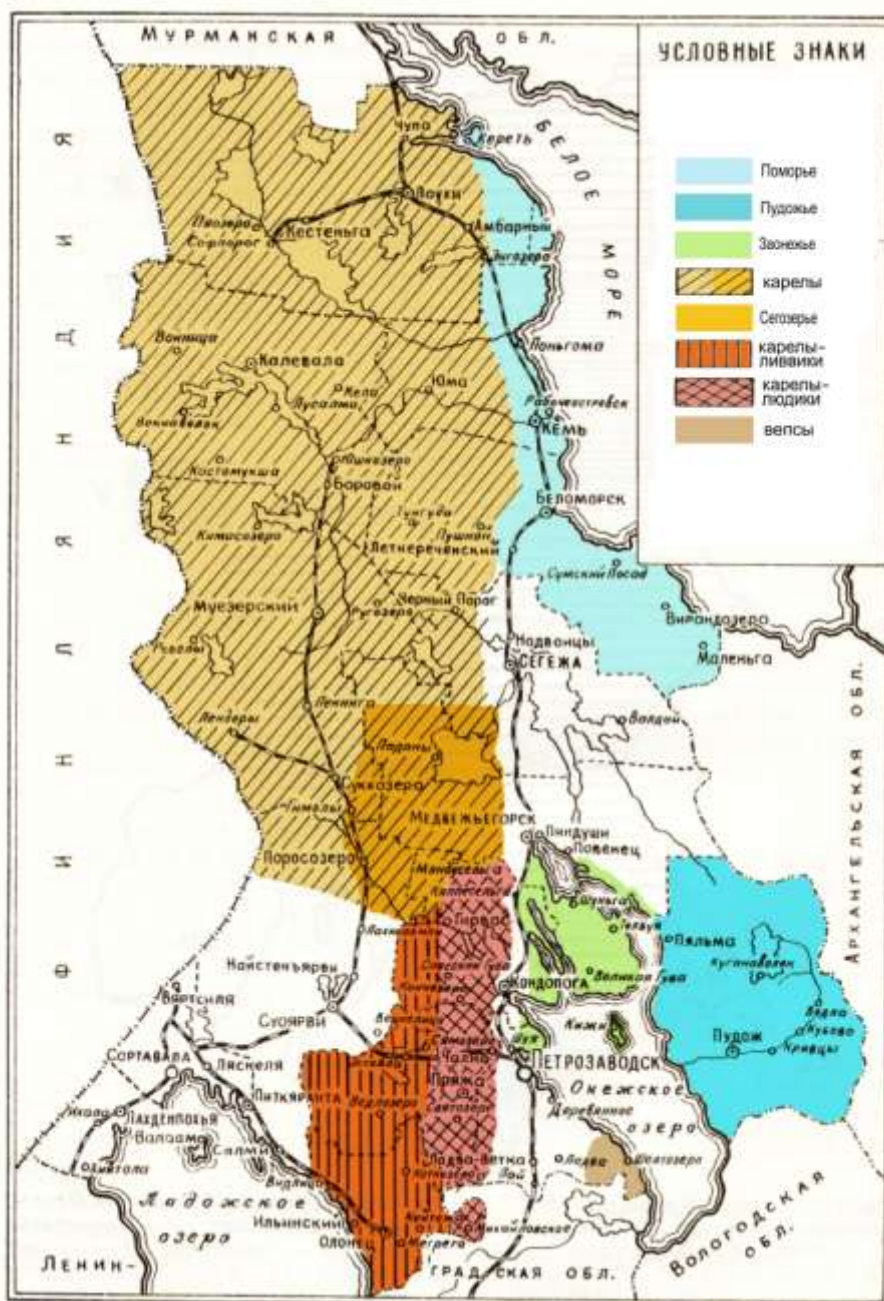
Региональный фактор в каталогизации традиционного народного искусства Карелии (по материалам создания каталога «Традиционное народное искусство Карелии»)

В Музее изобразительных искусств Республики Карелия завершается работа по созданию каталога народного искусства Карелии. В процессе изучения материала коллекции народного искусства, подготовке его к каталогизации, работы над каталогом становился очевидным тот факт, что схемы размещения материала, применяемые для ранее изданных в музее каталогов живописи и станковой графики, в данном случае совершенно не подходят. Прежде всего, понятие «традиционное народное искусство» гораздо более ёмкое чем «искусство живописи», «живопись», «искусство графики», «графика». Оно включает в себя различные техники. Для тканых изделий – это вышивка, ткачество, набойка, шитьё, вязание; для орнаментации изделий из дерева – это резьба, роспись и т. п. А также используются различные материалы – ткани, металл, дерево, керамика. В изданных ранее каталогах мы имели дело или с одним материалом и одной, по сути дела, техникой (живопись). Или, в крайнем случае, с «родственными» техниками при одном материале (графика). Можно, конечно, представить каталог, состоящий из отдельных глав, расположенных в алфавитном порядке и посвященных определенным техникам. Однако это внесет определённую сумятицу при пользовании таким каталогом. В таком каталоге материал, дающий художественную обработку ткани, будет перемешан с резьбой по дереву, керамикой и т. п. Определенный порядок можно внести в систему размещения материала каталога, если объединить в отдельную группу все техники, например, тканых изделий (вышивка, вязание, набойка, ткачество). Подобным же образом можно поступить с другими материалами, скажем с керамикой, металлом, деревом, расположив их, как принято, в алфавитном порядке.

Близким принципом, пользуются многие составители каталогов. Такие каталоги обладают определённой целостностью и достоинствами, так как в них уделено значительное внимание характеристике различных техник, применяемых в народном искусстве, и структура подобного каталог обладает определённой логикой. Например, один из каталогов народного искусства Карелии делится на главы – «Резьба и роспись по дереву», «Вышивка», «Ткачество и набойка», «Одежда конца XIX – начала XX века», «Предметы крестьянского быта и обихода». При дальнейшем распределении экспонатов в каждом из подразделов, например «Резьба и роспись по дереву» возникает много проблем. Размещение материала народного искусства, даже ограниченного определённой техникой, представляет собой колоссальные трудности. Тут возникает бесчисленное количество вариантов решения данной проблемы. Как можно разместить экспонаты декорированные, скажем, в технике резьбы и росписи? Разделить эти техники сложно, т. к. в большинстве случаев предметы крестьянского быта и расписывали, и покрывали резьбой. Например, по предметам (естественно, в алфавитном порядке) или в хронологическом порядке, по авторам или по месту обитания и т. п. Наименее перспективным является распределение предметов по авторам, потому что традиционное искусство в принципе имперсонально и авторство играет в нем второстепенную роль. Практически в каталогах подобного рода материал рассматриваемых разделов группируется по региональному принципу. Скажем, раздел «Резьба и роспись по дереву» подразделяется на «Резьба и роспись по дереву районов с карельским и вепсским населением» и «Резьба и роспись по дереву районов Карелии с русским населением». Последний раздел всё же поделен на следующие главы «Резьба и роспись по дереву Заонежья», «Предметы космозерского (заонежского) художника Абрамова И. М.», «Резьба и роспись по дереву Пудожского района», «Резьба и роспись по дереву Поморья». То есть, по существу, прослеживается региональный принцип распределения материала.

В данном случае такой принцип распределения материала даёт возможность представить всё разнообразие художественной обработки дерева и охарактеризовать особенности техники каждого региона Карелии. В нашем каталоге региональный принцип поставлен во главу угла. Каталог традиционного народного искусства в этом понимании мыслится как сумма каталогов традиционного народного искусства карел, вепсов и русских Карелии со всеми их региональными подразделениями. Это даёт возможность продемонстрировать народное искусство отдельного региона в комплексе, в общем плане и плане отдельного народа, скажем карелов или вепсов, во всем его многообразии. Тут есть ряд положительных моментов и даже преимуществ, так сказать, в структурном, этическом и политическом плане. Впервые мы получаем чёткую, до конца логически продуманную структуру каталога. Искусство отдельного народа складывается из искусства его региональных подразделений. Искусство карел из народного искусства собственно карел, карел-ливвиков и карел-людиков. Народное

искусство собственно карел включает искусство северных карел (условное название карел за исключением падаанских или сегозерских) и карел Сегозерья. Искусство вепсов – преимущественно шелтозерских вепсов, как проживающих на территории Карелии, а также средних и южных вепсов Ленинградской и Вологодской областей. Местное русское население представлено регионами Поморья, Заонежья и Пудожья. Искусство регионов представлено как искусство художественной обработки дерева, керамики, металла, ткани. Далее, впервые мы можем демонстрировать народное искусство отдельных народов Карелии, не распределяя его по отдельным частям каталога. К слову сказать, в последнее время представители отдельных народов (особенно карелы и вепсы), регионов и даже конкретных населенных пунктов живо интересуются «своим» искусством, ожидают его демонстрации на выставках, ищут его в соответствующей литературе. В данном случае подобной демонстрацией налицо уважения к местным малым коренным народам, их искусству, их традициям, к таланту их народных мастеров. Последнее, имеет важное политическое значение, способствуя укреплению дружбы народов, а, следовательно, и укреплению российской государственности в непростой период нашей истории.

Обратимся к региональной карте Карелии. Обратим внимание на то, насколько полно представлено народное искусство отдельных регионов в коллекции музея. Карелия является благодатным краем, где мы имеем дело с богатейшими традициями народного искусства как коренных прибалтийско-финских народов – различных групп карел и вепсов, так и поселившегося здесь позднее, но тоже уже в далёкое средневековье, русского населения. Благодаря долгому отсутствию переселенцев (значительные переселенческие группы появились только после строительства Октябрьской железной дороги) и сохранению в большой степени местного населения

в Карелии сложились ярко выраженные этнические регионы с самобытными традициями и искусством (не только прикладным, но и литературой, музыкой, архитектурой). Так среди карел выделяются собственно карелы (karjalaiset), карелы-ливвики (livviköit) и карелы-людики (lüdik). В ареале проживания собственно карел (который занимает ок. 60 % территории Карелии) выделяется регион Сегозерья со своими оригинальными традициями народной культуры. Сегозерские (паданские) карелы произошли в результате длительного смешения (ассимиляции) собственно карел и сохранившегося с древнейших времен саамского (лоппи – loppi) населения, что и определило их самобытность. Остальная значительная территория обитания собственно карел слабо изучена. Получить полное представление о характере народного искусства данной территории затруднительно из-за незначительности материала в коллекции музея. И язык, и культура «южных» карел значительно отличается от «северных» (собственно карел). Коллекция традиционного народного искусства ливвиков в собрании музея – одна из самых крупных. Вепское население в Карелии относится к северной (шелтозерской) группе вепсов. Две другие группы вепсов (средние и южные) проживают на территории Ленинградской и Вологодской областей. Их искусство также имеется в коллекции нашего музея. Местные группы русских населяют три крупных региона: Поморье, Пудожье и Заонежье. Традиционное народное искусство каждого из них своеобразно, но обладает и определенным сходством. Наиболее богатые и полные коллекции экспонатов народного искусства в собрании музея происходят из двух регионов – Пудожья и Поморья. Местное население данных регионов говорило на различных говорах севернорусского наречия. Территории Сортавальского, Питкярантского, Лахденпохского и отчасти Суоярвского и Прионежского районов заняты преимущественно пришлым населением.

Региональный подход к размещению материала не решил все проблемы, связанные с необходимостью определения места экспоната в структуре каталога. Так у нас в собрании находится коллекция поморских прялок, расписанных карельскими мастерами. Её «отдельной строкой» пришлось поместить в дополнение к разделу искусства собственно карел. Также приходится поступить и с коллекцией оятской керамики, приписанной к искусству вепсов, как и в случае с только что указанными прялками, независимо от места их нахождения. В разделе искусства вепсов помещены и экспонаты, принадлежащие средним и южным вепсам, и материал шелтозерских вепсов, найденный за пределами Карелии (п. Гимрека, Ленинградская область). Кроме того, в собрании музея содержится материал, собранный Л. Н. Белоголовой в совместной экспедиции с Анной Павловой Косменко, по местам проживания ижор. Т. к. речь идёт о народе довольно близком к карелам, народное искусство ижор также размещено в каталоге в разделе «Дополнение». Кроме того, в этом же разделе помещен небольшой материал, относящийся к региону Каргополья, который в этнографическом плане близок к Пудожью и которому трудно найти более удачного места при дальнейшей каталогизации фонда декоративно-прикладного искусства.

Наконец, дальнейшая систематизация материала поставила перед автором каталога вопрос о дальнейшем построении структуры каталога. Как построится структура каталога внутри отдельного региона? Конечно, необходимо выделить главы, где собраны предметы, орнаментированные в единой технике. Правда, расположить эти главы в алфавитном порядке трудновато. Получается, что техники орнаментации ткани, не следуют друг за другом, а разбиваются техникой обработки дерева (резьбой и росписью по дереву). Но, во избежание этого, можно разбить материал каталога вначале по материалам из которого создан предмет, а в дальнейшем проводить разделение по техникам орнаментации. В этом случае, вначале пойдут предметы сделанные из дерева, затем керамики, металла, ткани. В дальнейшем все экспонаты из ткани сгруппировать по техникам: вышивка, вязание, набойка и ткачество. Таким принципом воспользовался я при создании структуры каталога.

В последующем построении структуры нашего каталога идёт распределение материала по предметам. Например, в разделе «Резьба и роспись по дереву» это – валёк, веретено, грабилка, кадушка, короб, ларец, миска, прялка, пяла, рубель, сундук и т. п. Почему, скажем, не пойти по принципу дальнейшего разделения техник орнаментации? Например, раздел вышивки не поделить на вышивку двусторонним швом, крестом, тамбуром, строчкой по сетке, перевитью и т. д. Или отдельно представить технику резьбы и росписи. Конечно можно. Однако тут возникают проблемы. Предмет народного искусства не всегда орнаментирован в одной технике, а зачастую, скажем полотенце вышито тамбуром с перевитью или набором и гладью, а иногда довольно трудно определить преобладающую технику орнаментации. Всё это относится не только в технике вышивки. Характерно это и для других техник орнаментации. Практически невозможно выделить отдельно резные и расписные прялки, многие из них покрыты и резьбой, и росписью. Поэтому выбор предмета в данном случае, по моему мнению, предпочтительней.

Размещение материала внутри группы однородных предметов (предположим прялок) предложено строить не по хронологическому, или алфавитному, а по территориальному принципу. Например, та же группа прялок расположена в каталоге по предполагаемому направлению расселения населения. Для ливвиков и людиков – это с севера на юг, от предполагаемой прародины карелов на Карельском перешейке к выходу на юг к Олонецкой равнине (попросту говоря, получается, от карел к русским), соответственно для северных карел с юга на север. Также распределен материал у вепсов и в русском Поморье. Материал Пудожья и Заонежья с востока на запад. Везде, как мы видим, сохраняется принцип от карел (вепсов) к русским, от русских к карелам или вепсам. За основную единицу в данном случае взят куст деревень – микроареал, в данном случае это территория сельсовета. Такое распределение материала даёт возможность сравнить микроареал с регионом и отметить эволюцию типов, форм и техник оформления материала, по возможности определить некоторые закономерности

изменения предмета по всему пути от одного микроареала к другому. Одна из подмеченных закономерностей – эволюция поморских прялок на территории с юга на север Поморья. В Нюхче – это лопатообразные прялки восточнопоморского типа, а севернее – обычные «поморские», близкие стреловидным узколопастным, правда есть широколопастный их вариант. Далее, на подходе к Кеми эти варианты сменяются оригинальными «кемлянкам» и на рубеже Мурманской области прялками, близкими по форме к «керетским». Таким образом, в целом регион можно представить как сумму микроареалов с несколько отличающимся характером росписи, формы, типом орнаментации и т. п. дающим или плавную эволюцию определённого типа предмета, или определённые ареалы его своеобразия. Соблюдение регионального и «микроареального» принципа даёт возможность каждому экспонату занять в каталоге строго определенное место, которое, при необходимости, можно легко найти. Необходимо сказать, что это несколько не затрудняет восприятие материала каталога. Для «простого» ценителя прекрасного такая «сложная» система расположения материала абсолютно незаметна и не мешает ему наслаждаться высшими образцами искусства наших народных талантов.

Что касается хронологического распределения материала, то подобный принцип появляется на последней стадии структуризации, на стадии размещения материала внутри поселения. В принципе хронология мало что меняет в народном искусстве. Конечно, предметы народного быта меняются со временем, но крайне медленно и незначительно. Основные изменения происходят в 20–30-е годы, в период индустриализации, в период резких изменений в провинциальной жизни деревни и малого города, приводящих порой к гибели традиционного уклада жизни и кризису в искусстве. Но для некоторых регионов основные признаки традиционного искусства сохраняются не только в эти годы, но гораздо позднее – в 50-е и 60-е годы, а в отдельных случаях и в 80-е годы (как например, в Сегозерье). В последнем случае невозможно провести чёткую грань между мастером, продолжающим традиции народного искусства и мастером, использующим данные традиции для своего индивидуального творчества, и квалифицируемым как современный народный мастер.

Необходимо отметить, что региональный принцип в тематической структуре каталога народного искусства вызван необходимостью ясного и логически стройного его построения. В этом случае все отдельные его элементы можно расположить в строго алфавитном порядке. Исключение составляет расположение своеобразных микроареалов, то есть групп близких друг к другу деревень, скажем в пределах одного сельсовета (волости). В этом случае возобладал территориальный подход. Кроме того, превалирование регионального принципа построения каталога позволяет представить целостную, синтетическую картину народного искусства и, таким образом дать более разностороннее и более адекватное представление о традиционном искусстве народов совместно много веков населяющих наш край.

Конкретная структура каталога:

Традиционное народное искусство карел

Основной регион расселения

дерево

1. Плетение.
2. Резьба и роспись по дереву.
3. Прялки и другие деревянные изделия Поморья, расписанные карельскими мастерами.

металл

1. Ковка металлических изделий.

ткани

1. Вышивка.
2. Вязание.
3. Шитьё одежды.
4. Шитьё, головные уборы и украшения.

Сегозерье

дерево

1. Плетение.
2. Резьба и роспись по дереву.

керамика

металл

1. Ковка металлических изделий.

ткани

1. Вышивка.
2. Вязание.
3. Ткачество.
4. Шитьё одежды.

Традиционное народное искусство приладожских карел (ливвиков)

дерево

1. Плетение.
2. Резьба и роспись по дереву.

керамика

металл

1. Ковка металлических изделий.

ткани

1. Вышивка.
2. Вязание.
3. Ткачество.
3. Шитьё одежды.
4. Шитьё, головные уборы и украшения.

Традиционное народное искусство прионежских карел (людиков)

дерево

1. Резьба и роспись по дереву.

ткани

1. Вышивка.
2. Ткачество.

Традиционное народное искусство вепсов

Регион расселения северных (шелтозерских) вепсов

дерево

1. Плетение.
2. Резьба и роспись по дереву.

керамика

1. Оятская керамика (и её распространение на территории Карелии и сопредельных районов).

ткани

1. Вышивка.
2. Вязание.
3. Ткачество.

Регион расселения средних вепсов

ткани

1. Вышивка.
2. Ткачество.

Регион расселения южных вепсов

ткани

1. Вышивка.

Народное искусство русских Карелии

Поморье

дерево

1. Плетение.
2. Резьба и роспись по дереву.

керамика

металл

1. Ковка металлических изделий.
2. Скать.

ткани

1. Вышивка.
2. Вязание.
3. Ткачество.
4. Шитьё одежды.
5. Шитьё, головные уборы и украшения.

Заонежье**дерево**

1. Резьба и роспись по дереву.

металл

1. Ковка металлических изделий.

ткани

1. Вышивка.
2. Вязание.
3. Ткачество.
4. Шитьё одежды.

Пудожье**дерево**

1. Плетение.
2. Резьба и роспись по дереву.

металл

1. Ковка металлических изделий.

ткани

1. Вышивка.
2. Вязание.
3. Ткачество.
4. Шитьё одежды.
5. Шитьё, головные уборы и украшения.

Дополнения:**I. Традиционное народное искусство ижоры****дерево**

1. Плетение.

керамика**кожа**

1. Шитьё обуви.

ткани

1. Вышивка.
2. Ткачество.
3. Шитьё головных уборов.

II. Народное искусство Каргополя**ткани**

1. Вышивка.
2. Ткачество.
3. Шитьё одежды.

Различные типы поморских прялок Карелии

Коллекция кириллических книг и рукописей В. П. Ершова – часть редкого фонда Научной библиотеки Петрозаводского государственного университета

В 2003 году Петрозаводский госуниверситет приобрел коллекцию книг и рукописей кандидата педагогических наук, доцента кафедры философии Карельской государственной педагогической академии Виктора Петровича Ершова, известного в Карелии коллекционера книг, икон, предметов материальной культуры, краеведа и популяризатора истории своего края. В. П. Ершов собирал книги на протяжении многих лет, однако большая часть их приобретена была в Медвежьегорском районе, во время работы в школе-интернате (1960–1974 годы).

Коллекция включает в себя 4 рукописных книги, 51 печатную кириллическую и 9 книг гражданской печати, а также 6 книг, исписанных гражданской скорописью. Кириллическая коллекция, о которой и пойдет речь далее, представляет собой по содержанию достаточно полный круг богослужебных текстов: здесь служебные минеи, псалтири, евангелия, часовники, канонники, писания Отцов Церкви, житийная литература и др. Хронологические рамки коллекции охватывают XVI–XX века.

Наиболее ценными и уникальными, вероятно, следует признать книги рукописные: «Псалтирь с воследованием» (середина XVI в.), «Службы явлению иконы Казанской богородицы и мученице Парасковии» (1840-е годы), «Жития Прокопия и Иоанна Устюжских» (посл. четверть XVII в.), «Деяния апостолов» (1720–1730-е гг.). Научное описание рукописей было сделано доктором филологических наук А. В. Пигиным и впоследствии вошло в региональный каталог рукописных книг Карелии.

Из печатных книг четыре – XVII века. Это «Псалтирь с воследованием» 1632 г., до недавнего времени бывшая самой старой русской печатной книгой в НБ ПетрГУ, «Канонник» 1641 года (печатник Василий Бурцов), «Служебная минея за сентябрь–ноябрь» 1666 г. и Иоанн Златоуст «Беседы на евангелиста Матфея» 1664 г. Все книги содержат различные владельческие записи, не считая Минеи, которая, тем не менее, представляет собой интерес для истории книгопечатания. Известно, что тираж ее был немалым для того времени – не меньше 3600 экземпляров, однако расходилась она плохо («в мир походу мало»), так что 2150 непроданных книг были взяты «к великому государю». Непопулярность этого издания объясняется наличием в одной книге текстов миней 3-х месяцев, что было нарушением древних русских традиций и очень неудобно для служебной минеи.

Этапным для русского книгопечатания был также и «Канонник» В. Бурцова – первая книга с титульным листом, выпущенная Московским печатным двором (к сожалению, в нашем экземпляре он утерян).

XVIII век представлен в коллекции 19-ю книгами, кроме того 9 книг издано в начале XIX в. (до 1830 г.), остальные – с 1831 по 1917 г.

Экслибрис В. П. Ершова

Среди книг XVIII в. наибольшую библиографическую ценность представляет купленная Ершовым в Петрозаводске «Псалтирь» (июнь 1742 г.). Эта дефектная книга, без переплета и, конечно, без выходных данных, хоть и отражена в последнем фундаментальном каталоге книг XIII века,² значится среди изданий, «известных по литературе», т. е. в крупнейших библиотеках Москвы и Санкт-Петербурга ее нет.

Довольно значительную часть коллекции составляют старообрядческие издания. Их 14, при этом половина принадлежит нелегальным типографиям конца XVIII – начала XIX вв. Не считая двух псалтирей, напечатанных в Вильно, все они вышли из нелегальных типографий в Клинцах. Место издания остальных книг коллекции, за исключением четырех украинских и одной петербургской, – Москва.

Если мы обратимся к истории дальнейшего бытования книг, то выяснится, что в основном они хранились на территории Карелии, большей частью в Медвежьегорском районе, что вполне объяснимо, т. к. именно там с 1960 по 1974 годы они и были собраны. Две рукописи были приобретены в Заонежских деревнях несколько позже: «Псалтирь с воследованием» в деревне Пустыня в 80-е гг., «Деяния апостолов» – в деревне Кузаранда в 1976 г.

¹ Памятники книжной старины Русского Севера : коллекции рукописей XV–XX веков в государственных хранилищах Республики Карелия / сост., отв. ред. и автор предисл. А. В. Пигин. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2010. – 607 с.

² Гусева А. А. Свод русских книг кирилловской печати XVIII века типографий Москвы и Санкт-Петербурга и универсальная методика их идентификации. – М. : Индрик, 2010. – 1251 с.

Со слов собирателя мы знаем, что все служебные минеи (в т. ч. «Минея на сентябрь–ноябрь», 1666 г.), два «Пролога» (после 1788 г.), поздние «Апостол» и «Типикон» (всего 16 книг) были куплены у учителя из с. Паданы Константина Траушкина. В каталоге кириллических книг и рукописей Карельского государственного краеведческого музея³ это имя упоминается в связи с двумя поздними богослужебными книгами (№ 168, 171), которые «переданы расформированным музеем Паданской школы, организатор музея – К. А. Траушкин». Произошло это, судя по акту, 05.09.1973 г. В. П. Ершов приобрел книги в 60–70-е годы, а Траушкин вынес их из Паданской церкви после ее закрытия в конце 50-х.⁴ Виктор Петрович помнит гору сваленных посреди церкви книг, но сам он тогда смог унести только то, что показалось ему наиболее ценным: клировые книги.

Минея служебная. – М., 1778

«Типикон» (1877 г.) содержит прямое подтверждение этому, полистная запись (скрепа) гласит: **«Книга сия Паданской Богоявленской Церкви выписана на церковную сумму из хозяйственного управления при Св. Синоде и получена 31 марта (повторяется дважды) 1886 года, а подписал благочинный Паданских Церквей Священник Феодор Русанов»**. Примечательна одна из служебных миней: февральская, 1778 г. Нужно сказать, что книги из Паданской церкви в смысле сохранности смотрятся приятным исключением на фоне других книг коллекции, но эта выделяется еще и богатым оформлением: у нее позолочен обрез, обклейки крышек и форзацы «павлиньей бумаги», а главное – на обеих крышках кожаного переплета вытеснен золотом суперэкслибрис – российский орел. К сожалению, пока не удалось установить владельца, не исключено, что это кто-то из членов царской семьи.

Две книги содержат упоминание церкви Кижского прихода.

Это «Ирмологий» 1743 г., на котором записано: **«Сия книга Кижскаго прихода церкви Преображения Господня казеная»** и «Псалтирь с воследованием» 1632 г. Она была куплена на рынке в Петрозаводске, а привезена из деревни Волкостров. На книге несколько записей разного времени, но особый интерес представляет вот эта скрепа по л. 4–33 (2-го счета) скорописью XVII в.: **«Сию книгу псалтирь с следованием положил в дом великому чудотворцу Николаю Везарукския волости житель Мелентей Иванов сын Кожинъ с товарищи своими по обещанию своему а подписал по его Мелентиеву с товарищи веле[нь]ю Кижскаго погоста Костка Семенов Сын Попов»**. Этой записью заинтересовались наши коллеги из музея – заповедника «Кижы», которые, благодаря упоминанию «Костки Семенова», установили по документам, что книга вложена была не ранее 1696 г., между тем как, по мнению исследователей деревянного зодчества Карелии, Никольская часовня в деревне Вёгурокса была построена в середине XVIII в.⁵

Нередки случаи, когда страницы книг использовались для записи каких-то памятных семейных событий: смертей, рождений и т. д. Одна из таких книг донесла до нас рассказ о семье Еремеевых из деревни Пустынь. Это «Страсти Христовы».⁶ – [Клинцы] : В типографии, позволенной Высочайшею Властью [тип. Ф. и А. Карташевых, после 1801], где сообщается: **«1918 года 31 го Марта въ 5 часовъ вечера померъ Андрей Павловъ Еремеевъ»**. Упоминаются и другие члены семьи, в т. ч. **«жана, Андреева, Еремеева»**, 7 сыновей перечислены по именам, к старшему из них перешла книга (**«Книга принадлежит Алексею Еремееву»**). Есть и такая запись: **«...1929 го 20 апр скончался бладенецъ (так!) Василий Александр отъ роду житія его 2 год»**. Несколько поминальных записей содержит другая старообрядческая книга, «Псалтирь» с ложным выходом: Вильно,

³ Коллекция рукописных и печатных книг кирилловского шрифта : каталог / сост. науч. сотр. Н. М. Панова, рец. канд. ист. наук И. А. Чернякова. – Петрозаводск, 1997. – 88 с.

⁴ В Паданах были церковь Рождества Богородицы и приписная к ней Богоявленская.

⁵ Подробнее см.: Харебова Л. С. О памятниках книжной культуры Заонежья : (по материалам каталога старопечатных книг кириллического шрифта Республики Карелия) // Рябининские чтения – 2011. (В печати).

⁶ Страсти Христовы. – [Клинцы] : В типографии, позволенной Высочайшею Властью [тип. Ф. и А. Карташевых, после 1801].

1795 г.: «1931 года месяца октября 10 по 23 ...скончался Миша», «Семень помер 1896 года октября 10 дня», «Петръ померъ 16 ноября 1899 родился 21 декабря 1770 (ошибка – 1870?) года жития его было 30 летъ безъ одного месяца сорочины 25 декабря», «Степан умеръ 15 мая(?) 1904», «Батюшка умеръ 2... 1897 года 61 года отъ роду упокой Господи со...».

Очень интересные записи, к сожалению, трудно читаемые, содержит «Устав о христианском житии», изданный в Типографии., дозволенной Высочайшею Властью после 1802 г. (Ложный выход: Почаев, 1795 г.). Написано карандашом, простым почерком, записи полустершиеся, обрывочные. Здесь приводится то, что удалось разобрать: «1934 г 26 ноября пишу – Анисимовъ Митрій Федоровъ деревни Батовой⁷ – а живемъ (у шабал...?) 2 годы пофинами в...? 2–9 со старушкой – остальные дети – кое-где хлебъ получаем отъ финновъ – норму – вмесяць по 7 1/2 килогр. значить – 37 1/2... вмесяць сахару на двоихъ – 1-килогра... 2 1/2... масла коровьего 2 кг вмесяць чай – 40 руб. сар. 3... кусочка соль 28 кило сапоги 700 валенки – 300 р. иное было время. все бабы лопатами зем...копали (картошку лопатами зарывали)? народ 120 грам в сутки норму получал... 150 ру были», «3 января 1947 года Анисимов Митрий Федоров и все». По предположению В. П. Ершова, запись представляет собой своеобразный дневник о днях финской оккупации.

Эти немудреные записи донесли до нас имена безвестных крестьян, но есть среди владельцев книг и люди непростые. Вот как выглядит сохранившаяся часть вкладной записи в виде скрепы на книге Иоанна Златоуста «Беседы на евангелиста Матфея», 1664 г.: «...и Спаса нашего Иисуса Христа в Кожеозерский монастырь отходя сего света при смерти своей отказаль сию глаголемую книгу Беседы евангельския того же Кожеозерского монастыра постриженникъ монахъ Боголепъ Львовъ вечнога ради своего помяновения и будущаго ради покоя». Твердый четкий полуустав, совсем не похожий на почерк умирающего, заставляет нас предположить, что запись сделана не самим Боголепом.

А. В. Пигин, чьи консультации всегда очень помогали нам в работе с кириллическими книгами, особенно в чтении скорописи, не мог не заметить этого имени. Его статья в газете «Петрозаводский университет» стала первым откликом на эту находку.⁸

Кожеозерский монастырь, основанный в XVI в. в Каргопольском уезде Архангельской губернии, известен сразу несколькими подвижниками, среди которых святой Никодим Кожеозерский, а также тем, что одним из его игуменов был будущий патриарх Никон. Именно отсюда он ушел когда-то по монастырским делам в Москву и больше не вернулся.

Борис Васильевич Львов (в монашестве Боголеп, ум. 1675 г.) судя по имеющимся о нем сведениям, фигура очень интересная и неоднозначная. Это был образованный человек, составивший хорошую библиотеку, где среди прочего была, например, ценная математическая рукопись, автор Жития Никодима Кожеозерского. Происходил он из московского боярского рода Львовых, один из его братьев, Григорий Васильевич, был думным дьяком, обучал грамоте будущего царя Алексея Михайловича и имел связи в самых высших кругах. Неизвестно, как такой человек оказался в бедной Кожеозерской пустыни, но по времени это событие совпало с появлением Никона. Конечно, в связи с этим, возникает вопрос об их отношениях. С. В. Лобачев⁹ высказал предположение, что именно «Боголеп Львов, имевший обширные связи при дворе, открыл Никону двери в царский дворец». Да и расцвета своего монастырь достиг именно в бытность игуменом Никона и не в последнюю очередь благодаря богатым вкладам и от самих братьев Львовых, и от их знакомых из московской знати. Известно, что после ухода Никона Боголеп, и так не отличавшийся монашескими добродетелями, став хозяйственным руководителем монастыря («строителем») и чувствуя себя полновластным хозяином, дал полную волю своему нраву. На соборе 1666 г. фигурировала поданная кем-то «роспись винам старца Боголепа», где он обвиняется во многих грехах. После смерти старца в 1675 г. его келейная библиотека, состоявшая из 44 книг, стала частью вклада в монастырь (самого богатого за все время существования последнего), вероятно и наша входила в их число. Каким образом книга попала в Карелию, мы вряд ли когда-нибудь узнаем, даже откуда она появилась у В. П. Ершова, он, к сожалению, не смог вспомнить. Внешний вид ее говорит красноречиво об условиях, в которых книга находилась: переплета нет, начинается с 56-го листа, нет конца и многих листов в середине. Вообще, состояние многих книг из коллекции оставляет желать лучшего: отсутствие переплетов, грязные листы, дефектные книжные блоки, грибковые поражения, мусор между листами и в корешках говорят красноречиво о местах их хранения: дровяных сараях, чердаках, амбарах. Из «Псалтири» 1632 года вырвано в два приема 73 листа в середине, великолепный «Альбом Мейерберга» (1903 г.), по словам Ершова, собирались сжечь, а рукопись XVI в. валялась за печкой. Но наряду со всем этим порой те же книги хранят следы лучших времен, когда их читали, берегли, подклеивали утраченные листы, дописывали текст, заново переплетали.

Кроме описанной коллекции книг библиотека ПетрГУ получила от В. П. Ершова ценный подарок – клировые книги, когда-то вынесенные им из Паданской церкви. Это пять собранных по годам и переплетенных в виде книг стандартных клировых ведомостей и «Входящий журналъ благочинного 3-го округа Повенецкаго Уезда Протоиерея Феодора Русанова за 1892, 1893 г.».

⁷ Батово – деревня в Заонежье.

⁸ Пигин А. В. Из библиотеки Боголепа Львова // Петрозаводский университет. 2004. № 34 (19 нояб.).

⁹ Лобачев С. В. Патриарх Никон. – СПб. : Искусство-СПб., 2003.

Клировая ведомость или список лиц духовного ведомства, как документ церковного делопроизводства, пока мало привлекается к научным исследованиям, хотя имеет для этого все основания. Что такое клировая ведомость? Каждый год священник должен был заполнять подробную стандартную ведомость, отражающую все стороны церковной жизни. Помимо сведений о приходском духовенстве (социальное происхождение, образование, профессиональная деятельность, сведения о членах семей), клировые ведомости содержат историю церковных построек, описание земельных владений, имущества, библиотек, сведения о школах, училищах, хозяйственной деятельности. Кроме этого требовались сведения о прихожанах: количество дворов, число жителей в приходе, причем с учетом разбивки по сословиям и полу, а также вменялось в обязанность выявление раскольников.

Клировые книги из Паданской церкви содержат сведения на 1895, 1903, 1904, 1906, 1912 годы по не менее, чем 20 церквам приходов Повенецкого уезда: Янгозерского, Масельско-Паданского, Ребольского, Селецкого, Ругозерского, Сондальского, Коргубского и др. В ведомости за 1912 г. упоминается Сяргозерская Единоверческая Зосимо-Савватиевская церковь (священник Григорий Захарович Фортунатов).

В книги вложены несколько документов более позднего времени. Один из них представляет собой написанное на двух листках из школьной тетради постановление прихожан Паданского прихода от 29 ноября 1927 г. Собрание (председатель М. С. Потапов, секретарь С. М. Маккоев) постановило просить епископа о. Василия за неимением священника ввести в сан псаломщика Струнина П. З., а также «наградить нового священника набедренником, что послужит ему большой и первой наградой для будущего его служения в пользу Вере и Церкви Христовой». Другой любопытный документ – список верующих, записавшихся в Религиозное Православное общество на 1926–1927 г. Список содержит 110 фамилий, написан химическим карандашом, скорописью, которая не всегда читается, тем более, что местами записи стерлись или расплылись, а бумага измята и порвана.

Приобретение коллекции Ершова, несомненно, стало этапным событием для сектора редкой книги Научной библиотеки Петрозаводского государственного университета. На примере этой коллекции мы можем сказать, что книжные памятники не только украшают библиотеку, но и могут использоваться для научной и просветительской работы.

Галина Акбулатова, писатель

По следам «Осударевой дороги»

«Учителя мои рассказывали о каком-то волшебном колобке: колобок катится, а человек идет за ним в какую-то чудесную страну... Так я и пошел на Север за колобком в край непуганых птиц...»

Михаил Пришвин

«Пришвин – это русский писатель... который занимался житнетворчеством в условиях советского времени и который вышел из этой жизни победителем, потому что фактически он сумел сделать всё то, к чему он стремился. А скажем, такие писатели, как Платонов или Булгаков, скорее жили с ощущением личной неудачи, с ощущением того, что им не удалось сделать то, что они хотели...»

Алексей Варламов,

автор книги «Пришвин, или Гений жизни»

За волшебным колобком

Пришвин, родившийся в срединной России (Орловская губерния), не раз говорил, что писателем его сделал Север. Он с удовольствием путешествовал по *краю непуганых птиц*, любил беседовать с самобытными, трудолюбивыми жителями-староверами, не знавшими татаро-монгольского ига и крепостнической неволи. Собственный же родной край («черное сердце России»), как и населявший его мужик Пришвина в тот период начала писательского пути порядком отпугивал:

«Если я пойду за ними (богомольцами. – Г. А.), то приду не на Север... а в родную деревеньку в черноземной России... Я увижу черную икону с красным огоньком, на которую молятся наши крестьяне. На этой таин-

ственной и страшной иконе нет лика... кроткий огонек лампы... всегда отражается красным, беспокойным, зловещим пламенем...».

На северном материале Пришвин написал свою первую сказку («За волшебным колобком», Петербург, 1908) – и последнюю – «Осударева дорога» (Петрозаводск, журнал «Север», 1957). В первой, написанной на основе популярной народной сказки – про Колобка: «*Я от дедушки ушёл. Я от бабушки ушёл...*» – завязаны все узлы последней, которую Пришвин считал своей главной книгой и которой, по его признанию, в целом – от задумки до воплощения – отдал шестьдесят пять лет (!). Случай редкий, если не редчайший, не только в русской, но и в мировой литературе.

В народной сказке, как вы помните, финал печальный: Колобок поверил хитросплетениям словес лисы, и та его съела. То есть, если считать историю о Колобке закодированной притчей о некоем страннике, призванном пройти путь испытаний и *очиститься*, то Колобок испытания не выдержал.

Исследователи народной сказки причину тому видят в самой округлой форме Колобка, обусловившей его «морально-нравственную» неустойчивость и как результат – *падение*: «*Колобок погиб потому, что скатился, покатился и катился...*» (Г. В. Цивьян. Роковой путь Колобка. Язык культуры: семантика и грамматика. М., 2004).

Пришвинский Колобок вроде бы такой же: «полежал, полежал, да вдруг и *покатился с окна на лавку, с лавки на пол, по полу да к дверям, перепрыгнул через порог в сени, из сеней на крыльцо, с крыльца на двор, со двора за ворота – дальше, дальше...*». Однако на этом похожесть и кончается. В народной сказке Колобок сам себе хозяин: и ведущий, и ведомый. Он настолько самоуверен, что не прислушивается к голосу опасности, из-за чего и попадает в «губчека» – на язык хитрого Лиса (лисы).

У Пришвина Колобок – *вожатый*, вроде Вергилия из «Божественной комедии» – помогает герою-повествователю в поиске благодатной северной земли. О ней герой расспрашивает бывалых людей, к которым опять же приводит его Колобок-Вергилий:

«– Укажи мне, дедушка, землю, – прошу я, – где не перевелись бабушки-задворенки, Кощеи Бессмертные и Марьи Моревны...».

И тут герой узнает чрезвычайно удивительное для себя: оказывается не только на его родине, в срединной России, но и на севере есть своя *Дурновка* («название деревни в «орловской» повести его земляка Ивана Бунина «Деревня»), пусть и зовется она несколько по-другому:

«– Поезжай в Дураково, – отвечает старик: – нет глуше места...».

«Шустрый дед!» – подумал я, собираясь ответить смешно и необидно. И вдруг сам увидел на своей карманной карте Дураково – беломорскую деревню против Соловецких островов. – Дураково! – воскликнул я. – Вот Дураково!».

Далее герой узнает, что дураковцам нужен начальник, но никто из начальников в Дураково ехать не хочет, а им позарез требуется *разделить море*. Приняв героя-повествователя за барина, один из дураковцев агитирует его приехать к ним и помочь в их беде:

«– Приезжай, приезжай, у нас хороший, приемистый народ. Живем мы у моря. Живем в стороне, летом семушку ловим, зимой зверя промышляем. Народ наш тихий, смиренный; ни в нем злости, ни в нем обиды. Народ, что тюлень. Приезжай...».

Герой в конце концов соглашается. И не ошибся: перед ним «*высокий берег... На песок к берегу с угора сбежала заморская деревушка. Повыше – деревянная церковь, и перед избами много высоких восьмиконечных крестов*». А «*на самой вершине угора девушки водят хоровод, поют песни, сверкают золотистыми одеждами. Как в сказках...*».

Гость знакомится с местными Марьей Моревной, Иванушкой, Кошеем, бабушкой-задворенкой, мужичком-с-ноготок, что «журчит свою сказку». Но сказка тотчас кончается, как начинается дележка моря, то есть тоней – мест, богатых рыбой. «*Что-то недоброе, что-то недоброе!*» – *шепнул мне волшебный колобок*.

И впрямь:

«– Монахи самые лучшие тони отобрали...» – слышит герой. – Да «как же они смели? По какому праву?» – горячится тот. В ответ:

«– Права у них, батюшка, давние, еще со времени Марфы Посадницы.

– И вы их уважаете, эти права?

Старцы чешутся, поглаживают бороды; очевидно, уважают.

– Раз у монахов такие стародавние права, как же могу я вас с ними делить?

– А мы, ваше превосходительство, думали... *отчего бы тебе этих монахов не согнать?*». (Курсив мой. – Г. А.).

«До этих слов – говорит герой, – я все еще надеюсь, все еще думаю выискать в своей записной книжке яркую страницу с цифрами и разделить море и соединить поэзию, науку и жизнь. Но вот это роковое слово: «согнать»... Я – враг этих длинных рыб на архиерейском столе... Но я не могу...» *«И, боже мой, как заливаются смехом мой волшебный колобок!»*.

Отсмеявшись, Колобок вдруг (ах, это роковое русское «вдруг»!) исчезает, ну словно бы его никогда и не было. Исчезновение Колобка-Вергилия меняет судьбу героя-повествователя. Отныне он сам себе путеводитель. Его маршрут – чудесная «страна без имени». Только песенка у героя отчего-то старая:

«Вот если бы нашелся теперь гигантский человек, который восстал бы, зажгет пустыню по-новому, по-своему. Но мы сидим, слабые, ничтожные комочки, у подножия скал. Мы бессильны...».

Добрый папаша и имеющие власть

Такой гигантский человек нашелся. Да не один, а много. И «зажгли» они по-новому, по-своему Россию-матушку, отменив ее прошлое ради будущего, сделал «страной без имени» (ну не будешь же считать именем аббревиатуру «СССР»). И стало герою *«радостно от этого сознания, что вот можно жить без прошлого и что-то большое начать...»*.

Это «большое» самому Пришвину суждено было увидеть летом 1933 года на строительстве Беломорканала имени Сталина в том самом *краю непуганых птиц*, который он посетил почти тридцать лет назад. Тогда же познакомился писатель лично и с *гигантскими человеками-чекистами*.

В том же 1933 г., размышляя о том, *«как писать»* в новых исторических условиях, Пришвин делится своими сомнениями в «Дневнике»:

«Хорошо бы на работе своей о канале надписать: “Добрый папаша, к чему в обаянии...” И я бы написал, но мне это нельзя теперь, и я пишу так, что Ванюшка (читай – Зук. – Г. А.) остается в “обаянии”. И так надо, и так хорошо, что я не могу: Ванюшка должен расти в “обаянии”, правда извне пересиливает мою личную правду превращает ее в балласт: я сбрасываю этот балласт и через это действительно делаюсь «сам» и выше лечу... (“приспособление”?)».

Пришвин цитирует некрасовскую «Железную дорогу». Позволю себе расширить эту цитату:

«Добрый папаша! К чему в обаянии/ Умного Ваню держать?! Вы мне позвольте при лунном сиянии/ Правду ему показать./ Труд этот, Ваня, был страшно громаден – / Не по плечу одному!/ В мире есть царь: этот царь беспощаден,/ Голод названье ему...».

Хорошо известно из свидетельств бывших «каналоармейцев» (например, из повествования Ивана Солоневича «Россия в концлагере»), что именно голод стал той силой на строительстве Беломорканала, что позволяла *гигантским человекам* Сутуловым управлять огромными массами заключенных. Манипулируя пайкой хлеба (то в сторону увеличения, то уменьшения), добивались полной покорности голодного человека.

«Губы бескровные, веки упавшие,/ Язвы на тощих руках,/ Вечно в воде по колено стоявшие/ Ноги опухли; колтун в волосах...».

Слишком, слишком некрасовские строки напоминали Пришвину увиденное на Беломорканале, но он не мог позволить себе быть некрасовским рассказчиком (это стоило бы скорее всего писателю жизни). И потому был принужден *приспособиться*, выступить в роли «доброго папаши», литературного генерала. Ведь именно как генерала и встречали его на Беломорканале.

«С волнением думал я, дадут ли мне хорошо посмотреть на избранный мной в начале литературной деятельности для описания край, возможно ли будет сделать снимки с тех камней, по которым бежал когда-то сфотографированный и помещенный в книгу моей водопад. Все зависело, конечно, от начальника /.../ Секретарь доложил обо мне:

– Писатель Пришвин.

– Пришвин! – воскликнул начальник. Пришвину надо показать “все на свете и топор”...» (Из Дневника).

Как тут опять не вспомнить Колобка. Ведь его встреча с зайцем, волком, медведем – это, прежде всего, встреча с превосходящей силой, с *«имеющим власть»*, страх перед которыми нужно преодолеть. И Колобок его преодолевает. Каким образом? Песенкой: *«Я от дедушки ушёл. Я от бабушки ушёл...»*. Эта песенка, говорит исследователь Н. И. Толстой в статье «Секрет Колобка», по сути – «текст творения, который, согласно народным представлениям, сам по себе имеет магическую оборонительную силу».

Такую *магическую оборонительную силу* имели и «песенки» – тексты самого Пришвина:

«Книгу мою «В краю непуганых птиц» строители тут читали с большим интересом, она ходила тут из рук в руки...».

В поисках жанра

Об *осударевой дороге* Пришвин намеревается писать вопреки традиции, то есть не хочет идти *«тем самым путем, каким шли наши классики»*, подавая *«литературу свою как жизнь»*. Отныне он исходит из того, что *«литературное творчество становится таким же житнетворчеством, как дело понимающего и уважающего себя бухгалтеря»*. Отныне он отказывается подавать *свою литературу как жизнь*, а ищет выход из жизни в литературу. То есть он хочет не *отражать*, а *преобразжать*. Что, по мнению Пришвина, возможно только в сказке. Но опять-таки, не в традиционной, которая рождается тогда, когда «старые люди, свидетели забытого новым поколением, начинают сказывать о том, что было когда-то в некотором царстве, в некотором государстве...», а в новой, пришвинской. Поэтому будет он *сказывать* не о том, *что было*, а о том, *что есть* – о сегодняшнем, то есть об **ускорении и движении потока**:

«Их было тысячи разных людей, разных народностей, и каждый, мелькнув, выпадал из памяти, как выпадает фигурка из пены воды, бьющейся на камнях порога. Их множество, таких фигурок, возникает в потоке людском, и каждая, мелькнув на мгновение, отнимает надежду искать какого-то смысла в своем появлении и мгновенном исчезновении. Так бывает с нами и на улице, пока не покажется **особенное лицо**, и через него вдруг появится смысл во всяком лице...».

«Особенное лицо» в «Осударевой дороге» – это руководитель стройки, чекист Сутулов (*«...бритый, выдающийся вперед подбородок... во лбу и глазах... сила»*). Именно он устроил в русской пустыньке – Выгореции – потоп. И ушла под воду страна непуганых птиц со всеми своими церквями, избами, восьмиконечными крестами, песнями и хорами:

«Столетиями, из поколения в поколение под Надвоицами шумели три водопада, и казалось всем жителям, будто вечно были эти падуны и навеки дано им шуметь...». «Но колодцы были пробиты – двадцать семь, и в них было заложено до двести кило аммонала. Это был исторический взрыв всего Выговского края...». «Взрыв был такой силы», что потомки прежних раскольников (*«могучие люди!»*), тех самых, что «в борьбе с царем-антихристом... когда-то сумели заселить и привести в цветущее состояние весь этот дикий Выговский край, теперь... были *вне времени*...».

После «исторического взрыва» спасся один Ноев ковчег, да и тот оказался **как Всадник без головы**:¹

«В разных местах видят плавину с ее великим населением, но только показалось – и нет ее: то ветер завернет, то далеко от берега станет на мель, ничего разглядеть нельзя. А потом снова поднимается ветер и уносит опять неизвестно куда, и опять там и тут, как Всадник без головы...».

Всадник без головы... Что за странный образ! Неужто все дело в Майн Риде («Вчера читал “Падун”² и был очень обрадован: если бы мне удалось сделать из этого фабульную вещь, вроде “Всадника без головы”»)? Да нет, Майн Рид здесь не при чем, своих грехов хватает. И о них знает староверческий народ. Знает да помалкивает, все больше о досюльном говорит. Слово только царь Петр на Руси и был. А вот Николая не было. И царевича Алексея не было. Не вступились за убиенных, за слезинку невинного ребенка, и, значит, согласились с *обезглавливанием* Руси. И носятся теперь на плавине фата-морганой, всадником без головы, следом – «конь блед и сидящий на нем». То есть смерть.

А рядом заполняются чужими людьми родные северные пространства:

«Раньше у нас лесные пространства на севере медленно заполнялись **своими** людьми, века проходили, и все была незаметна человеческая власть над природой... Но теперь пришел **чужой** человек, нездешний, пришел с новой мыслью, разрушающий старое медленное время расселения людей только **своими** людьми...», – делится с читателем герой-повествователь. (Выделено мной. – Г. А.).

Повествователь согласен с чужим человеком: старое медленное время необходимо разрушить. Также необходимо *«не своим только родом идти вперед по земле и не для себя самого строить починки, а... для всех народов...»*.

¹ Тема *всадника* – одна из ключевых в размышлениях Пришвина об «Осударевой дороге». За «Всадником без головы» (Майн Рид) и «Медным всадником» (Пушкин) просматривается тень *бледного всадника* (Апокалипсис).

² Одно из предшествующих названий «Осударевой дороги».

Вот какую земшарного масштаба задачу предстояло решать *гигантским человеком* на северном российском пространстве, а писателям – воплотить их подвиги в новых формах и новых жанрах.

И все-таки – сказка!

Втиснуть новое содержание в испытанную форму сказа оказывается затруднительным для писателя: ведь то, что органично для «Волшебного колобка» 1908 г., категорически не подходит для «осударевой дороги» 1933 г: другое время, другие песни. Создание же сказа на основе недавних событий под водительством писателя, который еще здравствует, – это скорее задача для народных сказителей с их наивным мифопоэтическим сознанием, но не для современного писателя, имеющего за плечами трагический опыт революции и гражданской войны. К тому полно свидетелей. И не только свидетелей, но и участников, и жертв режима. Жестокость сталинской эпохи требует от честного писателя не сказа-утопии, не пришвинского «мы все на канале», а скорее антиутопии, как у Андрея Платонова – «Котлован», где все не *на*, а *в*... В котловане, в аду.

Пришвин, безусловно, это сознавал. Но показывать ад категорически не хотел, убеждая себя: «свет и во тьме светит...». И убедил. Убежденность эта в немалой степени подкреплялась тем, что самому писателю удалось избежать Гулага. Не случайно, в очерке «Соловки» (1933 г.) появляются такие строки:

«Дорогой друг! Не хотел бы я быть заключенным и вовсе не потому, что боялся бы утратить личную свободу, – нет! Я не хотел бы в заключение только потому, что едва бы мог найти в себе такую силу, чтобы справиться с чувством личной обиды, мешающей, независимо от себя, уязвленного, следить за движением истории...».

Отсутствие *личной обиды* и решило окончательный выбор писателем жанра: все-таки *сказка* (хотя, как известно, далеко не во всякой сказке, в том числе и в русской, *свет светит*).

Закономерен вопрос – *для кого* сказка? Ну уж явно не для искушенных вроде Максима Горького. Они-то видели гулаговский ад (правда, – *сверху, со стороны*) и на Соловках и на Беломорканале. А некоторые, как например, хорошо знакомый Пришвину философ Лосев, и отбывали там срок. Тогда для кого сказочка? «Для позитивиста», – отвечает Лосев в своем знаменитом труде «Диалектика мифа». Причем, «не для всякого, а специально для позитивиста XVII–XIX веков», верящего, что развитие человечества связано с прогрессом, а прогресс – это поступательное движение к одной определённой цели.

Неизвестно, согласился бы Пришвин с таким определением (уж кому-кому, а ему, пережившему мужицкие погромы, всероссийскую послереволюционную разруху, было хорошо известно, что за прогрессом часто следует регресс, которым определенная часть человечества отбрасывается на десятилетия, а то и столетия назад). Ведь он придумывал сказку не для замшелого позитивиста *времен Очакова и покоренья Крыма*, а для *нового*, советского читателя, который уже не знал ни Библии, ни философии, ни тысячелетней истории России, а знал одно: старая Русь – плохая Русь – и верил только в нового Царя-батюшку («Отца народов») да еще в *инженера человеческих душ* – писателя.

По замыслу Пришвина, в его романе-сказке должны были сойтись: старая, уходящая Русь, и новая, нарождающаяся. Затопление старой Руси в связи со строительством Беломорканала – и ее возрождение с уже другими, обновленными людьми.

Работая над сказкой-былью, Пришвин, часто обращался к пушкинскому «Медному Всаднику» и народным легендам о Петре Великом, проложившем в непроходимых лесных дебрях, сквозь болота и топи «осудареву дорогу», благодаря которой, если верить опять же легендам, Петр Великий и вывел Россию в Европу.³

Теперь, согласно сказке-были Пришвина, над петровской «осударевой дорогой» (увы, она так и не вывела россиян на европейский цивилизационный уровень. Но разве *миф* куда-то может вывести? Скорее – *завести*) пролегла новая и уже не мифическая, а *настоящая* дорога – Беломорканал: «...на том самом месте, по той самой Выгореции прошел Беломорско-Балтийский канал, и знаменитая Осударева дорога царя Петра очутилась на дне озера-моря...».

С помощью новой «осударевой дороги» ее создатель хотел не *вывести Россию в Старый Свет*, а, напротив, сделать Россию *Новым Светом*, т. е. самодостаточной великой державой.

Для того, чтобы это осуществить, требовался еще более сильный и более жестокий Всадник чем Петр Великий. И он явился. И усмирил и волны, и народ. Потому как знал тайну управления русским человеком. И мы, читатели, ее узнали, благодаря Дневнику Михаила Пришвина:

³ Насколько живуч этот миф можно судить произведениям, созданным в разных веках: «Это была незарастающая дорога со времен Петра Первого. Этим путем царь народом, собранным с трех губерний, волоком тащил флот свой на шведов...» (М. Пришвин. «Осударева дорога», 1957). «Император Петр Первый по «осударевой дороге» стремился вывести и вывел Россию из тесной патриархальной затхлости в Европу, к остальному миру...» (Константин Гнетнев. «Беломорканал: времена и судьбы». Петрозаводск : Острова, 2008). Между тем, современные исследователи (Михаил Данков) убедительно доказали, что не волочили по лесной северной дороге петровские корабли. Да и сама связь дороги с именем Петра – сомнительна. Есть версия, что натоптали ее монахи да богомольцы Соловецкого монастыря.

«Большой человек, имеющий власть... распоряжаться всеми лошадьми, не должен считаться с внутренним состоянием лошади, что одной бежать не хочется, другой, напротив, хочется разбить экипаж, а самой вырваться. Он просто готовит для чересчур рьяных узду, для ленивых – кнут...» (дневниковая запись от 10 октября 1938 г.).

Медный Всадник и Евгений

Миф о новом Медном Всаднике начал твориться еще до того, как была закончена «осударева дорога». Пришвин в его создании принял самое горячее участие. В немалой степени потому, что понимал необходимость коренных преобразований в стране и необходимость такого прораба перестройки, как Сталин («Сталина считаю в высшей степени подходящим ко времени человеком»). А то, что потоки крови, жестокие убийства...

«...И все-таки кровь в самое короткое время исчезает, как роса. И все потому, что человек этот прост, целен и совершает убийства не за себя, а по вере своей в лучшее общество. Петр I ведь тоже казнил много, и все такие казнят, и у всех сошла кровь, как роса...».

Принуждение в эти годы Пришвин считает необходимым:

«Все народное богатство и все силы ума, искусства отданы рабочему классу – и на вот! Сам рабочий до того стал бездельничать, пьянствовать, что приходится создавать для него каторжный режим...».

Сам Пришвин чувствовал себя *Евгением*, т. к., обладая малым запасом энергии, не мог противостоять мощным энергетическим системам вроде Петра и Иосифа: он мог только приспособиться к ним. Потому и говорил: нужно не системе противостоять, не бороться со злом, а бороться за улучшение условий своего труда и заставить зло служить себе на пользу.

Согласимся, что это отнюдь не идеология героя, но Пришвин себя таковым и не считал. «Я о-быватель», – любил повторять он. И, кажется, именно на этом пути примиренчества и нужно искать истоки драмы создателя «Осударевой дороги», драмы традиционного сознания, способного выйти за рамки привычного, устоявшегося, нарушить табу разве что скрытно, подпольно.

Особенно это очевидно в отношениях Пришвина с женщинами. История первой любви писателя – по сути история трусости. Двадцатидевятилетний Пришвин, испытывая самые романтические, самые высокие и самые страстные чувства к встреченной им в Париже Варваре Измалковой, не делает ей предложения, т. к. *боится ошибиться*. Боится, что она окажется не та, за которую он ее принял. И он отказывается от любви, от реальной, увлеченной им девушки во имя сохранения в чистоте некоей *мечты* об идеальной невесте.

Зато как легко идет на *неидеальное* и вполне в духе декадентских отношений сближение с замужней женщиной, женой друга и в его же доме, соглашается на заменитель – жизнь с нелюбимой, женщиной явно не его круга, крестьянкой Ефросиньей Смогалевой.⁴ За что и был наказан долгими годами мучительной тоски по неосуществленной любви, вплоть до мыслей о самоубийстве.

Закономерным представляется и то, что «Осударева дорога» при жизни писателя не была признана коллегами (роман отвергнут журналом «Октябрь»), встретила холодный отзыв власти. Жена писателя Валерия Дмитриевна⁵ вынесла свой вердикт:

«Ляля вчера высказала мысль, что роман мой затянулся на столько лет и поглотил меня, потому что была порочность в его замысле: порочность чувства примирения».

Писатель с обидой запишет в Дневнике:

«В № 18 журнала “Америка” прочитал статью Ньютона Арвина о ближайшем будущем американской литературы. Вот его заключение: “Итак, неонатурализм очеловеченный и опозитизированный натурализм, основой которого будет не документальная точность, а **мифичность**...”. А между тем я этим занимаюсь уже полстолетия, и никто не хочет этого понимать...».

⁴ Правда, в своих «официальных» произведениях, на публику, а также в письмах к М. Горькому называет Ефросинью Павловну не иначе как Санча Панса, что значит – верная, преданная. Для публики *крестьянская жена* – еще одно, может быть, и главное свидетельство укорененности, почвенности, народности писателя.

⁵ Пришвин уже шестидесятишестилетним, наконец, встречает мечтаемую им чуть ли не с отрочества Марью Моревну – бывшую узницу сталинского ГУлага сорокалетнюю Валерию Дмитриевну Лебедеву. Непросто было им соединиться, семья не хотела дать Пришвину свободу. Но здесь он уже пошел до конца, изменил теории примиренчества – и был вознагражден пятнадцатью счастливейшими годами на закате своей жизни.

Кажется, напрасно обижаются писатель: ведь до сих пор все, что ни выходило из-под пришвинского пера, практически тут же публиковалось; с завидной регулярностью выходили собрания сочинений. Да, «Каналу» (он же «Падун», он же «Царь природы», он же «Былина», он же «Канал Сталина», он же «Осударева дорога») не повезло, но так, может, стоит искать причину в себе, в собственном методе. Возможно, провозглашенный Пришвиным принцип: жить не *как хочу*, а *как надо* – для творчества мало пригоден? Пока мэтр не дает ответа, он искренне разочарован:

«И вот что получается из этого: сколько я потратил усилий, чтобы дать в своем Канале именно то, чего страстно жаждет ЦК, художественного выражения нашей идеи в чистом ее виде, в идеале, противопоставленном европейской и американской традиции. И вот теперь руки отнимаются...» (писатель, кажется, забывает о своей прежней дневниковой записи – о солидарности с американской традицией в смысле «мифичности»).

Несмотря ни на что, Пришвин продолжал работать над очередным вариантом сказки-были, а в это же самое время уже зрел антимиф «Архипелаг Гулаг» Александра Солженицына, где впоследствии будет упомянута и «осударева дорога» Иосифа.

Но кто же знал... Кто знал! Что так все обернется. К счастью, Пришвину не довелось дожить до развенчания Медного Всадника на знаменитом съезде. Не пришлось видеть, как простонародный Колобок пытается вскарабкаться на породистого царского скакуна. Не услышал он, к счастью, и разносы творческой интеллигенции, которая, на взгляд Колобка, не так писала, рисовала, сочиняла музыку... Уходя из жизни, Пришвин поручил Валерии Дмитриевне опубликовать из пяти вариантов «Осударевой дороги» первый – как самый удачный. Что той и удалось сделать в петрозаводском журнале «Север» (*край непуганых птиц*, откуда начиналось творческое восхождение Пришвина, вновь поддержал писателя).

Победитель? Побежденный?

Публикация «Осударевой дороги» вызвала разноречивые отзывы. Одни (в основном бывшие сидельцы) заклеили писателя, назвав его роман «лакейской стряпней» (Олег Волков). Другие утверждали: мол, попал писатель в силки хитрого лиса Сталина, поверил лживым речам царедворцев про «живого классика». Третьи, напротив, считали Пришвина таким ловким, успешным «инженером» слова, умеющим пристроиться к любому «царю» и при любом царе вырыть канал своего собственного *литературного и житейского благополучия*.

Конечно, были среди критиков и ценители пришвинского *сказового* слова, но и они говорили о «грандиозном художественном провале».

Что ж, перечитывая сегодня роман-сказку, невольно соглашаешься со многими замечаниями критиков. Но в то же время не можешь не признать в чем-то и историческую правоту писателя. Ведь почему-то потомок того мужика, чьи косточки зарыты на берегах Беломорканала, мечтает о возвращении Иосифа Сталина: «*Эх, Сталина бы! При Сталине в Надвоицах проходили слеты передовиков производства, были театры, концерты давали, газету выпускали...*» – зафиксировал мнение местного народа польский писатель Мариуш Вилк, прошедший в начале XXI века по следам пришвинской «Осударевой дороги» («Волок». Издательство Ивана Лимбаха, Санкт-Петербург, 2008 г.). А на напоминания писателя о жертвах, принесенных на Беломорканале, «народ» отвечал свое, выстраданное нынешней монетизацией, безработицей, нищетой: мол, жертв и при новом режиме немеряно, но при Сталине жизнь обрела смысл – *«соревнование, великая стройка, масса народа. А сегодня, сами посмотрите, люди ползают, что твои мухи, никакой цели в жизни. Полный маразм»*. А еще «народ» высказался (с матерком, который я, естественно, здесь опускаю) про нынешних писателей, что *взахлеб крушат ту жизнь ради этой: «...Пожили бы тут годик-другой... Интересно, что бы написали?»*.

...и, может быть, все-таки прав Пришвин, и русскому человеку на определенных этапах жизнестроительства, когда он еще не вызрел, как гражданин, необходимо принуждение? И необходима «сказка», как высший смысл? В своих потайных дневниках писатель пытался убедить (себя? будущего читателя?), что *«никакой правды не бывает без выдумки...»*, более того – правда, по Пришвину, враждебна миру, потому как несет этому миру *не мир, но меч*. И тут же признавался в своем сомнении, которое, как червь, точило его изнутри:

«Настоящее слово «правды» требует решения: умереть в горе, как Блок, или броситься в чан, как Маяковский». «Где же ты, Михаил?» – спрашивает писатель себя за год до смерти, в 1953 году. И отвечает: «Вот когда подходишь к этому вопросу, тут и лишаешься охоты писать свое «Слово правды», чувствуешь отвращение к себе и своему делу и стоишь как бы у самой границы какого-то важного решения...».

Решения писатель так и не принял. До конца своих дней все строил и строил «леса» вокруг сказки о новом, «перекованном» Евгении и преобразении под водительством Медного Всадника «страны непуганых птиц». «Леса» и остались. Как правда о русском человеке с его мечтательностью и жаждой сказки. Как история двойничества мятущегося человека переходного периода – из одной страны в другую. Как роман о человеке, который и в потоке и сам – поток... И как правда о великой советской эпохе, которую мы еще долго будем помнить и переживать. В этом современность главных произведений Михаила Пришвина – «Осударева дорога»

и «Дневник», которые, как настаивала духовная наследница писателя Валерия Дмитриевна Пришвина, нужно читать вкуче, рядом. Действительно – рядом. Ведь это грандиозная история о создании мифа (в том числе и о себе) и одновременно о разрушении его. Причем, одним и тем же человеком – писателем Михаилом Пришвиным.

*Смирнова Е. П.,
кандидат исторических наук,
ст. преподаватель кафедры истории
Карельской государственной педагогической академии*

История печатных СМИ Карелии в постсоветский период (1990-е годы)

С началом перестройки в советском обществе кардинально поменялось отношение к таким понятиям как свобода слова, печати, однако нормативно-законодательная база развития средств массовой информации не была оформлена до начала 1990-х годов. Только 12 июня 1990 года впервые в истории России был принят Закон СССР «О печати и других средствах массовой информации», который был разработан авторским коллективом и прошел нелегкий путь до признания статуса закона. Концептуальная основа этого проекта была принципиально иной, нежели было принято в СССР: безусловное запрещение цензуры, признание за гражданами права учреждать СМИ, обеспечение профессиональной и экономической независимости редакций, детальная регламентация осуществления права на информацию и статуса журналиста, защита источников доверительной информации и т. д.

Союзный закон проработал около полутора лет. 27 декабря 1991 г. ему на смену пришел Закон РФ «О средствах массовой информации», ставший средством его конкретизации и дальнейшей демократизации. На его основе средства массовой информации работают до сих пор.

Сегодня тема истории печатных СМИ в Карелии не теряет актуальности. На наш взгляд, этому способствуют два важнейших фактора. Первый – вытеснение или замещение печатных средств массовой информации электронными ресурсами в сети Интернет. Сегодня активная часть населения нашей страны предпочитает в большей степени узнавать новости, искать информацию во всемирной паутине, а не из газет и журналов. Во-первых, – это быстрый и удобный поиск, во-вторых, зачастую – это бесплатные каналы получения информации. Второй фактор – тот кризис, который на сегодняшний день переживают СМИ Карелии, связанный как с внутренними противоречиями, так и со сменой республиканских властей, которые заняли достаточно жесткую политику в отношении «нерентабельных газет и журналов». В данном отношении представляется важным затрагивать исторический аспект проблемы развития печатных СМИ в республике, множество проблем, с которыми они сталкивались в результате своего становления, распространение положительного опыта их влияния на массового читателя.

В настоящее время различные аспекты развития печатных СМИ России в постсоветский период изучаются ведущими учеными – филологами и историками. Так, вопросами истории журналистики занимались И. В. Кузнецов, Р. П. Овсепян, Я. Н. Засурский, И. И. Засурский, А. А. Грабельников и др.¹ В Карелии же нет обобщенных исследований, посвященных изучению истории периодической печати, в том числе и в постсоветский период. В разное время появлялись статьи, в которых анализировались некоторые аспекты данной проблемы. Так, А. И. Афанасьева занималась вопросами развития региональной печати в первые годы установления советской власти в Карелии и справедливо отмечала, что этот период стал началом создания в нашей республике местной периодической печати и книгоиздательства, несмотря на то, что Карелия переживала трудные годы гражданской войны, разрухи, голода, бумажного кризиса, недостатка квалифицированных рабочих-полиграфистов.²

Также вопросы истории периодической печати Карелии поднимались в связи с изучением печатных СМИ в качестве исторического источника. Такими исследованиями в республике занимались А. И. Афанасьева, О. А. Никитина, Д. Н. Валькова и др.³

¹ Например: Кузнецов И. В. История отечественной журналистики (1917–2000) : учеб. пособие. – М. : Флинта : Наука, 2002; Овсепян Р. П. История новейшей отечественной журналистики : учеб. пособие / под ред. Я. Н. Засурского. – М. : Изд-во МГУ, 1999; Засурский Я. Н. Колонка редактора: Пятнадцать лет свободы печати в России // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. – 2005. – № 3. – С. 3–6; Засурский И. И. Масс-медиа второй республики. – М., 1999; Грабельников А. А. Массовая информация в России: от первой газеты до информационного общества. – М. : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2001.

² Афанасьева А. И. Периодическая печать и книгоиздательство Карелии в первые годы советской власти (1918–1920) // 50 лет советской Карелии. – Петрозаводск : Карелия, 1970. – С. 65–98.

³ Афанасьева А. И. Периодические и продолжающиеся издания советской Карелии 1920–1930-х годов как исторический источник // Археография и источниковедение истории Европейского Севера РСФСР : тез. выступлений на респ. науч. конф., Вологда, 2–5 июня 1989 г. Ч. 1. – Вологда. – С. 74–78; Никитина О. А. Газета «Красная Карелия» как источник

В данной работе предпринята попытка обобщить основные тенденции развития газет и журналов в Республике Карелия в постсоветский период.

С начала 1990-х годов в России создаются совершенно новые условия деятельности средств массовой информации, вводятся новые формы и методы работы журналистов, меняется запрос к периодической печати со стороны аудитории.

Формирование системы средств массовой информации Российской Федерации, развернувшееся в начале 1990-х гг., испытало немало трудностей. На начало ноября 1991 г. Министерством печати и массовой информации РФ было зарегистрировано 1269 газет, журналов, информационных агентств. Более 2200 средств массовой информации получили свидетельства на право деятельности в бывшем союзном ведомстве. Однако это далеко не полные данные, ибо часть изданий была зарегистрирована в Российском министерстве печати, другая – в исполнительных органах власти различных уровней, вплоть до районных Советов. В целом установлено, что в 1991 г. в Российской Федерации издавалось 4863 газеты.⁴

В Карелии количество газет и журналов в постсоветский период также значительно увеличилось. До принятия всесоюзного закона «О печати и других средствах массовой информации» в Карелии выходило три республиканских газеты: «Ленинская правда», «Комсомолец», «Neuvosto-Karjala» («Советская Карелия», на финском языке), три журнала: «Север», «Punalippu» («Красный флаг», на финском языке) и «Kipinä» («Искра», на финском языке), а также районные газеты.

После 1991 года спектр периодики республики неуклонно расширялся, сохраняя при этом свой многонациональный характер: газеты и журналы выходили на 4 языках проживавших здесь народов (русском, финском, карельском, вепском). Например, литературный журнал «Carelia», детский журнал «Kipinä», газета «Karjalan sanomat» («Новости Карелии») продолжают печатать статьи на финском, карельском и вепском языках. В постсоветский период появились новые газеты и журналы на национальных языках: в 1990 году общественно-политическая газета на собственно ливвиковском наречии карельского языка «Oma maa» («Родная земля»), в 1993 году единственная в мире газета на вепском языке «Kodima» («Родная земля»).

В Карелии появляется большое количество газет и журналов на русском языке различных направлений. Например, в начале 1990-х годов были основаны общественно-политическая газета республиканского уровня «Карелия» (1992 г.), еженедельник Карелии для всей семьи «ТВР-Панорама» (1992 г.), еженедельник Карелии «Губерния» (с 1996 г.) и др.

В 1996 году в Карелии выходили 43 наименования газет: 6 республиканских, 19 районных и городских, 8 ведомственных, 10 прочих и 3 журнала. Из них 24 наименования газет и три журнала выпускала Республиканская типография им. П. Ф. Анохина. Районные и городские газеты, за исключением четырех («Петрозаводск», «Новая Кондопога», «Новости Костомукши», «Диалог»), печатались по старой технологии с использованием линотипного набора и печатных машин высокой печати – ПС-А3, ПП-45р, ПП-45.⁵

В постсоветский период в развитии печатных средств массовой информации проявилась еще одна тенденция – это сохранение выходивших в Советской Карелии печатных СМИ, но с измененными названиями и расширением проблематики в содержании печатных материалов. Так, в 1991 г. «Ленинская правда» была переименована в «Северный курьер», «Комсомолец» – в «Молодежную газету Карелии», «Neuvosto-Karjala» – в «Karjalan Sanomat». Поменяли наименования и многие районные газеты. Например, общественно-политическая газета «Ленинец» (Сегежский район) с 1992 г. носит название «Доверие», «Красное знамя» (Сортавальский район) с 1994 г. – «Ладога» и др. Из названий изданий исчезли идеологические и партийные штампы.

В постперестроечные годы произошли изменения в деятельности журнала «Север». Еще в 1997 году издание вынуждено было сузить сферу распространения до рамок Республик Карелии и Коми. А в 1998 году в связи с обращением редакции журнала «Север» и правления Союза писателей Карелии, выходом из состава соучредителей этого журнала администраций Архангельской, Вологодской, Мурманской, Новгородской, Псковской областей, было издано постановление правительства РК от 22 января 1998 года № 26 «Об учредительстве журнала «Север», в соответствии с которым этому литературно-художественному и общественно-политическому журналу был присвоен статус республиканского издания.

В рассматриваемый период положение прессы республики было нестабильным. Переход к рыночным отношениям привел к значительному сокращению ее тиражей.

по истории коллективизации в КАССР (1928–1933 гг.) // Европейский Север: история и современность. – Петрозаводск, 1990. – С. 72; Валькова Д. Н. Образ Финляндии на страницах русскоязычных периодических изданий Карелии в 1920–1930-е годы // Молодежь Карелии в пространстве этнического самоопределения и межэтнической коммуникации : сб. ст. – Петрозаводск : Изд-во КГПУ, 2007. – С. 208–220.

⁴ Овпесян Р. П. История новейшей отечественной журналистики : учеб. пособие / под ред. Я. Н. Засурского. – М. : Изд-во МГУ, 1999.

⁵ Программа развития полиграфической отрасли и книгоиздания в Республике Карелия в 1997–2001 годах. Содержание проблемы и необходимость ее решения программными средствами [Электронный ресурс] // Карелия : республиканско-информационный деловой портал. – Режим доступа: http://karelia.news-city.info/docs/sistemsndok_oeribi/index.htm.

В постсоветское время большинство газет и журналов оказались в сложной материальной ситуации, особенно районные издания. Учредителями районных и городских периодических изданий, как правило, выступали органы местной власти, бюджет которых в эти годы оказался неспособным содержать печатные СМИ.

С ноября 1995 года в России действовал федеральный закон «Об экономической поддержке районных (городских) газет», который позволил сохранить районную сеть периодических изданий. В соответствии с этим законом редакции получали бюджетные деньги на развитие материально-технической базы своих изданий, а также финансирование расходов, связанных с их производством и распространением (оплата полиграфических услуг, бумаги, услуг федеральной почтовой связи). Так, в 2000 году в России подобные дотации на сумму 150 млн рублей получали 1950 газет. Из периодических изданий Карелии 17 районных и городских газет были включены в федеральный реестр средств массовой информации и ежегодно (с 1996 до 2005 г.) получали из федерального бюджета около 1,5 млн рублей.⁶

Кроме этого, в 1995 году был принят также республиканский закон «О государственной поддержке районных (городских) газет Республики Карелия», согласно которому районным газетам оказывалась финансовая поддержка на их производство и распространение. Так, в 1996 году эта сумма составила около 39 % от всех затрат районных газет (1 млн 119 тыс. руб.), в 1997 году – 52 % (1 млн 409 тыс. руб.), в 1998 году – 37 % (853 тыс. руб.).⁷ Примерно такую же помощь должны были перечислять редакциям органы местного самоуправления, однако в кризисные годы районные власти оказались не способными до конца выполнять свои обязательства (в частности, выплата заработной платы). В результате ненадежности этого источника финансирования сотрудникам ряда редакций месяцами не выплачивали зарплату. Доля же собственных средств, главным образом, зарабатываемых на подписке, была незначительной.

Однако и республиканский бюджет не всегда справлялся с возложенными на него обязательствами. Так, в силу дефицита в 1996 году выплаты производились не в полном объеме, а в пределах 60–70 % от предусмотренных Законом о республиканском бюджете на 1996 год. В результате сложным оказалось финансово-экономическое положение редакций газет «Карелия», «Karjalan Sanomat», «Oma tuua», «Kodima», журналов «Carelia», «Kipinä», входящих в состав издательства «Периодика». Выделяемых дотаций из республиканского бюджета систематически не хватало для расчетов по обязательным платежам. Трех-, четырехмесячные долги за услуги полиграфистов, федеральной почтовой связи, городской телефонной станции, по выплате обязательных налоговых платежей, заработной платы привели к тому, что выпуск газеты «Карелия» (соучредители – Правительство и Законодательное Собрание Республики Карелия), периодической печати на карельском, финском, вепском языках (издатель – издательство «Периодика») фактически был поставлен под угрозу срыва.

С целью решения этой проблемы было издано постановление правительства РК от 15 декабря 1996 года № 1000 «О первоочередных неотложных мерах по обеспечению своевременного выпуска газет «Карелия», «Karjalan Sanomat», «Oma tuua», «Kodima», журналов «Carelia», «Kipinä», согласно которому Комитет Республики Карелия по делам издательства и полиграфии должен был оказать содействие в бесперерывном выпуске газеты «Карелия», периодических изданий, входящих в состав издательства «Периодика», до момента стабилизации финансовой обстановки в редакциях этих изданий.

В целом, задолженность республиканского бюджета 1996 года на экономическую поддержку районных (городских) газет составила 808 млн рублей. Эта сумма была включена в бюджет 1997 года (Постановление Палаты Республики ЗС РК от 19.06.1997 № 165 ПР «О распределении бюджетных средств на экономическую поддержку районных (городских) газет Республики Карелия в 1997 году»).

Значительной проблемой в рассматриваемый период оставалась отсталость и изношенность материально-технической базы типографий. Многие районные газеты выпускались по старой технологии с использованием «горячего» набора и плоскочечатных машин высокой печати.

Решение этой задачи усилиями предприятий в условиях экономического кризиса 1990-х годов оказалось невозможно, отсутствовали необходимые предпосылки для саморазвития полиграфического производства в целом.

С целью изменения сложившегося положения в российской государственной полиграфии, Комитет РФ по печати разработал Федеральную целевую программу «Поддержка государственной полиграфии и книгоиздания России в 1996–2001 гг.». Программа была создана по распоряжению Президента РФ «О разработке Федеральной программы книгоиздания в России» и постановлению Правительства РФ «О реализации Федерального закона "О поставках продукции для федеральных и государственных нужд"».

В нашем регионе также была разработана «Программа развития полиграфической отрасли и книгоиздания в Республике Карелия в 1997–2001 годах», главной целью которой стало обеспечение государственных приоритетов в книгоиздании Республики Карелия, создание надежной материально-технической и ресурсной базы сферы печати, необходимой для решения общенациональных задач в области образования, экономики, науки и культуры.

Таким образом, можно отметить, что становление периодической печати в Карелии в постсоветский период проходило в очень сложных социально-экономических условиях. Газеты и журналы оказались полностью зави-

⁶ Цыганков А. Районные газеты Карелии: постсоветское состояние // Свобода слова: правовое регулирование. – Петрозаводск, 2007. – С. 34.

⁷ Там же.

симы от государственной поддержки. Тем не менее, в 1990-е годы удалось не только сохранить сеть периодических изданий, выходивших в советское время, но и значительно увеличить их количество, расширить содержательную сторону материалов печатных СМИ.

Изучение истории периодической печати Карелии в постперестроечный период достаточно перспективно. В особенности, важным представляется анализ материалов периодических изданий в качестве исторических источников при исследовании социально-экономических проблем в республике в 1990-е годы, изменения политического климата и роли общественности в различных сферах жизни Карелии, взаимоотношений власти и СМИ, значения печати в решении злободневных задач и многие другие.

*Котмина Т. Г., Зверева Е. А.,
гл. библиотекари МУ «ЦБС» г. Петрозаводска*

Почётные граждане города Петрозаводска

Краеведческая деятельность традиционно является одним из самых важных направлений в деятельности библиотек. С любви к родному краю, интереса к его истории начинается воспитание гражданина. Как отмечал академик Д. С. Лихачев «Культура, как растение: у нее не только ветви, но и корни. Чрезвычайно важно, чтобы рост начинался именно с корней. Краеведение во все времена было частицей нашей большой и маленькой истории, становилось на защиту традиций, остерегало людей».

Краеведческая работа библиотек имеет давние традиции, однако, в последние годы в связи с активным внедрением в деятельность библиотек новых информационных технологий, усилением социальной функции библиотеки, появилось много интересных новых форм краеведческой работы. Активно внедряет новые краеведческие формы работы Центральная городская библиотека им. Д. Я. Гусарова. В данной статье мы хотим представить опыт создания библиографического указателя «Почётные граждане Петрозаводска».

Почетные граждане – это Золотой фонд Петрозаводска. Эти люди прославили свою малую Родину, внесли большой вклад в развитие родного города. Почетный гражданин города – это особое звание, особая честь. Почетный гражданин – значит заслуженный, много сделавший для развития города и людей, живущих в нем.

Звание «Почетный гражданин» было установлено Манифестом императора Николая I от 10 апреля 1832 г. «Об установлении нового сословия под названием «Почетный гражданин». Первым жителем Петрозаводска, которому было присвоено звание потомственного Почетного гражданина г. Петрозаводска, был купец 1-й гильдии Марк Пименович Пименов.

В феврале 1865 г. Петрозаводская городская Дума приняла решение об утверждении звания «Почетный гражданин г. Петрозаводска» (без передачи звания по наследству), первым этого звания был удостоен Олонецкий губернатор Ю. К. Арсеньев. До 1917 года это звание получили 10 человек. Петрозаводская городская Дума последний раз присвоила это звание 18 июля 1914 года Председателю Олонецкого губернского земства В. В. Савельеву. С этого времени по 1973 год звание не присваивалось.

Двенадцатого июня 1973 года Решением Исполкома Петрозаводского городского Совета народных депутатов было вновь утверждено звание «Почетного гражданина г. Петрозаводска».

В октябре 2009 года утверждено новое «Положение о “Почетном гражданине г. Петрозаводска”», в котором говорится, что данное звание присваивается людям, пользующимся общественным признанием и уважением.

О Почетных гражданах нашего города издано немало исследований, книг, статей, к этой теме неоднократно обращались историки, краеведы, библиотекари. Так, в 80-е годы XX века был издан рекомендательный указатель литературы «Почетные граждане г. Петрозаводска» (сост. Нина Павловна Новикова, гл. библиотекарь Национальной библиотеки Республики Карелия), серия рекомендательных пособий о Почетных гражданах г. Петрозаводска, в 2003 году – библиографический указатель «Петрозаводск» (под ред. Е. И. Такала), в 2010 году книга «Почетные граждане г. Петрозаводска» (авт.-сост. Андрей Иванович Филимонов).

Но и на сегодняшний день эта тема не исчерпала себя. Так, в ранние издания вошли не все имеющиеся материалы о Почетных гражданах, была недостаточно полно представлена литература об их жизни. В указателе отражена литература, как последних лет издания, так и ранее изданная и вошедшая в перечисленные пособия. Впервые в указателе о почетных гражданах г. Петрозаводска указаны электронные ресурсы.

Работа над изданием библиографического указателя «Почетные граждане г. Петрозаводска» началась в 2009 году. На протяжении 2010 г. анализировались публикации на тему указателя, велся поиск новых фактов, материалов, документов о Почетных гражданах, изучалась история присвоения этого почётного звания в нашем городе.

При создании этого указателя перед нами стояли следующие задачи:

- детально изучить современное и дореволюционное состояние историографии, относящейся к теме нашего указателя;
- выявить вклад, внесённый Почетными гражданами в развитие Петрозаводска;
- включить в издание новые факты биографии Почетных граждан Петрозаводска;

- составить расширенный библиографический список материалов.

Источником для рекомендательного указателя послужили материалы Национального архива РК (формулярные списки, материалы из личных архивов), публикации местной и центральной периодики XVIII–XXI веков, научно-историческая, мемуарная и справочная литература, находящаяся в фондах Национальной библиотеки РК, научной библиотеки ПетрГУ, МУ «Централизованная библиотечная система» г. Петрозаводска, а также неопубликованные воспоминания Почетных граждан г. Петрозаводска. В библиографические списки литературы включена новая литература, изданная в течение последних десяти лет. Отбор материалов был закончен в ноябре 2010 года.

В процессе составления указателя составители столкнулись с отсутствием или недостаточным количеством информации о тех Почетных гражданах, кому данное звание было присвоено в 2008–2010 гг.

Поэтому помимо опубликованных материалов и электронных источников, в разделе библиография включены неопубликованные материалы, о таких людях, как Бойцов Б. П., Тропников Н. С., Совалкова Г. А., Солдатов Г. С. и др.

Например, интервью у Почетных граждан Савалковой Г. А. и Солдатовой Г. С. взяла сотрудник Центральной городской библиотеки Отдела планирования и развития Татьяна Григорьевна Коттина.

Таким образом, библиографический указатель «Почетные граждане г. Петрозаводска», изданный в МУ «ЦБС» Петрозаводска, включает в себя и неопубликованные материалы о Почетных гражданах, которым это звание было присвоено в последние годы.

В пособии материал изложен в алфавитном порядке фамилий Почетных граждан. Вначале приводятся биографические данные о Почетном гражданине, затем перечень работ автора в алфавитном порядке, литература о его жизни и деятельности, библиографические пособия о нем и электронные источники.

Пособие содержит именной указатель и список фамилий Почетных граждан по дате присвоения звания.

Среди лиц, удостоенных звания «Почетный гражданин», люди разных профессий: общественные деятели, ученые, писатели, художники, ветераны Великой Отечественной войны. В данном указателе мы старались показать их вклад в развитие нашего города. Составители надеются, что благодаря указателю многие поколения петрозаводчан будут знать имена тех, кто делал и делает наш город неповторимым и своеобразным.

В библиографическое пособие включена информация о семидесяти трех Почетных гражданах г. Петрозаводска, жителях не только столицы Карелии, но и других регионов России, а также зарубежья, которые внесли большой вклад в развитие города и укрепление его авторитета в России и за рубежом.

Так, Йорг Бозе создал общество «Запад-Восток» г. Тюбинген, объединяющее активистов из 21 города ФРГ. Под руководством Бозе общество занималось поддержкой культурных, дружественных связей с Россией и Карелией. Общество германско-карельской дружбы, которым руководил Йорг Бозе, реализовывала проекты в области образования и культуры. Для учителей г. Петрозаводска обществом были организованы учительские стажировки в гимназии Карла Шмидта (Тюбинген). Й. Бозе являлся организатором состоявшихся в 2001 году Дней Петрозаводска в г. Тюбингене.

Николаев Андриян Григорьевич – летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза, родился в Чувашской АССР. После окончания лесотехникума был отправлен на работу в Карело-Финскую республику в «Южкареллес». Три месяца он работал помощником мастера в Деревянском леспромхозе Прионежского района. Затем была служба в армии, Военно-авиационное училище, служба в ВВС, полет в космос.

Андриян Георгиевич поддерживал постоянные контакты с Карелией, с Петрозаводском. Он участвовал в торжественных мероприятиях, посвященных 60-летию Республики Карелия в 1980 году и 300-летию г. Петрозаводска в 2003 году. Андриян Григорьевич входил в члены региональной общественной организации «Карельское землячество в г. Москве».

Можно сказать, что система издания библиографических пособий о почетных гражданах нашего города сложилась. Но и сегодня они уже требуют доработки, так как появляются новые материалы о почетных гражданах, звания «Почетный гражданин» удостоиваются новые кандидаты.

Рекомендательный указатель «Почетные граждане г. Петрозаводска» адресуется широкому кругу читателей, интересующихся историей Петрозаводска, и посвящен людям, которым в разные годы было присвоено звание «Почетный гражданин г. Петрозаводска».

*Филатова Валентина Андреевна,
Научная библиотека Петрозаводского государственного университета*

«...На той войне незначительной...»

Представленный библиографический обзор посвящен 70-летию со дня окончания Советско-финляндской войны 1939–1940 гг., которое отмечалось 13 марта 2010 года. Он получил название «...На той войне незначительной...». Это цитата из стихотворения Александра Твардовского «Из записной потертой книжки...», посвященного зимней войне, в которой он принимал непосредственное участие в качестве военного корреспондента.

Советско-финляндская война или, как её называют на Западе, «зимняя» ещё сравнительно недавно оставалась «белым пятном» российской истории. Во многом её затмила Великая Отечественная война. Советская историография часто обходила зимнюю войну стороной. Этот вопрос практически запрещалось поднимать в отечественной исторической литературе. Поэтому дело сводилось лишь к беглым упоминаниям войны в разного рода обобщающих работах или многотомных трудах по истории Второй мировой войны, а о самой зимней войне говорилось, в лучшем случае, как о причине, повлекшей за собой крупные реформы в Красной армии в 1940–1941 гг.

Основная информация о советско-финляндской войне, содержащаяся в работах тех лет, сводилась к констатации факта, что такая война действительно имела место, она началась 30 ноября 1939 г., закончилась 13 марта 1940 г. и привела к тому, что северо-западная граница Советского Союза отодвинулась на 120 км, что укрепило обороноспособность страны. Вот, пожалуй, и все, что разрешалось знать об этой войне. И лишь в конце 1980 – начале 1990-х гг. стали появляться публикации, посвященные данному вопросу. В течение двух десятилетий российским историкам удалось достаточно полно исследовать многие аспекты тех событий, но, по-прежнему, любая крупная публикация о зимней войне встречается с интересом.

И в Научной библиотеке Петрозаводского государственного университета есть работы, посвященные данному вопросу:

Зимняя война 1939–1940 : в 2 кн. / Российская академия наук, Институт всеобщей истории, Финляндское историческое общество ; отв. ред. О. А. Ржешевский, О. Вехвиляйнен. – Москва : Наука, 1999. – Кн. 1: Политическая история. – 382 с.

Зимняя война 1939–1940 : в 2 кн. / Российская академия наук, Институт всеобщей истории, Федеральная архивная служба России, Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории ; отв. ред. Е. Н. Кульков, О. А. Ржешевский ; предисл. А. О. Чубарьян. – Москва : Наука, 1999. – Кн. 2: И. В. Сталин и финская кампания (Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б)). – 295 с.

В 1999 году выходит в свет первый совместный труд «Зимняя война. 1939–1940», написанный историками России и Финляндии. В ноябре 1989 г. Финляндским историческим обществом, Музеем В. И. Ленина и Институтом истории Университета г. Тампере был организован семинар, посвященный данной проблеме. Тогда и возникла идея о разработке совместного труда по истории зимней войны, и появился проект Академии наук СССР и Финляндского исторического общества. С финской стороны в его финансировании принимали участие Министерство образования и Комитет по научно-техническому сотрудничеству.

Данная работа состоит из двух книг. Книга первая носит название «Политическая история». В ней на основе ранее недоступных документов освещаются предыстория и ход советско-финляндской войны, политика и стратегия двух стран, их внутреннее и международное положение, рассматриваются итоги вооруженного конфликта и его влияние на расстановку сил в Европе в первый период Второй мировой войны. Мнения сторон здесь нередко сближаются, в результате чего многие главы в книге были написаны совместно финскими и российскими учеными (например: «Переговоры осенью 1939 года»; «От войны к миру»). Но по ряду вопросов представлены и различные точки зрения, особенно в отношении подоплеки и причин войны. Здесь хотелось бы обратить внимание, в первую очередь, на главы «Внешняя политика Финляндии» (Т. Вихавайнен – доктор исторических наук, доцент Хельсинкского университета; с. 37–66) и «Эволюция отношений СССР с Финляндией в предвоенный период» (В. Н. Барышников – специалист по всеобщей истории и истории советско-финляндских отношений, кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета; с. 70–89).

Вторая книга («И. В. Сталин и финская кампания») представляет собой впервые публикуемую рассекретившую стенограмму совещания при ЦК ВКП(б), которое было создано с целью подведения итогов и учета опыта войны с Финляндией. Ценность данного издания заключается в том, что печатается оно с оригинала в полном виде. Стенограмма во многом раскрывает реальную картину зимней войны, дает возможность более объективно судить о событиях, которые по сей день привлекают внимание отечественных и зарубежных специалистов. В ней обращает на себя внимание критический настрой участников совещания – представителей различных родов войск, которые озвучивают недостатки и ошибки в оснащении армии, в тактике и в системе подготовки войск. Подобный настрой свидетельствовал об обеспокоенности советского руководства положением в армии и итогами войны с Финляндией. Однако читатель заметит, что критический тон не касается высшего звена и просчетов руководства страны. Так, например, ни слова не было сказано о том, что репрессии 30-х годов XX века лишили армию многих тысяч опытных командиров и военачальников. В заключительной речи И. В. Сталин поддержал критический настрой участников совещания, но вместе с тем он дал положительную оценку итогов войны, заявив, что Советский Союз достиг в ней своих целей. Материалы совещания являются ценным источником для изучения поставленной темы.

Следует отметить, что обе книги снабжены справочным аппаратом: в первой он представляет собой указатель имен (с. 379–382), а во второй книге – краткие сведения об участниках совещания (с. 284–292).

Обе книги предназначены для широкого круга читателей. Но несмотря на то, что работа выходит в крупном издательстве («Наука»), у нее не указан тираж, что не позволяет нам делать выводы о степени ее доступности.

Петров, Павел. Война в Заполярье, 1939–1940 гг. / Павел Петров, Виктор Степаков, Дмитрий Фролов. – Helsinki : Institute for Russian and East European Studies, 2002. – 121 с. : ил.

Следующая крупная работа выходит в 2002 году в Финляндии, в Хельсинки. Это монография «Война в Заполярье, 1939–1940 гг.». Авторами этой книги являются начальник отдела Российского государственного архива военно-морского флота, кандидат исторических наук Павел Владимирович Петров, известный петербургский историк Виктор Николаевич Степаков и аспирант Хельсинкского университета Дмитрий Фролов.

Монография представляет собой одно из первых научных исследований, где детально, с привлечением большого количества фактического материала, рассматриваются действия сухопутной группировки советских войск и Северного флота на крайнем Севере в период советско-финляндской войны. При этом авторы принципиально опирались только на документы из Российского государственного архива военно-морского флота, Военного архива Финляндии, воспоминания ветеранов зимней войны и малоизвестные публикации. Так в качестве приложения к данному труду, впервые публикуются многие российские и финские документы, например «Вопросник к пленным летчикам» (с. 114–118), письма на фронт (с. 98–99). Авторы работы достаточно убедительно показали, что советские войска воевали не так плохо, как это принято изображать в литературе о советско-финляндской войне, и не всегда несли при этом огромные потери. Оценивая в целом боевую деятельность советской группировки на Севере, авторы приходят к выводу, что войска 14-й армии и Северный флот успешно справлялись со своими поставленными задачами. Удивительным выглядит тот факт, что некоторые операции советских войск вообще оказались бескровными. В то же время, авторы не скрывают и трагических эпизодов, случившихся с частями 14-й армии в ходе боевых действий. И благодаря этому исследование в целом выглядит достаточно объективным.

Монография ценна еще и тем, что она не представлена даже в фондах Национальной библиотеки РК, в университетской библиотеке хранится всего один экземпляр, он был подарен нашей библиотеке авторами работы.

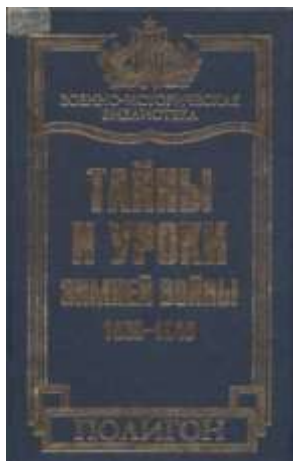
Советско-финляндская война 1939–1940 : в 2 т. / сост. П. В. Петров, В. Н. Степаков. – Санкт-Петербург : Полигон, 2003. – Т. 1. – 544 с. – (Великие противостояния).

Советско-финляндская война 1939–1940 : в 2 т. / сост. П. В. Петров, В. Н. Степаков. – Санкт-Петербург : Полигон, 2003. – Т. 2. – 640 с. – (Великие противостояния).

В 2003 году в Санкт-Петербургском издательстве «Полигон» выходит уже двухтомник «Советско-финляндская война 1939–1940», составленный П. В. Петровым и В. Н. Степаковым. В данном сборнике они делают акцент на таких малоосвещенных в отечественной историографии вопросах, как боевые действия Красной армии на Карельском перешейке, в Северной Карелии и Лапландии, а также Балтийского и Северного флотов. При этом составители используют материалы не только упомянутых ранее Российского государственного архива Военно-морского флота и Военного архива Финляндии, но и данные Российского государственного военного архива, архива Военно-медицинского музея, архива Министерства иностранных дел Финляндии, а также неопубликованные рукописи из библиотеки Военно-морской академии им. Н. Г. Кузнецова, воспоминания ветеранов, различные исследования и малоизученные публикации по теме советско-финляндской войны.

Статьи сборника разбиты по нескольким разделам, посвященным истории взаимоотношений СССР и Финляндии в предвоенные годы, состоянию вооруженных сил к началу войны и стратегическим планам сторон, ходу военных действий на суше, море и воздухе, итогам вооруженного конфликта. Текст снабжен редкими фотографиями, схемами и картами. Следует отметить, что большая часть опубликованных здесь фотографий из личной коллекции В. Н. Степакова (Т. 1 – с. 192, 385; Т. 2 – с. 192). Также во втором томе приведена наиболее полная библиография работ по советско-финляндской войне, изданных за период с 1939 по 2000 гг. (с. 371–536), включающая в себя исследования, очерки, воспоминания, газетные и журнальные статьи и даже художественную литературу, что, безусловно, будет хорошим подспорьем в изучении данной темы. Сборник предназначен для широкого круга читателей.

Хотелось бы также отметить, что выходит он одним из первых в основанной в 2002 году серии «Великие противостояния» (в Научной библиотеке ПетрГУ имеются и другие работы, вышедшие в этой серии).

Тайны и уроки зимней войны, 1939–1940 : по документам рассекреченных архивов / ред.-сост. Н. Л. Волковский ; под общ. ред. В. А. Золотарева. – Санкт-Петербург : Полигон, 2000. – 542 с., 32 л. : ил. – (Военно-историческая библиотека). – Имен. указ.: с. 517–528.

В том же издательстве «Полигон» только уже в основанной в 2000 году серии «Военно-историческая библиотека» публикуется книга «Тайны и уроки зимней войны, 1939–1940» под общей редакцией доктора исторических и юридических наук, профессора, академика Российской академии естественных наук генерал-майора Владимира Антоновича Золотарева.

В данной книге впервые в открытой печати публикуются, имевшие ранее гриф секретности документы и материалы, которые отражают предысторию, ход и завершение советско-финляндской войны. В сборнике представлены директивы, приказы, распоряжения и донесения как руководящих органов (Главного Военного Совета, Ставки Главнокомандования, Наркомата обороны, командования Ленинградского военного округа, Северо-Западного фронта, Балтийского и Северного флотов, Ладожской военной флотилии), так и объединений, соединений и частей, участвова-

вших в боевых действиях.

Документы в книге располагаются в хронологической последовательности с заголовками, присвоенными составителями, исходя из их содержания. Текст оформлен по правилам современной орфографии, но с сохранением особенностей стиля конца 30-х годов XX века, принятых тогда сокращений военных терминов, список которых дан в приложении (с. 529–533).

В сборник также вошли материалы, которые раскрывают внешнеполитическую деятельность обеих сторон, итоги войны с Финляндией, а также некоторые материалы печати, авторы которых высказывают свою точку зрения на события этой войны.

Кроме того, в издании имеются схемы, демонстрирующие ход боевых действий, и фотоиллюстрации. Наибольший интерес здесь вызывают финские листовки, агитирующие красноармейцев сдаваться в плен (например: «Забрасывайте винтовку за спину, поднимайте руки вверх, как это делает ваш товарищ на снимке, и переходите на финскую сторону. Финны не будут стрелять. Они дадут вам есть и пить и отведут в теплое помещение. Они перевяжут ваши раны, а за винтовку они заплатят вам 150 рублей. Поступайте же по примеру тысяч ваших товарищей! Товарищи красноармейцы – спасайте вашу жизнь! Сдавайтесь финнам в плен. В Финляндии очень хорошо живется. Сдавайтесь, тогда кончится эта бессмысленная война»; «Финны щедро заплатят вам за оружие, которое принесете с собой: за револьвер – 100 рублей, за винтовку – 150 рублей, за пулемет – 1500 рублей, за танк 10000 рублей...»), а также советские учебные плакаты (например: «Чтоб меткость и снаровку иметь в бою, храни, боец, винтовку, как жизнь свою»).

Для удобства пользования сборник имеет подстрочные примечания авторов (например: с. 13), перечень сокращений (с. 529–533) и указатель имен (с. 517–528). Каждый документ снабжен контрольно-справочным аппаратом.

Материалы книги рассчитаны на специалистов, а также на всех, кого интересуют перипетии дипломатической и вооруженной борьбы в ходе зимней войны.

Аптекareв, Павел. Советско-финские войны / Павел Аптекareв. – Москва : Яуза : Эксмо, 2004. – 380 с. – (История войн : история, документы, факты, доказательства).

Одной из последних работ, посвященных зимней войне, стала книга «Советско-финские войны» Павла Аптекareва (окончил исторический факультет МГУ). Она выходит в 2004 году в серии «История войн: история, документы, факты, доказательства». Имя автора хорошо знакомо исследователям, интересующимся советско-финляндской войной 1939–1940 гг. Он одним из первых подробно описал ход боевых действий, опираясь на документы Российского Государственного Военного Архива, и самостоятельно рассчитал советские потери в войне. Но среди историков отношение к Павлу Аптекareву двойное, они или ссылаются в своих исследованиях на его данные (доктор исторических наук, профессор ПетрГУ Ю. М. Килин), или подвергают их достаточно резкой критике (московский историк, окончивший Государственный университет гуманитарных наук Олег Киселев – долгое время занимается изучением истории применения авиации обеих стран в годы советско-

финской войны). Поэтому хотелось бы порекомендовать, ознакомиться с книгой самостоятельно и составить свое представление о ней.

У меня, например, возник ряд вопросов к автору уже тогда, когда я, увидев обложку, познакомилась с содержанием книги. Вся книга целиком посвящена зимней войне, т. е. событиям зимы 1939–40 гг. и их предыстории (здесь не идет речь ни о вторжении финских отрядов в Карелию, ни о так называемой «войне-

продолжении», т. е. агрессии Финляндии против СССР в 1941–1944 гг.), поэтому для меня так и осталось непонятным, почему «советско-финские войны» стоят во множественном числе.

Книга вышла немаленьким тиражом в 4000 экземпляров, в библиотеке ПетрГУ она представлена двумя экземплярами: один хранится в читальном зале главного корпуса, а второй – в читальном зале экономического и ПФФК факультетов. Данная работа предназначена для профессиональных историков, а также всех тех, кто интересуется историей России.

Зимней войной активно занимаются и преподаватели Петрозаводского государственного университета. И в первую очередь это доктор исторических наук, профессор Юрий Михайлович Килин и декан исторического факультета, кандидат исторических наук, доцент Сергей Геннадьевич Веригин.

Карелия, Заполярье и Финляндия в годы Второй Мировой Войны : тезисы докладов международной научной конференции (6–10 июня 1994 г.) / Государственный комитет РФ по высшему образованию, Петрозаводский государственный университет, Мэрия г. Петрозаводска. – Петрозаводск : Издательство Петрозаводского государственного университета, 1994. – 86 с.

Так в 1994 году в издательстве университета выходят тезисы докладов международной научной конференции, которая проходила в июне 1994 года. Издание получило название «Карелия, Заполярье и Финляндия в годы Второй Мировой Войны», но книга состоит из трех частей, первая из которых как раз посвящена советско-финляндской войне 1939–1940 гг.: предпосылкам войны, ходу боевых действий, просчетам командования и итогам.

Отличительной особенностью данного сборника является то, что все материалы в нем опубликованы параллельно на русском и финском языках. И здесь в числе прочих представлены доклады Ю. М. Килина «Состояние северо-западного театра военных действий и подготовка к войне с Финляндией» и С. Г. Веригина «Карелия в «зимней войне» 1939–1940 гг.». Их дальнейшая исследовательская деятельность приводит в выходу в свет монографий.

Килин, Юрий Михайлович. Карелия в политике советского государства, 1920–1941 / Ю. М. Килин ; Министерство образования РФ, Петрозаводский государственный университет. – Петрозаводск : Издательство Петрозаводского государственного университета, 1999. – 275 с.

Первой в 1999 году опять же в издательстве университета появляется монография Юрия Михайловича Килина «Карелия в политике советского государства, 1920–1941». В ней целая глава посвящена интересующему нас вопросу.

Автор на основе большого количества впервые вовлекаемых в научный оборот материалов целого ряда отечественных и зарубежных архивов рассматривает военно-стратегические, дипломатические, экономические и политические аспекты истории зимней войны. Суть предложенной им концепции сводится к тому, что политика советского государства в отношении Карелии была обусловлена военно-стратегическими и внешнеполитическими предписаниями, а ее специфика определялась характером отношений с Финляндией.

Монография предназначена для преподавателей вузов, учителей школ, аспирантов и студентов.

В 2010 году к юбилею зимней войны появляется сайт Юрия Михайловича Килина «Зимняя война. Безвозвратные потери Красной армии в период советско-финляндской войны (1939–1940)» (<http://winterwar.karelia.ru>). Его презентация состоялась 3 марта в читальном зале Научной библиотеки ПетрГУ. Этот Интернет-ресурс предназначен для родных и близких военнослужащих всех видов и родов войск вооруженных сил СССР погибших, умерших от ран и болезней, а также пропавших без вести в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Здесь можно найти сведения, которые содержат имя, отчество (инициалы), фамилию, место и дату рождения, воинское звание, дату и место гибели и захоронения, адреса родственников. Таким образом, создатели данного сайта ставят своей целью предоставление возможности родным и близким погибших военнослужащих самостоятельно найти места их захоронения или гибели.

Веригин, Сергей Геннадьевич. Заложники Зимней войны (Интернированные финны на территории Калевальского района Советской Карелии в период зимней войны 1939–1940 годов) / Сергей Веригин, Эйнар Лайдинен, Юсси Кямряйнен ; Министерство образования РФ, Петрозаводский государственный университет, ГОУ ИПК работников образования РК. – Йоэнсуу ; Суомуссалми ; Петрозаводск, 2004. – 212 с. : ил.

Сергеем Геннадьевичем Веригиным в ходе научных исследований к настоящему времени опубликовано около 150 работ по различным аспектам истории Карелии 1930–1940-х гг. По интересующему нас периоду в 2004 году выходит монография «Заложники Зимней войны (Интернированные финны на территории Калевальского района Советской Карелии в период зимней войны 1939–1940 годов)». Веригин пишет ее в соавторстве с заместителем директора Научно-образовательного центра по истории и культуре Европейского Севера Северо-Европейского Открытого Университета ПетрГУ Эйнаром Петровичем Лайдиненом и исследователем исторического факультета университета г. Йоэнсуу Юсси Кямряйненом. Книга издана в рамках финляндско-российского проекта «Монумент Зимней войне». Он осуществляется с 2000 г., его целью ставится создание мемориального комплекса советским и финским воинам, погибшим в ходе боевых действий 1939–1940 гг.

В монографии рассматриваются вопросы, касающиеся выселения финляндских граждан коммуны Суомуссалми в период зимней войны на территорию Калевальского района Советской Карелии, их жизни в спецпоселках и возвращения на родину летом 1940 г. Главный итог своей работы авторы видят в содействии выработки комплексного подхода (российских и финляндских исследователей) в освещении поставленной ими проблемы, а также в решении вопроса об увековечении памяти интернированных, которые погибли в советских лагерях.

Монография предназначена для преподавателей вузов, учителей школ, аспирантов и студентов.

Веригин, Сергей Геннадьевич. Карелия в годы военных испытаний : политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны, 1939–1945 гг. / Сергей Веригин ; Федеральное агентство по образованию, Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования, Петрозаводский государственный университет. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2009. – 541с. : ил.

Результатом более чем тридцатилетней работы С. Г. Веригина по истории Карелии стала монография «Карелия в годы военных испытаний: политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны, 1939–1945 гг.» 2009-го года издания. Книга выходит в издательстве ПетрГУ, само издание очень хорошего качества, на мелованной бумаге, правда с черно-белыми иллюстрациями.

Этот фундаментальный труд появляется на основе анализа широкого круга российской и финляндской литературы, опубликованных документов, архивных источников из фондов российских и финляндских государственных и ведомственных архивов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Автор представляет нам картину военно-политического и социально-экономического развития Карелии в период Второй мировой войны. Таким образом, первая глава монографии посвящена «Карелии в период советско-финляндской (зимней) войны 1939–1940 гг.». Здесь автор раскрывает политическое и социально-экономическое развитие Карелии в обозначенный период, формирование и боевые действия финской народной армии, деятельность Териокского правительства на территории Карелии и Финляндии в годы зимней войны. И большое внимание уделяет такому фактически не изученному в российской историографии вопросу, как использование финских военнопленных в пропагандистских и разведывательных целях в годы зимней войны. Так, например, с помощью тех, кто добровольно сдавался в плен и сотрудничал со следователями создавались письма и обращения к солдатам финской армии. В монографии приводятся тексты, содержащиеся в таких листовках. Например: «Финские солдаты! Спасайте свою жизнь! Прекращайте войну! Мы, финские солдаты, убедились в том, что офицеры обманывали нас. Нам вралли, что Советский Союз хочет захватить Финляндию с целью превратить ее в свою колонию. Нам вралли, что Советский Союз разрушает культуру, порабощает свободных людей и уничтожает религию. Это все ложь. Мы в этом убедились, попав в плен. Красная Армия приняла нас как братьев. Нам здесь хорошо. Едим сытно, читаем литературу. С нами хорошо обращаются. Финские солдаты!.. Поверните свое оружие против банды Маннергейма, которая гонит вас на смерть. Силы Красной Армии велики. Сопrotивление бесполезно. Если хотите остаться в живых, сдавайтесь в плен...» Подписывались подобные листовки именами финских военнопленных, зачастую прилагались и их фотографии. О других возможностях использования финских военнопленных в пропагандистской борьбе в годы зимней войны можно узнать из данной монографии.

Книга снабжена справочным аппаратом, который представлен указателем имен, географическим указателем и картами. Она адресуется специалистам, изучающим историю Второй мировой войны на Севере Европы, и в частности зимнюю войну, а также широкому кругу читателей, которые интересуются историей Карелии.

В заключение хотелось бы отметить, что в Научной библиотеке ПетрГУ тема советско-финляндской войны 1939–1940 гг. представлена не только использованной в обзоре русскоязычной литературой, но и литературой на финском языке.

Раздел 4. Секция «Филологические аспекты краеведения»

*Урванцева Н. Г.,
кандидат филологических наук, ст. преподаватель,
зав. учебно-исследовательской лабораторией ГОУ ВПО «КГПА»*

Сегежская коллекция фольклора Л. В. Денисовой

Лидия Владимировна Денисова родилась в д. Шильда Архангельской области. С детских лет жила в д. Нефтенгех-Наволоок Республики Карелия (народное название Горе-Наволоок). Училась в Паданской школке-семилетке, жила у хозяйки – Ирины Прокопьевны Громовой, которая содержала нахлебников из числа школьников. Вместе с Лидией Владимировной воспитывалась Дарья Кузьминична Карпова (18.03.1914, д. Совдозеро Суоярвского р-на – 2003) – артистка Национального театра Карелии, народная артистка РСФСР, заслуженная артистка Карельской АССР, почетный гражданин г. Петрозаводска (1994), первый председатель Карельского отделения Союза театральных деятелей России. И. П. Громова знала много сказок, поэтому дети тянулись к фольклору.

Много талантливых людей выросли в этой дружной семье. Мастерство Дарьи Кузьминичны Карповой покорило тысячи зрителей. Иван Прокопьевич Громов стал академиком. Александра Громова – доцентом Свердловского университета. Екатерина Громова преподавала в университете г. Ленинграда. Павел Громов стал литературным критиком.

Лидия Владимировна Денисова проводила работу по ликвидации неграмотности в Самсоновой Горе, Петель-Наволоке, Евгоре, Петровой Горе, Пелькёле. Она была избачом в д. Сельга Медвежьегогорского района. Работала учителем, заведующей клубом. Любила песни, фольклор, являлась участницей Сегозерского хора. Часть своей жизни Л. В. Денисова посвятила журналистике: трудилась в редакции газеты «Красный Пудож», в редакциях районных газет, корреспондентом республиканского радио и газеты «Советская Карелия».

Л. В. Денисова хорошо знала и дружила с карельскими сказочниками – Марией Ивановной Михеевой и Арихиппой Перттуненем, певцом былин, сказочником Федором Андреевичем Конашковым.

В марте 1968 года вместе с Унеллой Семеновной Конкка она участвовала в экспедиции по Сегозерскому району. Сама Лидия Владимировна напела 240 частушек и 18 песен, которые записаны на магнитную пленку и хранятся в КНЦ РАН. В учебно-исследовательской лаборатории фольклора Карельской государственной педагогической академии хранится коллекция фольклора, записанная Л. В. Денисовой в разных районах Карелии.

Очерки и рассказы писательницы печатались в журналах «Пуналиппу», «Север», в газете «Сельская жизнь», в республиканских газетах, их читали по республиканскому радио.

Первый рассказ «Красно-солнышко» вышел в сборнике «Озеро шумит».¹ Рассказ «Теща», повесть «Орлиха» привлекают своим фольклоризмом, жизненностью и простотой повествования. В. Марков дал такую оценку творчеству писательницы: «Вы не просто ездите по городам и селам нашего края по служебной надобности, а, любя людей, народный язык, собираете по крупицам россыпи золотых слов и присказок».²

Приложение

Коллекция фольклора, записанная Л. В. Денисовой

1. Жизнь не сказка: манна с неба не падает, скатерть-самобранка не расстилается.
2. Хлеба – с собой, а к обеду – домой.
3. На то и щука в речке, чтобы карась не дремал.
4. Без хлеб мух – бессолица, всегда в семье раздорица.
5. Паршивая овца все стадо портит.
6. Польза как от козла – ни шерсти, ни молока.
7. Тем море не опоганилось, что пес полакал.
8. Никуда спрятаться бесу, так хоть в уголья.
9. Кривду с правдой путает, правдивых людей не слушает.
10. Ясли к корове не ходят.

¹ Озеро шумит : рассказы карело-финских писателей / авт. предисл. Майя Пахомова. – М. : Сов. Россия, 1973. – 240 с.

² Почта «Севера» : [отзыв В. Макарова на рассказ Л. В. Денисовой «Красно солнышко»] // Север. – 1971. – № 7. – С. 126.

11. На Бога надейся, а сам не плошай.
12. Кто празднику рад, тот до свету пьян.
13. Пьяный проспится, а дурак никогда не поумнеет.
14. За битого двух небитых дают, да и то не берут.
15. Муж бил-колотил, да и плакать не велел.
16. Где тишь да гладь, там и благодать.
17. Ему лень лениться, не только шевелиться.
18. Чья бы корова мычала, а твоя бы помолчала.
19. Долог день до вечера, когда делать нечего.
20. Кому хорошо живется, у того и петух кладется.
21. Не дороги обабки, а дороги прикладки.
22. Кто дурью мается, тому все не нравится.
23. Вылез из грязи в князи, заспесивился, так ему сам черт не брат.
24. На чужое добро не зарься – свое наживай.
25. Живем богато – есть ухват и лопата.
26. Заберет тоска, когда хлеба ни куска.
27. Сбил-сколотил. Вот колесо! Сел да поехал, ах, хорошо! Оглянулся назад, а спицы уже лежат.
28. У того силы нет, кто мало каши ест.
29. Не плачь над покойником, если живого не жалел.
30. На охоту ехать, так незачем собак кормить.
31. Дайте мучки мне в горшочек,
Дайте малица кусочек,
Сквородки на часочек,
Сквородника на час,
Испеку блинков сейчас. (О попрошайках)
32. Ловко врет, как шубу шьет. Язык не заплетается, нить не обрывается.
33. В дырявом кармане денег не ищи.
34. Пелагея-печальница обо всех печалится, а у самой радости нет.
35. Куда один баран, туда и все стадо.
36. С сильным не борись, с богатыми не судись, с пьяницей за стол не садись!
37. Есть хлеб свой, так хоть к попу на постой.
39. На хлеб-соль не сердятся. Ешь да помалкивай, на немилых хозяев не посматривай.
40. Мы с ними как десятая вода на киселе. На одном солнышке портянки сушили. (О дальней родне).
41. Торговали – веселились, подсчитали – прослезились.
42. С голого как со святого – ничего не возьмешь, свое отдашь.
43. Стали разживаться, стало от ужина хлеба оставаться.
44. Дров ни полена, спят до обеда.
45. После обеда ложки не нужны.
46. Маланьина изба – не беседа, сама Маланья – непоседа.
47. Не всякому слуху верь, а услышишь – проверь.
48. Вот как наши кошельками машут.
49. Не изжить мне тоски до гробовой доски.
50. Водку пей умненько, еще поднесут.
51. Рада бы я в рай, да грехи не пускают.
52. Муж с женой дерутся да под одно одеяло гнетутся.
53. На всякое чиханье не наздравствуешься.
54. Хоть на работу опоздаю, а степенной походки не изменю.
55. Никто мне не указчик – ни поп с крестом, ни черт с пестом.
56. На четырех ногах конь да и то спотыкается.
57. Была бы голова, а хомут найдется.
58. Шила в мешке не утаишь.
59. Села невестка прясть – берегите деверя глаз.
60. Когда неряха пироги печет, у нее и ворота в тесте.
61. Не нам попов судить – на то есть черти.
62. Кто при деле, тот и в ответе.
63. Кашу маслом не испортишь.
64. Чужую беду руками разведу, а свою с плеч не стряхну.
65. На языке мед, а в сердце лед.
66. Нашла коса на камень.
67. Один с сошкой, а семеро с ложкой.
68. Не вздыхай глубоко – не отдадим далеко. Хоть за курицу, да на свою улицу.
69. Хороша дочка Аннушка, коли хвалят мать да бабушка.

70. Куда конь копытом, туда и рак клешней.
71. Под погодушку молодушку ломает, а и без непогодушки здорова не бывает.
72. Наплевать в тетрадь, коль таки и слов не разобрать.
73. Дорого колечко от любимого, хуже петли льняной от постылого.
74. Легко сыр-бор разгорелся да нелегко потушить.
75. У меня горе как синее море – широко, глубоко, не вычерпать, не высушить.
76. Слезами горю не поможешь, только по сердцу растревожишь.
77. На людях и смерть красна.
78. Был он храбрым после рати, когда забирался на палати.
79. До Бога – высоко, до царя – далеко, а люди добрые всегда рядышком.
80. Если нет талану (счастья), так не пришить к сарафану.
81. Так не так, а перетакивать не будем.
82. Не было ни гроша, а вдруг алтын.
83. Сколько веревочка не вьется, а конец найдется.
84. Вор у вора дубинку украл.
85. Не было бы счастья да несчастье помогло.
86. Ворон ворону глаза не выклюнет.
87. Рука руку моет и обе чистые.
88. Рыбак рыбака видит издалека.
89. Не рой другому яму – сам в нее попадешь.
90. Для милого дружка и сережка из ушка.
91. Каков в люльке, таков и в могилку.
92. Ему говорят: «Стрижено», а он: «Доживем до «пику»»...
93. Хлеба нет, махры маленько...
94. Они два сапога – пара.
95. Обиженного на дольше хватит.
96. Других не суди, а себя погляди.
97. Свекровины зубы как тупая пила.
98. Делает так, чтоб с рук сошло, а с ног собаки обдерут.
99. Тещин язык как крапива жжет.
100. Выбирай жену не в хороводе, а в огороде.
101. Свет не без добрых людей.
102. Не бойся бедного накормить – не больше богатого съест.
103. Чем богаче, тем жаднее.
104. Упрямого учить, что мертвого лечить.
105. Семеро одного не ждут.
106. Горшок котлу не товарищ, гусь свинье не друг.
107. Чай пить – не дрова рубить.
108. Невеста без места, жених без ума.
109. Банька без веника как хлеб без соли.
110. Не давай другим ума, когда у себя не хватает.
111. Горбатого могила исправит.
112. Не поваживай ребят с гостями за стол садиться, не надо будет за них стыдиться.
113. Учи ребенка уму-разуму, пока он поперек лавки лежит, а как вдоль лавки растянется – сам тебя учить будет.
114. Верба-хлест – бей до слез.
115. Верба бела – бьет за дело.
116. Верба красна – бьет до красна.
117. Рот открыл – лошадь с оглоблями влезет.
118. Раскройшь – поспешишь, станешь шить – наплачешься.
119. Куда иголка, туда и нитка.
120. Не по хорошему мил, а по милу хорош.
121. Пустой мешок стоймя не поставишь.
122. От трудов праведных не наживешь палат каменных.
123. На чужих мужей не поглядывай – своего прозеваешь.
124. Был – молодцу не упор.
125. Наплели небылицу на молодцу. Пусть говорят, зря не скажут.
126. Собака лает – ветер носит.
127. Каковы сами – такие и сани.
128. Не всякое лыко в строку.
129. За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь.
130. Сытый голодного не разумеет.

131. Жениться – беда, не жениться – беда, а третья беда – не идут за меня.
132. Загуляли забулдыги, затрясли лохмотьями.
133. Не вешай головушку, не печаль хозяйошку.
134. Не заглядывай, звонарь, в святцы, да бух в колокол.
135. Сухая ложка рот дерет.
136. Голоден волк, так и сену рад.
137. Угощу я тебя, чем ворота подпирают.
138. Кошка моется – гостей ворожит.
139. На безрыбье и рак рыба.
140. Спина чешется – баню просит.
141. Поспешишь – людей насмешишь, себя опозоришь.
142. Стыд – не дым, а глаза жмурятся.
143. Гостить – гости, да не пакости.
144. Сиди поп на погосте, как не зовут в гости.
145. От безделья и лучина – рукоделье.
146. Писать – пишу, а читать в лавочку ношу.
147. Зима – не неделя, все подберет.
148. Люди – дорогой, а черт – все стороной.
149. Дитяtko непутевое – отцу вечный укор, матери – тяжкий крест.
150. От дочери – ни хлеба, зять – не родня.
151. Долго прожил, а ума не нажил.
152. Любишь кататься – люби и саночки возить.
153. Масленица-объедуха, не жалей харчей молодуха.
154. Придет Великий пост – с голоду повесишь нос.
155. Это не беда, что во ржи лебеда. Хуже нет беды, когда ни ржи, ни лебеды.
156. Пили да ели – красавчиком звали. Пили – поели – прощай шелудяк!
157. Шей да пори – не будет свободной поры.
158. Богу молиться да и чертом не борется, куда ветер дует, туда и клонится.
159. На праздник собирается, из кулька в рогожку нарядается.
160. Свет не без добрых людей.
161. Не жалей шуток-прибауток себе – на веселье, молодым – на забаву, старикам – на утеху.
162. Обжора как корова, а тоща как палка.
163. Решетом он воду носит, собакам сено носит, стриженной девке косу плетет.
164. Не все горе горевать, надо и радость повидать.
165. От смерти не убежишь, не спрячешься, деньгами не откупишься.
166. Швец – портной, худой покрой. Худо шьет, дорого порет.
167. Ел до выпученных глаз, пил пока язык ворочался.
168. Удалий баран не ходит без ран.
169. Хлебцем вместе, табачком врозь.
170. За морем телушка – полушка, да рубль за перевоз.
171. Нет дыма без огня.
172. В нарядной одеже да сажа на роже.
173. И досталися в наследство от жилетки рукава.
174. Часы для красы, а время – по солнышку.
175. На чужой роток не накинешь платок.
176. Скрутили бурку крутые горки.
177. Красы на пятерки, а ума – на пятак.
178. Не все золото, что блестит.
179. Пускай говорят – зря не скажут.
180. Правда груба – не всякому нужна.
181. Где родился, там и пригодился.
182. Злая жена опаснее лютого пса.
183. Вот вам хомут да дуга, я вам больше не слуга.
184. Нашли слугу дороже барина.
185. От горшка два вершка, а спеси – с сажень.
186. Ешь за столом, а не за столбом.
187. У нее руки как крюки: что не подцепят – все из них валится.
188. Нагулялось красно солнышко, прилепало домой.
189. Милые бранятся – только тешатся.
190. Хлеб да вода – молодецкая еда.
191. Нам с лица не воду пить и с корявым можно жить.
192. Не считай ворон – ошибешься, со счету собьешься.

193. Нет милее дружка как родная матушка.
 194. Типун тебе на язык, два под язык, чирей на пятку.
 195. Хоть кол на голове теши – глазом не моргнет.
 196. Нужна ты ему как мертвому припарки.
 197. То воркуют, словно голуби, то грызутся как собаки.
 198. Из твоей головы ток весь вышел, одна бестолочь осталась.
 199. Полюби меня черненькую, а беленькую-то всякий полюбит.
 200. У кольца нет конца и бывает, что и кольцо ломается, сразу два конца объявятся.
 201. Седина в бороду, а бес в ребро.
 202. По делам и мука.
 203. Беда постигла невзначай, хоть в петлю полезай.
 204. Не спеши, коза, в лес – все волки твои будут.
 205. Хоть песни пой, хоть волком вой.
 206. Волков бояться – в лес не ходить.
 207. Куда тебя леший несет и сам не разберет.
 208. Чему быть, того не миновать.
 209. Залетела ворона в высокие хоромы.
 210. Для красного словца не пожалеет ни мать, ни отца.
 211. Слово – не воробей, вылетит – не поймаешь.
 212. Ни кола, ни двора, ни милого живота.
 213. Скрипит, верещит как немазаная телега.
 214. Головушка болит – водку пить не велит.
 215. Мертвого с погоста не воротить.
 216. Люди – не ангелы, у каждого свои грехи и свои огрехи.
 217. В чужом глазу сучок видит, а в своем и бревна не заметит.
 218. От поклонов голова не болит, да сердце щемит.
 219. Из пустых поклонов не шьют балахонов.
 220. Стала плохая мать, когда уж нечего с нее взять.
 221. Родителей не выбирают: какие достались, с такими и надо жить.
 222. Не бойся бойких, бойся тихеньких.
 223. Под гору вскачь, а в гору хоть плачь.
 224. От семи собак отлается, от стаи волков убежит.
 225. Кончил курс своей науки,
 Сдал экзамен в пастухи,
 Сел на камешек, заплакал:
 «Куда тпрукушки ушли?»
 226. Нечего коту делать, так хвост свой ловит.
 227. У нашей Ирины всегда именины.
 228. Не потопашь, так и не полопашь.
 229. Волка ноги кормят.
 230. Рано пташечка запела, кабы кошечка не съела.
 231. По одежке протягивай ножки.
 232. Узнают Фому в рогозином ряду.
 233. Любовь зла – влюбишься и в старого козла.
 234. Любовь не картошка – не выбросишь за окошко.
 235. Понравится сатана лучше ясного сокола.
 236. Мал золотник, да дорог; велика Федура, да дура.
 237. Детей нет, так не купишь, детей много – не убить.
 238. Большая гульба не доведет до добра.
 239. Не носи одежду без разбора, в чем в баню, в том и на свадьбу.
 240. Кошка умывается – гостей дожидается.
 241. Собака заскулила – ворота почуяла.
 242. Чему быть, тому не миновать.
 243. Не мужик, а баба, коль смотрит «хватом» с кочергой да ухватом в бабьем платье да в переднике. Такому медведя не убить, только кашу варить, ложку лизать, бородой сковороду подмазывать.
 244. Повадится кувшин по воду ходить, там ему и голову сложить.
 245. Блудлив как кошка, а труслив как заяц.
 246. Плохо, когда дури много, ума мало. Лучше – пополам.
 247. На брюхе шелк, а в брюхе – щёлк.
 248. Пить да гулять – ума не надо занимать.
 249. Ум хорошо, а два – лучше.
 250. Жениться и не надо торопиться, чтоб потом не переженится.

251. У богатых да жадных в Крещенье льду не выпросишь, в летний ливень дождевой воды не напьешься.
252. Добра людям не жалея – оно к тебе вернется.
253. Кому какое дело, что девка с парнем посидела.
254. Прежде, батька, в пекло не суйся.
255. Вода камень точит, а сердце – тоска.
256. Только сердце крепче камня – больше выдержит.
257. Отдали девушку в злую семеюшку. Хоть в прорубь иди, а домой не ходи.
258. У старого коня повадка молода: хоть ноги дугой, зато хвост трубой.
259. Жена не рукавица – с руки не снимешь, за ворота не выкинешь.
260. Не задирай нос, когда взади хвост.
261. Не болтай, староста, коль голова пуста.
262. Наряди пень в ясный день, так и пень красивее станет.
263. Бестолковый трем свиньям корму не раздаст.
264. Отогрела змею на своей груди. Она ожила и ужалила.
265. Слава Богу околела – всему миру надоела.
266. Не той собаки бойся, которая лает, а той, что хвост поджимает.
267. Долго спать – добра не видать.
268. Поздно гребнем обзаводиться, когда голова облысела.
269. Свой хлеб лучше чужого калача.
270. Вздумала плясать, когда на гроб доски надо тесать.
271. Зря кряхтишь – далеко не улетишь, только на лавку вниз головой.
272. Беспутная голова ногам покоя не дает.
273. Жадный заставит и детей своих с полу крошки хлеба подбирать, шилом молоко хлебать, рыбные кости глотать.
274. Куда тебе спешить, когда уж вся дорога-путь позади.
275. Не ищи кривых дорог, чтоб черт в долото не уволок.
276. Не ершись как ерш на горячей сковороде.
277. Молчком да торчком ответа не избавишься.
278. Набедокуривший трус дрожмя дрожит как овечий хвост.
279. Кто в тюрьме не бывал, тот горя не видал.
280. Это горе – не горе, как бы горче не было.
281. Ох и парень-атлет! На ходу подметки рвет.
282. Щи варила, трижды посолила. Некогда хлебать – надо в сторону плевать.
283. Угорела барыня в нетопленной горнице.
284. Медвежья пляска не очень баска.
285. К нашему берегу не прибьет хорошего дерева – все ольха да осина.
286. Мели Емеля – твоя неделя.
287. Белить холсты – не космами трясть.
288. На поминках напоминаются вдрызг и покойника забудут, как его звать-величать.
289. Дай мне хлеба кусок – не нужен мне, мертвой, и сдобный пирог.
290. Пляши, Матвей, не жалея лаптей.
291. Лежит собака на сене – сама не ест и никому не дает.
292. Рыбу ловит, а мух варит.
293. У зазубенной головушки язык как бубенец.
294. Знай, сверчок, свой шесток.
295. Каждый кулик свое болото хвалит.
296. Как аукнется, так и откликнется.
297. На чужой каравай рта не развевай.
298. Вопит, грозит: «Я тебе рожу, растворожу, губы на язык умножу», а сам пол лавку прячется.
299. Эх ты, горе-охотник, подстрелил утку в юбке да и та уплыла.
300. Идешь в лес на день – бери хлеба на три.
301. Запас не колет глаз.
302. Сватает в три места, никуда не берет.
303. С дураком говорить – в ступе воду толочь.

Имена числительные в памятниках русского Севера (на примере рукописи летописца Соловецкого)

Проведенное нами исследование явилось продолжением достаточно объемной по охвату материала работы, посвященной анализу класса имен числительных в литературно-письменных памятниках XVIII века (ими стали около 100 источников, представляющих различные сферы языковой деятельности указанного периода). Для первичного анализа было принципиальным обращение прежде всего к авторитетной письменной практике данной эпохи, так как именно в ней происходило непростое становление национальной языковой нормы, ставшей в дальнейшем образцом для любого речевого творчества, претендующего на литературность. Однако в полной мере представить противоречивый процесс сложения нового национального языка, проходивший в сложной борьбе различных культурно-языковых тенденций и установок, на наш взгляд, невозможно без обращения к текстам, создание которых в силу объективных причин оказалось на периферии языковой деятельности исследуемой эпохи. К их числу, в частности, относятся письменные источники регионального характера.

В настоящей работе мы обратились к одному из таких памятников – рукописи Соловецкий летописец, хранящейся в Национальной библиотеке Республики Карелия. Рукопись датируется второй половиной 1790-х гг. и представляет собой пространную редакцию памятника, который был создан на основании более ранних источников и описывает жизнь Соловецкого монастыря с момента его возникновения до 1795–96 гг. Отметим, что текст рукописи был исследован нами по его электронной версии, опубликованной на сайте НБ; там же оказались приведены и некоторые фрагменты более раннего списка памятника, изданного А. К. Бороздиным в 1790 г., которые мы в некоторых случаях привлекали при анализе в целях сопоставления.

По количеству использованных числительных, в том числе в побуквенной записи, текст летописца дает достаточно богатый материал. В целом, из рукописи было извлечено около 200 соответствующих контекстов.

Ввиду объемности проведенных наблюдений в настоящей работе мы решили остановить внимание лишь на одном из аспектов предпринятого исследования, обратившись к грамматическому и функционально-стилистическому представлению в летописце числительных *два, три, четыре*.

При проведенном ранее общем анализе письменных памятников Петровской эпохи, а также более поздних текстов первой половины XVIII столетия нами были обнаружены различные варианты нумератива *два*, представляющие собой в языке явления переходного характера, например, образование *дву* (форма, употреблявшаяся не только в Р., В., П., но и в Д., Т. п., что, по-видимому, определило дальнейшее ее закрепление в качестве общей основы всех косвенных падежей), а также образование Т. п. *двѣмя*. Приведем некоторые примеры: «*изъ дву полярныхъ точакъ*» (Магницкий. Арифметика, 223); «*послатъ изъ якорныхъ десятниковъ добрыхъ дву человекъ*» (Указы, 106); «*растянувъ на дву шестахъ*» (Крашенинников. Камчатка, 158); «*жить съ двѣмя персонами въ одной союзности*» (Тредиаковский. Езда, 122); «*межь двѣмя тропиками*» (Фонтенель. Разговоры, 73) и др.

Несмотря на то что текст Соловецкого летописца, судя по истории его создания, вполне мог апеллировать к подобной речевой архаике, представляет большой интерес, что ни одного подобного употребления мы в тексте рукописи не находим – везде у числительного *два* современная словоизменительная норма. См. примеры: «*воду приводил в м[о]н[а]стырь из пятидесяти **двух** озер*» (л. 9), «*состоящие из **двух** фасадов с фланками, с прорезанием четырех анбазур*» (л. 35), «*построена каменная полата о **двух** жирах*» (л. 13), «*канархистам **двум***» (л. 21), «*рядовой братии ... – **восмидесяти двум***» (л. 21), «*да при нем же игумене прибыл промысел в Солокурье; на Луде **двумя** црены варят*» (список «Летописца» А. К. Бороздина, датируется серединой столетия), «*в Спаской церкви своды на **двух** столпах*» (л. 7), «*построена кожевенная каменная палата о **двух** апартаментах со своды*» (л. 28 об.) и др.

Данное обстоятельство обосновывает необходимость дальнейшего исследования региональной письменности XVIII века, так как ставит под сомнение нашу гипотезу о более длительном функционировании, в частности, словоформы *дву*, в разговорном языке изучаемого периода (вывод сделан нами на основе обращения к грамматическим сочинениям и некоторым письменным источникам, близким к разговорной речи, датируемым второй половиной XVIII века). Это положение требует дальнейшей проверки, возможно, словоформа *дву* сохранялась в это время не повсеместно или к концу столетия окончательно вышла из употребления.

Между тем следы исконного словоизменения бывших атрибутивных числительных *два, три, четыре* обнаруживаются в тексте анализируемого памятника у числительного *три* (в форме Т. п.): «*в Соловецкой манастырь прибыл чрез город Онегу майа 27 дня с **тремя** иеромонахами*» (л. 36). У лексемы *четыре* аналогичную флексию находим в другом списке летописца, изданном А. К. Бороздиным, причем любопытно, что она употребляется здесь в одном контексте с современными словоформами родственных числительных *два, три*: «*Да при Филиппе ж игумене прибыло промыслов в Колежме два црена, да за морем два промысла; иногда **тремя** црены варят, а иногда **четырьми**, да железной промысел сполна. Да при нем же игумене прибыл промысел*

в Солокурье; на Луде двумя црены варят». По всей вероятности, архаичные формы этих нумеративов еще изредка воспроизводились в речи, причем если в первом случае еще можно предполагать какую-либо контекстуальную обусловленность подобного употребления, то во втором фрагменте такая мотивировка исключена. В целях сопоставления отметим, что единичные случаи использования словоформы *четырьмя* встречаются в XVIII веке даже в произведениях М. В. Ломоносова и В. К. Тредиаковского, кроме того, она до настоящего времени сохраняется в диалектном употреблении. По наблюдениям Г. И. Матвеевой, именно окончание *-ми*, распространенное «повсеместно с крайнего севера до южных районов», было и остается безусловным лидером среди всех остальных флексий этих нумеративов в русских говорах (Матвеева Г. И. Числительные два, три, четыре в русских говорах. С. 96–97). Последнее замечание позволяет предположить, что соответствующие употребления, отмеченные в Соловецком летописце, могли появиться в нем не только вследствие влияния традиционных письменных форм, но и отражать черты говора его составителя (или составителей).

Особого внимания в отношении рассматриваемых числительных заслуживают, в том числе и формы их количественно-именных сочетаний. Например, как и в других источниках XVIII века, с существительными *день* и *рубль*, здесь безусловно преобладающими оказываются соединения типа *два, три, четыре дни* или *рубли*. См. примеры: «*три рубли на церковь дал и на трапезу 5 ру[блев], на известь 4 ру[бли], на лодью 6, на коровы 3 ру[бли], на колокол 10 ру[блев]*» (л. 8 об.), «*кубок золочен лощатой без покрывки за тридцать за два рубли за 50 копеек*» (л. 11), «*денег триста тридцать три рубли*» (л. 11 об.), «*по два рубли*» (л. 21), «*итого сто восьмидесят три рубли*» (л. 21), «*в Соловецком м[о]н[а]стыре был архимандритом 20 лет 5 м[е]с[я]цов и 2 дни*» (л. 32 об).

Еще более любопытный материал для наблюдений представляют собой в анализируемом источнике количественно-именные конструкции с присубстантивными определениями типа «*четыре торелки оловянных*». Если в авторитетной письменности XVIII века уже в первой половине столетия ведущей в системе такого рода конструкций становится модель с определением между числительным и существительным, например, «*четыре Корякские острожка*» (Крашенинников. Камчатка, 26); «*два малые судна*» (Радищев. Путешествие, 30); «*две славныя Династии*» (Карамзин. Похвальное слово, 92) и др., то «Летописец Соловецкий» в этом отношении, по всей видимости, продолжает традиции разговорно-делового языка донационального периода.

Заметим, что новая литературная норма расположения компонентов в сочетаниях подобного типа почти неизвестна этому памятнику, несмотря на то что он датируется концом столетия. Приведем примеры: «*по углам построены четыре престола предельных*» (л. 7), «*ц[а]рь и великий князь Иоанн Васильевич пожаловал в м[о]н[а]стырь... 2 колокола зазвонные*» (л. 7 об.), «*две стопки серебряные да три ложки серебряные*» (л. 8), «*два пруда каменные делал*» (л. 8 об.), «*пожаловал... две пицали девятиядные медные, да две пицали полоторные медные*» (л. 10) «*пожаловал 4 пицали затинных*» (л. 10) «*пожаловал две пицали полоторных медных*» (л. 12), «*того ж году 4 пицали пожаловал затинных*» (л. 12), «*две пушки медные полоторные*» (л. 12 об.), «*три образа обложены серебром*» (л. 13 об.), «*пожаловал 3 покрыва служебные*» (л. 15) «*две цки серебряные чеканные*» (л. 18) «*два престола предельные*» (л. 28 об.), «*построено две часовни каменные*» (л. 30–30 об.); см. также и для других числительных – «*15 лодей соловецких с ызвезью*» (л. 8), «*десять ширинок шиты золотом и серебром и шелки разными*» (л. 8), «*двадцать стаканов серебряных*» (л. 10 об.), «*пожаловал пять пицалей затинных*» (л. 12).

При этом в данном источнике весьма ощутимое преимущество оказывается (в сопоставлении с памятниками московской деловой письменности, также восходящими к разговорной норме) за И. п. определений, который употребляется параллельно с Р. п., судя по приведенным контекстам, без какой-либо содержательно-стилистической подоплеки.

Безусловно, интересны в летописце и такие примеры, известные разговорно-деловому языку донациональной поры, когда И. и Р. п. могут использоваться в пределах одного количественно-именного сочетания: «*4 судна мореходных, называемые лодьи*» (л. 33), «*два подсвещника церковных больших выносных на литиях, чеканной работы, серебряные, золочены, с чернью*» (л. 36). Одну конструкцию подобного типа отмечаем даже для числительного *десять* – «*10 кляпышев серебряных золочены*» (л. 10 об.), что, помимо всего прочего, подтверждает активно действующую в языке рассматриваемого периода тенденцию к дальнейшей формальной унификации, которой и ранее подвергались сочетания с различными числительными.

Всего в «Соловецком летописце» на 30 описанных структур с постпозицией определения, которая, кстати сказать, может наблюдаться здесь и в обычных атрибутивных сочетаниях (например, «*часы медные резные на проем*»), приходится всего лишь два случая, отражающих современный облик этих конструкций: «*две каменные плиты*» (л. 22 об), «*девять жемчужных зерн*» (л. 16).

Исходя из проанализированных данных, можно утверждать, что установившаяся в авторитетной литературной практике изучаемого периода норма соответствующих словосочетаний с нумеративами *два, три, четыре*, достаточно последовательно соблюдаемая уже с начала столетия, пока не находит применения во всех сферах языковой деятельности Российского государства. Во всяком случае, на основании материалов, извлеченных из Соловецкого летописца, об этом можно говорить смело. В отношении же других источников регионального происхождения данное предположение, несомненно, нуждается в дальнейшей проверке на основе фактов, различных как по локальным, так и по жанрово-стилистическим характеристикам.

Окружающий мир в восприятии севернорусского крестьянина (по лексическим данным)

Человек и окружающий мир представляют собой одно целое. Взаимосвязь этих двух сфер отражается и в сознании человека, и в слове. Отношение к природе, животному и растительному миру, обществу, материальным и духовным ценностям формируется в течение длительного времени, переходит от поколения к поколению. На любом предмете, сотворенном людьми, лежит печать истории, психологии этноса (Потебня, 1999; Вендина, 2002).

Социологи, антропологи, философы, историки, изучая культурное развитие народа в целом и русского населения отдельных регионов, говорят о проявлении разных видов народного сознания: этнического, религиозного, психологического, семейного, правового, социального и т. д. Каждый из этих видов сознания состоит из множества компонентов, исследование которых может создать целостную картину *народного самосознания*, т. е. осознания человеком, населением или народом своего мировоззрения, образа жизни, характера, поведения, отношения к себе и к людям, к окружающей среде. *Картина мира* включает в себя видение мира, присущее тому или иному народу, его представление о своей роли и месте в этом мире, о своих ценностных установках и нравственных ориентирах. Все выше сказанное относится и к культуре севернорусского населения.

Посмотрим, как в лексике и фразеологии севернорусских говоров отражается отношение человека к окружающему миру. Образное видение действительности ярко выражено в метафоре (Гак, 1988; Телия, 1988; Скляревская, 2004).

Широко употребительна в речи диалектоносителя антропоморфная метафора, что отражает антропоцентрический характер лексики. Антропоморфная метафора основана на сравнении животных, растений, природных явлений, материальных предметов с человеком. Благодаря олицетворению они наделяются даром речи, способностью мыслить, чувствовать и совершать действия, свойственные человеку. Если говорить о сферах **«Растительный мир»**, **«Животный мир»** и **«Природа»**, то здесь встречаются как регулярные, так и окказиональные метафоры, передающие, прежде всего, психологическое состояние человека, реже – физические признаки.

В говорах частотно употребление существительного *вдовёц* для обозначения какого-л. колючего растения: чертополоха, релейника, осоки: *вашк.*¹, *кириш.*, *плес.*, *арх.*, *волог.*, *олон.*, *новг.* В основе вторичной номинации находятся потенциальные семы 'отдельный', 'один, одинокий', 'способный уколоть'. Следовательно, чертополох сравнивается с вдовцом, который, являясь одиноким, может быть несколько нелюдимым, грубым в отношении с другими людьми: "*Вдовёц* колючий, как вдовый мужик" *арх.* Ср. *вдовый ветер* 'западный ветер': "*Вдовый ветер*, жёнку потерял, бесится" *арх.* Признак 'один' входит во внутреннее содержание устойчивого сочетания *вдовая свая* 'свая, состоящая из одного бревна' *арх.* В семантике фразеологизма *вдовьи слёзы* 'комнатное растение с зелёными глянцевыми листьями и красными цветами' ср.-урал. отражает не только мотив одиночества, но и внешнее сходство растения со слезами человека.

Высокая трава ассоциируется в сознании диалектоносителя с обликом офицера, представляющегося высоким, стройным, статным: *офицёр* 'о высокой траве' *кириш.* Всякое сорное растение в вытегорских говорах именуют *пиратом*.

При переносе **психологического состояния человека** на предмет или природное явление, растение в центре внимания оказываются такие состояния, как веселость, плаксивость, злость. Так, радугу в архангельских и ярославских говорах называют *веселухой*; прилагательное *весёлый* употребляется при наименовании деревни, избы, находящейся на высоком месте с хорошим обзором (*арх.*, *волог.*), ясного, солнечного дня (*тихв.*), чего-л. со светлой, прозрачной водой (*карг.*). Комнатное растение бальзамин, на листьях которого перед дождем появляются капли, в свердловских говорах называют *плаксой*; однокоренные слова используются часто для именования ветра: *плакса* 'юго-восточный ветер' *пуд.*, *плакун* 'то же' *пуд.*, *лод.*; *паксун* 'западный ветер' *олон.*, 'юго-восточный ветер' *краснояр.* Ср. 'дождливый месяц' *кирил.* *Злым* называют резкий, сильный, пронизывающий ветер в каргопольских говорах.

Метафорический перенос **действий человека** на действия животного, растения, предмета или природного явления наблюдается в следующих лексемах: *ворчать* 'мурлыкать (о кошке)' *онеж.*, 'квкать' *медв.*, *онеж.*, 'жужжать' *медв.*, *лод.*; *запотешаться* 'начать кричать (о птицах)' *выг.*; *заругаться* 'закудахтать' *онеж.*; *поговаривать* 'крякать' *онеж.*; *говорить* 'скрипеть (о половицах)' *тер.*; *лениться* 'прийти в негодность от старости (о мостах)' *подп.*; *жмуриться* 'смеркаться, вечереть', 'быть прикрытым чашелистиками' *волог.*; *зжмуриться* 'свернуться, закрыться (о цветах, бутонах, ягодах)' *люб.*, *бокс.*

Признак **'часть тела человека'** является мотивационным, ядерным при метафорическом переносе *человек* → *предмет, человек* → *природное явление и человек* → *растение*: *лицо* 'фасад дома' *подп.*, *чуд.*, *кем.*, *баб.*, *кирил.*, *лод.*, *онеж.*, *прион.*, *тихв.*; *носók* 'выступающая часть поля, леса' *чуд.*, *онеж.*, *плес.*; *носóчек* 'выступаю-

¹ Сокращения географических названий соответствуют данным диалектных словарей.

щая часть суши, мыс' медв.; *зуб* 'угол дома' прион., 'выступающая острая скала в тундре, видная с моря' арх.; *плешенья* 'место в поле, на лугу, лишенное травы' сланц.; *плешивина* 'место, участок в поле, на котором не появились всходы' чуд.; *волосы солнца* 'солнечные лучи при восходе или закате солнца' выгоз.; *лы'тка* 'стебель капусты' волог., ср. устойчивые сочетания *лы'тки растянуть* 'выпустить, протянуть длинные побеги (о растениях)' выт., *ля'хи растянуть* 'то же' выт. Лексема *лы'тка* в прямом значении - 'часть ноги человека от колена до стопы; голень' пуд., карг., онеж., лод., подп., тихв., выт., шексн., люб., новг., бат., чуд., шим. Выбор слов с мотивационной семой 'часть тела человека' для характеристики предметов и явлений окружающей действительности не случаен. Лексемы подчеркивают определенные признаки, лежащие в основе вторичной номинации: 'круглый, открытый' (плешь), 'выступающий вперед' (нос), 'выступающий, острый' (зуб), 'длинный' (нога).

Не менее интересна **зооморфная метафора**. В семантической сфере «Окружающий мир» распространён перенос '**животное**' → '**предмет**'. В основе вторичной номинации находится сходство животного и предмета по внешнему облику или функции: *бульдэг* 'лапоть с широким носком' карг.; *кабан* 'большой четырехугольный кусок льда, вырубаемый на реке, для набивки погреба' онеж.; *медвёжья лапа* 'метелка из сосновых веток с длинной ручкой для подметания пода в русской печи' медв.; *паук* 'сачок для ловли рыбы' медв., сланц.; *жучок* 'заколка для волос' валд., дем., ост.

Предметная лексика редко используется для обозначения объектов из других семантических сфер. В основе метафоризации обычно находится сходство по форме или функции: а) '**предмет**' → '**животное**': *кóвшичек* 'головастик' бокс.; *косты'ль* 'маленькая щука' подп.; б) '**предмет**' → '**природное явление**': *заплата* 'туча' карг., кирил., баб.; *клоч* 'дождевое облако, туча' плес., тихв., кириш.; *слёзка* 'ледяной бугорок на замерзшей воде' кем., онеж.; в) '**предмет**' → '**растение**': *самоварчик* 'цветок кувшинки или лилии' медв., белом.; *поварёнок* 'головастик' онеж., плес.; *пýлька* 'ягода' тихв.; *пирожок* 'стручок гороха' медв., белом., кем., онеж., тер., выт., карг., подп., 'стручок перца' белом., онеж., 'плод шиповника' онеж., 'нераспустившийся цветок, бутон' выт.; *пýговички* 'о мелких грибах' шексн.; г) '**предмет**' → '**предмет**': *кувшин* 'осиное гнездо' медв.; *плац* 'хрящевой выступ на осетровых рыбах' краснояр., богуч., томск.

Семантический перенос, в основе которого находится компонент '**географический объект**', представлен лишь одним примером. Во фразеологизме *пíтерский гриб* 'белый гриб' (белом.) используется прилагательное, образованное от названия известного города. Данное устойчивое сочетание содержит семантический признак 'ценный' (белый гриб считается самым ценным в России). Ср. – о человеке: *петроградка* 'модница, франтиха' тер., *кúкла пíтерская* 'модница, франтиха' пуд.

Фразеологические обороты, в семантике которых содержится признак '**религиозное понятие**', отражают идею божественного начала в природе, тесную связь человека и Бога: *бóжий огонёк* 'насекомое светлячок' бат.; *богорóдицына рúчка* 'лечебная трава, желудочное средство' карг.; *бóжий лес (лесóк)* 'веточка ягодного растения, морошки' белом.; *бóжья мýлость* 'гроза' лод., пуд., тихв.

Следует заметить, что для крестьян живая земля, живая природа была, действительно, божьим творением, к которому надо относиться бережно. Человек не просто подстраивается под природу, а взаимодействует с ней через культуру. В таком взаимодействии формировались характер, волевые черты северян, их ментальность.

Среди многообразия метафор в сфере «Окружающий мир» выделяется антропоморфная метафора, что свидетельствует об антропоцентрическом характере диалектной языковой картины мира.

Семантика лексем, образованных путем метафорического переосмысления, передает идею единого начала человека и мира, а также мотив освоения окружающего пространства, познания реальности.

Литература

1. Вендина, 2002 – Вендина Т. И. Слово как «архетип культуры» // Русская культура на рубеже веков: Русское поселение как социокультурный феномен. – Вологда, 2002. – С. 203–219.
2. Гак, 1988 – Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. – М. : Наука, 1988. – С. 11–26.
3. Потеня, 1999 – Потеня А. А. Мысль и язык. – М. : Лабиринт, 1999. – 268 с.
4. Склярёвская, 2004 – Склярёвская Г. Н. Метафора в системе языка. – 2-е изд., стереотип. – СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2004. – 166 с.
5. Телия, 1988 – Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и её экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. – М. : Наука, 1988. – С. 26–52.

Словари

1. АОС – Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецово́й. – Вып. 1–12. – М. : Изд-во Моск. ун-та ; Наука, 1980–2004.
2. Подвысоцкий – Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. – СПб., 1885.

3. СВГ – Словарь вологодских говоров / ред. Т. Г. Паникаровская ; Л. Ю. Зорина. – Вып. 1–12. – Вологда : Русь, 1983–2007.
4. СГРС – Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. – Т. 1–3. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–2005.
5. СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. – Вып. 1–6. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1994–2005.
6. СРНГ – Словарь русских народных говоров / сост. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. – Вып. 1–40. – М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–2006.
7. ЯОС – Ярославский областной словарь / отв. ред. Г. Г. Мельниченко. – Вып. 1–10. – Ярославль : ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1981–1991.

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

**Материалы V научной конференции
(17–18 февраля 2011 г.)**

*Печатается по решению редакционного совета
Национальной библиотеки Республики Карелия*

Составитель

Н. П. Новикова, заведующая отделом Национальной библиотеки Республики Карелия

© Национальная библиотека Республики Карелия, 2011